

Сергей
Малицкий

EXTENSIO
OTSNETHX

Сергей Малицкий

Extensio

« Автор »

2020

Малицкий С.

Extensio / С. Малицкий — « Автор», 2020

Частный детектив берется за необычное дело – найти девушку, скрывающуюся в компьютерной игре. У него есть ее имя, фотография, настойчивость и странное ощущение, что этот поиск будет непростой задачей. Но виртуальность превзойдет все его ожидания.

© Малицкий С., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог. Extensio[1]	6
Часть первая. Infernum[11]	20
Глава первая. Подонки и уроды	20
Глава вторая. Мост и квест	34
Глава третья. Джерард и Анна	50
Глава четвертая. Вода и земля	63
Глава пятая. Маршал и Миа	74
Глава шестая. Гавриил и конспирация	88
Глава седьмая. Шаграт и пицца	99
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Сергей Малицкий

Extensio

На обложке использована работа Андрея Мещанова.

* * *

Пролог. Extensio¹

«И был вечер, и было утро: день один²»

Краски были яркие, силуэты отчетливы, запахи приятны. Дышалось на удивление легко. Свежесть проникала в легкие и оведала тело, не обдавая его холодом. Даже сквозь стекло автомобиля сущее напоминало картину, которая была близка к совершенству. Не хватало одного мазка, после которого абсолютная гармония воцарится внутри и снаружи, и появится возможность приблизиться к тому, что некоторые называют дыханием господа. Об этом состоянии, выждав положенную секунду, еще иногда говорят – «ангел пролетел». Конечно, недостаточно чуткий человек может ляпнуть какую-нибудь глупость, вроде – «полицейский родился», но на это не следует обращать внимания. И замирать в нетерпении, лелея надежду, что именно вас провидение назначило недостающим звеном идеального мироустройства, тоже не стоит. Может оказаться, что совершенство заключается именно в незавершенности. В таком случае всякое ожидание грозит обратиться в вечность. Нет, движение и только движение.

Понятно, что никто бы не отказался от вечности, но только после знакомства с техническим руководством. Всегда лучше убедиться, что речь не идет о бытовании в виде затянутой мхом скалы. Или же и это не худший жребий? Нет, всякое обнаруженное совершенство – это, прежде всего, повод облачиться в спасательный жилет иронии и сарказма и причина задуматься о чем-нибудь мелком. Незначительном. Даже низком. Или же о чем-то отвлеченном. К примеру, о том, что солнечное майское утро в лучшем городе на земле кажется странно новым, ненашенным, как будто до него не было ничего, и это утро первое, что вам доводится наблюдать. Или же о том, что возле вашего офиса скрещиваются две улицы с односторонним движением. Последнее, кстати, мелочью не назовешь, (пусть даже нечто огорчительное в этом присутствует), хотя и это не более чем обстоятельство, из которого можно извлечь как преимущества, так и неудобства. Тот же Себастьян – обладающий полным набором достоинств молодой человек – считает, что преимуществ никаких нет или они весьма сомнительны, да и то проявляются лишь по вечерам. Не нужно ломать голову, когда приходит время отправляться домой. Вариантов движения всегда только два – или по Сотой улице к Центральному парку или по Девятой хоть до Бродвея, хотя, конечно же, на самом деле выходило чаще всего только к Центральному парку, потому как стоянка у офиса была уже за перекрестком, и всякие попытки вырулить на Девятую, которая у конторы всему городу была известна как Коламбус Авеню, могли обернуться штрафом, видеорекамеры отслеживали каждый маневр на этом перекрестке. Так что выбора на самом деле не было никакого, что в свою очередь нисколько не беспокоило Джима, прямого начальника Себастьяна, поскольку он, в отличие от последнего, подъезжая с утра к офису, думал о месте для парковки лишь тогда, когда это самое место обнаруживалось у него перед носом. Причем попаданий «в молоко» у Джима пока еще не случалось. Это обстоятельство изрядно злило его подчиненного, потому как постоянное отсутствие парковочного места казалось тому если и не вызовом судьбы, то уж во всяком случае клеймом неудачника. Со временем Себастьян вовсе перестал брать машину, а если иногда брал, к примеру, в пятницу, то оставлял ее возле мексиканского ресторана, который находился по той же Девятой, но уже за конторой Джима, и откуда форд Себастьяна один раз уже угоняли, к счастью, недалеко. В ответ на сетования помощника Джим посмеивался, что все дело в имени – Джеймс Лаки Бейкер, в котором второе слово как раз везение и символизировало, и если бы у Себастьяна Коулмана тоже имелось второе имя с нужным значением, то и он бы не только без проблем находил место

¹ – (лат) расширение.

² – Бытие, гл.1, стих.8

для стоянки возле их офиса, но и со своим старанием и ответственностью непременно был бы главой детективного бюро, а не помощником его директора.

«Всему свое время» или «вот была охота тащить на себе такой груз», – недовольно ворчал Себастьян, как обычно почему-то смотря не в лицо Джиму, а куда-то в район его сердца, и смешно почесывал переносицу, вероятно пытался выбрать ближайший из четырех входов в подземку. Если бы Себастьяну вздумалось на карте соединить их линиями, детективное бюро Джима оказалось бы как раз на их скрещении. Иногда, наливая кофе из офисного автомата, которых по странной причуде Джима в конторе было целых пять штук, Себастьян бормотал с досадой: «Хороши же мы были бы с одинаковыми именами». Если же Джим находился в некотором отдалении, то Себастьян пытался уязвить босса как-нибудь еще, к примеру, громко объявлял, что его не соблазнишь собачьей кличкой между первым и вторым именем, но, даже изрекая рискованные сентенции, мог рассчитывать со стороны собственного шефа лишь на взрыв хохота.

Джим мог бы многое рассказать Себастьяну об этом втором имени. О том, как оно досаждало ему в детстве. И как до сих пор каждый второй клиент первым делом интересуется, в самом ли деле Джима Лаки зовут Джеймс Лаки Бейкер, или именование «Лаки» вставлено между двумя приличными именами случайно? К примеру, было пристегнуто к детективному бюро и перешло к его новому владельцу вместе со стеклянной дверью, стойкой секретаря, за которой вечно упражняется в остроумии рыжеволосая Миа, наверное, заразилась смешливостью у собственного босса, или вообще вместе с угловой частью здания в этом районе города, где аренда не просто прикусывает за мягкое место всякого арендатора, а отхватывает весьма ощутимые куски. Или о том, не снимался ли директор бюро в фильме «Lucky Jim» тысяча девятьсот пятьдесят седьмого года, когда даже бабушек и дедушек Джима не было еще и в проекте? (Ага, а со стариной Йеном Кармайклом, исполнявшем главную роль в этом фильме и почившем в давнем две тысячи десятом, Джим просто одно лицо, особенно с расстояния в милю и ни на шаг ближе). Зачем Себастьяну об этом знать? Нет, ему не следовало об этом рассказывать. Об этом вообще никому не следовало рассказывать. Поэтому Джим только смеялся. Он привык смеяться. К тридцати годам смех стал его визитной карточкой. К тому же, если кому из клиентов следовало отсеяться, как раз веселость главы детективного бюро безошибочно ускоряла этот процесс: тот, кому частный детектив мог показаться идиотом, с облегчением убеждался в этом уже на пороге и тут же отправлялся восвояси. С остальными можно было работать.

Кстати, одним из примеров положительного воздействия своего второго имени на собственную судьбу или, иначе говоря, проистекающих из него преимуществ, Джим считал то, что по-настоящему важные и интересные клиенты появлялись у него как раз в те дни, когда он успевал закончить с предыдущими. Хотя, надо признать, сегодняшний день был особенным не только в связи со вчерашним удачным завершением предыдущего дела и необъяснимым совершенством майского утра. Нет, было еще кое-что и по этому поводу даже стоило позагибать пальцы.

Во-первых, (указательный) Себастьян приехал на машине и даже сумел втиснуть свою тачку между машиной шефа и случайным микроавтобусом.

Во-вторых, (средний) и он, и Миа почему-то смотрели сегодня не на третью пуговицу от воротника на рубашке Джима, а точно ему в лицо, и как будто проявляли по этому поводу некоторое беспокойство, словно обнаруживали на месте лица Джима не то лицо, на которое рассчитывали.

В-третьих, (безымянный) музыка, которой Миа отмечала появление шефа в бюро, сегодня не прозвучала.

– Миа! – укоризненно покачал головой Джим. – Где моя заставка?

– Какая заставка, сэр? – с недоумением посмотрела на него рыжеволосая очаровательная дурнушка, которая способна была отбрить любого остряка с середины его шутки, а иногда даже до того, как тот успеет открыть рот.

– Ну как же? – Джим неопределенно взмахнул руками, пауза между делами побуждала его к романтическому и даже слегка сентиментальному времяпрепровождению. – Ну... это. Пара-па-ти-та и так далее. Блюз пополам с вестерном, что-то из старого кино про космические корабли.

– Ясно, сэр, – Миа как будто начала приходить в себя, хотя некоторое время с изрядной странностью в глазах все еще пыталась сползти взглядом на третью пуговицу на рубашке босса. – Вы ведь про рингтон, который я записала на телефоне бюро? Неужели он вам не надоел за шесть лет? Он запускается, когда я включаю линию, чтобы предупредить вас о появлении следующего клиента. Кажется, он стоит и на вашем телефоне. Хотите, я вам позвоню? Вы можете просто послушать звонок. Я готова звонить так каждое утро. Мне вовсе не трудно.

– Пожалуй, я поставлю эту мелодию на будильник, – слегка присел Джим, чтобы совпасть с направлением взгляда Мии, подмигнул ей и стал подниматься на второй этаж, раздумывая о том, что всякая дамочка могла бы присесть точно так же, дабы перехватить один из плотских взглядов закоренелых сексистов, но он-то хоть и счастливчик, точно не дамочка. Или же у него пятно от кофе на рубашке? Нет, Миа не упустила бы повода – во-первых, съязвить, во-вторых предупредить босса о его временной представительской непригодности. Кроме всего прочего было во всем происходящем нечто неясное, как будто у него на сегодня было назначено важное дело, но кто-то всесильный обратил внимание на частного детектива с лицензией «С» и старательно подчистил следы этого важного дела и из бумаг, и из файлов, и из памяти Джима. И, наконец, странное ощущение, что все, происходящее с ним здесь и сейчас, происходит впервые, не оставляло его с той самой секунды, как он обнаружил себя паркующимся возле собственного офиса. Кстати, надо признать, что не Себастьян втиснул свою машину между машиной шефа и случайным микроавтобусом, а именно Джим прижался к машине Себастьяна, ухмыляясь и представляя, как тот будет пробираться к собственной двери.

На втором этаже все было как всегда. Никакого отдельного секретаря в приемной не имелось, и вместо него за столом восседал Себастьян собственной персоной, обсуждая тонкости мирового соглашения со страховой компанией как раз по поводу удачно завершеного дела. Помощник слегка привстал, кивнул Джиму, дождался ответного кивка и вновь углубился в разбор деталей, которые, конечно же, проще было выслать по электронной почте, но Джим давно привык к некоей нелогичности поступков окружающих его лиц, поэтому не стал вдумываться в долетевшее до его ушей и просто прошел в свой кабинет. Усевшись в кресло и решив, что Миа с утра пораньше успела примерить на себя директорское место, поскольку оно было безбожно высоко поднято, Джим повозился с рычагом, включил компьютер и подумал, что в кабинете нужно все переделать. Стол поставить побольше, чтобы ноги ни во что не упирались, выкинуть все эти дурацкие плюшевые игрушки со стола, с полки и из шкафа, еще ни разу ни один клиент не появился у него с детьми, да и снять с окна дурацкие занавески с бананами, для делового настроения куда как больше подошли бы жалюзи. И можно было бы, кстати, раскошелиться на бамбуковые. Примерно такие, какие были в спальне у этого вдовца из предпоследнего дела... Как его... Себастьян, помнится, сказал, что они не так уж и дороги, зато функциональны и создают у клиента ощущение основательности конторы, в которую ему пришлось обратиться. Впрочем...

Селектор на столе Джима заморгал огнями и принялся издавать ту самую мелодию, которой директору детективного бюро не хватило при входе в офис.

– Миа... – оборвал музыку Джим и приготовился уже выслушать какую-нибудь остроту от «девушки с ресепшен», но услышал слегка удивленное:

– Сэр. К вам посетитель. Говорит, что... ей назначено. Вы меня не предупреждали.

– Конечно не предупреждал, – легко согласился Джим, загибая мизинец – вот и «в-четвертых». – Как я мог предупредить о том, что мне неизвестно?

– Она говорит, что записана в вашем блокноте, – парировала Миа и зашипела, понизив голос. – Говорит, что этот самый блокнот лежит в верхнем ящике вашего стола. На обложке блокнота – эмблема Гарварда. Готова поклясться, что в верхнем ящике вашего стола ничего нет!

– Миа, вы проверяете мои ящики? – поинтересовался Джим.

– Я протираю в них пыль, – обиделась Миа. – И выкидываю зачерствевшие булочки и пирожные, которые вы там прячете.

– Пирожные? – удивился Джим.

– И бутерброды! – фыркнула Миа. – Кстати, в сейфе они в прошлый раз даже заплесневели.

– Странно, – пробормотал Джим, наклоняясь. Верхний ящик его стола и в самом деле издавал запахи ванили, апельсина, миндаля и корицы одновременно, да и за ручку ящика точно кто-то хватался липкими руками. Твою же мать!

– Нет, я все равно не могу понять, откуда она знает, что лежит в вашем столе, если я ее вижу в первый раз? – не унималась Миа. – Или вы наконец плюнули на предрассудки и установили на свой компьютер скайп? Что вы показываете прекрасным клиенткам по скайпу? Подписка свободная?

– Какие предрассудки? – с недоумением пробормотал Джим, вертя в руках желтоватый блокнот, на обложке которого был изображен коричневый Гарвардский щит. – Блокнот, кстати, вы не заметили. И запись в нем есть. Оливия Миллер? Пятница? Девять утра?

– Написано вашим почерком? – продолжала шипеть Миа.

– Буквы печатные, – заметил Джим и конечно же не сдержал смешка. – Перестаньте, Миа. Последнее дело было хлопотным, наверное, я запомнил, что у меня есть такой блокнот. О пирожных, кстати, тоже слышу впервые...

– Она поднимается, – сообщила Миа. – Примите мои соболезнования, босс. И не только по поводу вашей кулинарной амнезии. Но если что – я на связи.

– Джеймс Лаки Бейкер?

Гостья выглядела так, как должна была бы выглядеть дама, которой абсолютно плевать на то, как она выглядит, но не в силу наплевательского отношения к собственной внешности, а в связи с осознанием ее совершенства. Или же она и была тем самым недостающим мазком? Пожалуй, незнакомка уступила бы любому из возможных канонов красоты каждой отдельной линией собственного лица или фигуры, но побила бы их все тем самым сочетанием черт, которые подвластны лишь одному архитектору. Да-да, тому самому, который так редко занимается своими прямыми обязанностями, и которого мы неизменно поминаем, восклицая – «Oh, my God!»³ Ее темные волосы дышали уже знакомой свежестью и наполнили этой свежестью кабинет Джима. Ее глаза светились так, словно свет переполнял ее изнутри. Ее кожа оставалась белой и живой даже в легких тенях, которые образовывались на ее лице от ее же черт. Ее губы были чувственны и нежны. Ее скулы и овал лица знали о золотом сечении нечто такое, чего не знало о себе само золотое сечение. При всем при том она была одета в обычные джинсы и

³ – (англ.) – О, мой бог!

легкий топ, но и эта ее одежда тоже была совершенной вплоть до последней торчащей нитки хотя бы потому, что прикасалась к ее телу. Что уж говорить о невесомых босоножках, которые держались на ее узких стопах совершенно непостижимым образом?

«Слишком пошло, слишком! Сбавь обороты, юноша!» – подумал Джим о самом себе, трижды сплюнул (в уме), грязно выругался (там же) и привстал, чтобы вывести помощника в соседней комнате из состояния грогги:

– Себастьян! Сделай нам кофе, пожалуйста. И прикрой потом дверь.

Да... Лимон на язык Джиму сейчас бы точно не помешал. Хотя бы для того, чтобы стереть с лица идиотскую улыбку.

– Не стоит, – обозначила улыбку гостя и показала чашечку, которой, он готов был поклониться, у нее не было в руках секунду назад. – Если что, я не о двери. Ваша прекрасная Миа уже угостила меня кофе.

«Миа очевидно сошла с ума», – подумал Джим, пожал плечами, дождался, пока гостя опустится в кресло напротив (то, как она это сделала, нельзя было описать глаголом «села») и кивнул прикрывающему дверь Себастьяну, на лице которого вновь появилась печать неудачника:

– Простите, мисс...

– Миссис, – она поставила чашечку на стол.

– Миссис Оливия Миллер?

– Можно и так сказать.

Она произнесла это небрежно и потратила пару секунд, чтобы окинуть взглядом кабинет Джима, в том числе десятки плюшевых игрушек на пластиковых полках, очевидно числа хозяина кабинета в их ряду, и задержалась взглядом лишь на большой фотографии работы Салли Манн⁴. На черно-белом полотне были изображены четверо, хотя в объектив смотрела лишь одна девочка в купальнике, наверное, лет восьми или десяти. Джим всегда терялся, когда нужно было определить возраст ребенка, спотыкался на несоответствии формы и содержания, которое проявляло себя в глазах. Кроме этих четырех фигур на фотографии почти ничего не было. Деревянные перила моста или мостков, перехваченные белой бечевой у края кадра. Размытый горизонт. Поле. Трава. Вода. Отражение травы в воде. Все не в фокусе, кроме девочки.

– Не под стеклом, – заметила Оливия.

– Ну, это же не оригинал, – пожал плечами Джим. – Вы всего лишь в детективном бюро, а не в приемной какого-нибудь миллиардера. Зато текстурированный пергамент. Никаких бликов. И при этом – идеально ровная поверхность. Лучшая полиграфия из возможных.

Что он мелет? Кажется, минуту назад он не знал об этом изображении ничего, откуда же в его голове всплыло имя автора снимка? Да он и саму фотографию видит впервые!

– И полная независимость от источников энергии, – как будто задумалась Оливия. – Да, это не какая-то там проекция. Хотя, здесь все проекция. Вот он, привет от Эмили.

– Привет от Эмили? – переспросил Джим. – Простите, не понимаю...

– Не ломайте голову, – поморщилась Оливия, не умалив свое совершенство даже на сотую часть. – Пока не ломайте голову. Все равно не поймете. Надо просто привыкнуть. Когда человек говорит, что ему надо понять, он обычно не предполагает, что речь идет о привычке. Понять дано немногим. Большинство привыкает или... не привыкает. К счастью, у этого самого большинства короткая память.

– Вы так рассуждаете, как будто сами и не человек вовсе, – заметил Джим.

– Неужели? – слегка подняла одну бровь Оливия. – Что ж, может быть, Эмили была права, выбирая вас. Кстати, как вам первый день на этой вашей работе? И почему вы смущены?

⁴ – Sally Mann, американский фотограф

Пытаетесь что-то наверстать? К примеру, наконец сообщить мне, что наш разговор записывается вашими сотрудниками?

Она внимательно посмотрела на Джима, но объяснения его действительного смущения или второго вопроса относительно таинственной Эмили не дождалась, и именно это как будто ее устроило. Оливия закрыла глаза, подняла ногу, оттолкнулась от стола, отъехала на офисном кресле в центр кабинета и плавно закружилась, не прилагая ни малейших усилий для того, чтобы ее вращение ускорилось или замедлилось, и именно в эти секунды Джим понял, что странная свежесть всего происходящего вокруг него имеет какое-то объяснение, и оно, это объяснение, непостижимым образом связано с прекрасной женщиной в центре его кабинета.

– Простите... – попросил он уже в третий раз, и вращение прекратилось.

– Понимаете, – она открыла глаза, – рассуждать о человеческой природе изнутри человеческого сообщества так же сложно, как измерять температуру воды, находясь в водяном баке. Хотя, точку кипения можно угадать по пузырям. С другой стороны, что это даст, если мы не знаем, на какой высоте над уровнем моря расположен этот самый бак? Отстранение – это не просто лучший метод исследования и рассуждения, это, пожалуй, единственный метод. И особое искусство.

– Обособиться, оставаясь внутри водяного бака? – спросил он. – Разве это возможно? Мнится, что для этого как минимум нужен еще один бак. Да и то...

– Внутри человеческого сообщества, – поправила она его. – Вы, кстати, не ответили, как вам первый день на этой работе? Я вас слушаю.

– Это я вас слушаю, – рассмеялся Джим. – Первый день? Вы даже представить себе не можете, сколько я закончил дел вот в этом самом кабинете.

– Двести тридцать девять, – сказала она. – Могу пересказать вам каждое. По сорок дел в году. Шесть лет подряд с перерывом на лето. По одному делу в неделю. В лучшее время. Завидная регулярность, не находите? Удивительно, как вы справляетесь? Пусть даже именно вы имеете к этим делам косвенное отношение. А ведь сегодня у вас могло бы состояться двести сороковое дело. Мое дело. Или я не вписываюсь в ваш сценарий?

– Если я за него возьмусь, – заметил Джим, слегка ошалев от потока информации.

– Возьметесь, – вздохнула Оливия. – Именно вы. Полагаю, что вы были созданы как раз для моего дела.

– Вот были бы удивлены мои родители, – натужно рассмеялся Джим, слегка досадуя, что его смех не находит отклика на лице таинственной гостьи. – Может быть, мы все же перейдем к фактам? Только сначала скажите, откуда в моем блокноте взялось ваше имя?

– В вашем блокноте? – удивилась Оливия. – Разве вы учились в Гарварде?

– Какое это имеет значение? – зашелестел страницами Джим. – Здесь, кстати, нет других записей.

– Все имеет значение, Джим Лаки, – сказала Оливия. – Или Лаки Джим, не знаю, как вам больше нравится. Все важно. Ваше имя, которое может оказаться не вашим, ваш или не ваш блокнот, фотография на стене в вашем кабинете. Стол, который вам явно не по росту. Ваше образование. Здесь, кстати, одно из тонких мест. Во время пятнадцатого дела вы обмолвились о своей учебе в Принстоне. Обмолвились мельком, что-то вспомнили об одном свидетеле, который якобы преподавал на смежном курсе. А вот во время двести пятого дела, не так давно, у вас даже была встреча с сокурсником из Калифорнийского технологического. Помните?

– Встречу с сокурсником помню, – нахмурился Джим. – А вот обмолвку о Принстоне, где я точно не учился, не припоминаю.

– Эффект замещения, – кивнула Оливия. – Противоречия в проецируемых воспоминаниях неизбежны, но более яркие замещают менее яркие, и, благодаря этому, индивид избавляется от синдрома недоверности. Если вы заметили, я исключаю вариант немотивированной

лжи. Полагаю, она вам не свойственна. Хотя для меня вы все же загадочная личность. Никак не могу вас определить...

– Ваша осведомленность меня пугает, – засмеялся Джим. – Если же она все-таки содержит в себе некую неспособность что-то определить во мне, то это вас несколько не портит. А меня так просто бодрит. Я ведь сам ничего не помню о своем пятнадцатом деле.

– Ложное банкротство, – напомнила Оливия. – Нью-Джерси, кафе, ошибка в страховом договоре, вспоминаете?

– Да, кажется, – почесал виски Джим. – Пришлось повозиться. Самое бумажное из всех моих дел. Я, правда, все равно не помню подробностей... Но как же... Вы что, изучали мое досье? Помилуйте, где-то имеется мое досье?

– Бросьте, – покачала головой Оливия. – К чему мне ваше досье? Просто у меня надежные источники информации и хорошая память. Главное, что вы убедились в моей осведомленности. А, следовательно, в серьезности моих намерений. И если я говорю о знаках, значит, на них следует обращать внимание. И надпись на обложке «невашего» блокнота – одна из них.

– «Veritas», – прочитал девиз Гарвардского университета Джим. – Увы, я не силен в латыни. Истина, кажется?

– Истина, – кивнула Оливия. – Сделайте одолжение, поднимите правый рукав рубашки. Не волнуйтесь, только до локтя. Ну что же вы смущаетесь, как девица на выданье? Вы ведь не показывали это своему напарнику? Только Мие Макензи, вашему секретарю. Во время сто двадцать второго дела о махинациях в спортклубе в Гарлеме. Вас там слегка отделали, и она перевязывала вам руку, а потом заклеивала пластырем скулы. Пусть даже это были не совсем вы, но вы все помните...

– Не совсем я? – скривился Джим, расстегивая манжет рубашки. – Извините, но лечиться мне все же пришлось...

– Еще два дела вы проходили в повязках, – кивнула Оливия. – Не буду больше углубляться в тему «вы или не вы», но что за слово выколото у вас на предплечье?

– Здесь только часть слова, – погладил выцветшую татуировку Джим. – Точнее часть фразы. Ошибка юности. Желание блеснуть знанием латыни, которую я, конечно же, не знаю. Сейчас с такой же целью и примерно с таким же результатом накалывают китайские иероглифы. К счастью, на второе слово моей глупости не хватило. Или терпения. Надо бы и это вывести...

– Темро... – прищурилась Оливия.

– Temproi parce⁵, – опустил рукав Джим. – Так должно было выглядеть. Береги время. Остался лишь кусочек времени. В смысле – часть слова.

– Все сходится, – Оливия как будто задумалась, – хотя я и не была уверена в вашей наколке. Она была вклеена в вашу память на скорую руку. Изначально там было неприличное слово, которое, вероятно, служило вам нравственным антидотом...

– Что вы имеете в виду? – не понял Джим.

– Я хочу вас нанять, – снова придвинула кресло к столу Оливия. – Нанять, чтобы найти мою дочь.

– Ваша дочь пропала? – уточнил Джим.

– Некоторым образом, – кивнула Оливия.

– Где, когда, каким именно образом? – вздохнул Джим. – Обращались ли вы в полицию? Какую информацию о своей дочери готовы предоставить? Отдаете ли себе отчет, что я должен буду проинформировать полицию при первых признаках совершения преступления или в случае обнаружения ребенка в опасности? Она совершеннолетняя? Знаете ли вы, что услуги моего бюро стоят недешево?

⁵ – (лат) Береги время

– Десять миллионов на первое время хватит? – спросила Оливия без тени улыбки.

– То есть? – сдвинул брови Джим точно за секунду до того, как в кармане его рубашки подал звук смартфон. Это было невероятно. На его счет упали десять миллионов долларов.

– Считайте это задатком, – сказала Оливия. – Все ваши текущие расходы и хлопоты, надеюсь, эта сумма покроет. В том числе и мою просьбу о конфиденциальности. И мое желание избежать лишних вопросов. Все это вовсе не значит, что эти деньги грязны. Они чище чем мои возможные слезы. Не сомневайтесь. Да, моя дочь – совершеннолетняя. Уже как года три. Черт, что я несу? Мы же в штате Нью-Йорк. По местным правилам она будет совершеннолетней со дня на день.

– Подождите, – Джим невольно взъерошил волосы, замотал головой, положил смартфон на стол. – Так не делается. Я уж не говорю, что случаются дела, за которые я не берусь из-за недостаточной компетентности в каких-то вопросах. Не все в моих силах. И эта сумма...

– Задаток, – повторила Оливия и положила стол фотографию. – Посмотрите. Это Эмили Уайт.

Это была она. Не в том смысле, что изображенная на фотографии девушка была кем-то, кого Джим видел где-то раньше или ожидал увидеть по какому-то описанию, хотя ощущение узнавания и заставило его вздрогнуть. Дело даже было не в том, что она была красива. Девушка на фотографии и в самом деле была красива, но вовсе не безупречно прекрасна, как была прекрасна ее мама неопределенного, но явно далеко не преклонного возраста. Нет, Эмили была как это весеннее утро. Она стояла, прижавшись спиной к белой стене, и казалась довольно высокой, хотя на фотографии было только лицо, плечи и треугольник декольте черного платья или блузки. Впрочем, фотография и была черно-белой. Волосы Эмили были в беспорядке, но еще больше беспорядка оказалось в глазах. Она смотрела в объектив фотоустройства так, словно спрашивала – ну, что дальше? Но главным было то, что это была именно она. Последний мазок. Последний пазл. День, даже если бы он был и в самом деле единственным днем в жизни Джима, стал завершенным. И – совершенным. На данную минуту.

– Не может быть, – прошептал он.

– Чего «не может быть»? – решила уточнить Оливия.

– Так не бывает, – пробормотал он. – Я совершенно точно никогда не видел вашу дочь и еще более точно знаю ее. Но не могу вспомнить, откуда. Так не бывает.

– Вы даже понятия не имеете о том, как бывает, а как не бывает, – прошептала или даже скорее прошипела Оливия, и Джиму на мгновение показалось, что она безобразна. – Она пропала в Extensio. Вы знаете, что такое Extensio?

– Подождите... – события явно переставали подчиняться воле Джима. Или же они и не подчинялись ему никогда?

– Это... такая игра?

– Это больше, чем игра, – усмехнулась Оливия. – Это жизнь. Вам нужно будет войти в нее и найти мою дочь.

– В игре? – уточнил Джим. – То есть, влезть в кокон, надеть шлем... не знаю, как это теперь делается, внедрить чип, войти в программу, и уже там найти вашу дочь? А не проще ли было бы найти ее в ее комнате? Или в игровом центре? Найти, постучать по стеклу, отключить программу, крикнуть? Нет?

– Не проще, – покачала головой Оливия. – Причин множество. Я назову вам хотя бы две. Для начала. В этой игре одновременно находятся несколько миллионов человек. Даже так, много миллионов человек. В разных странах и на разных континентах. И это еще без миллионов компьютерных персонажей, которые в этой игре прописаны постоянно. В настоящий

момент это самая популярная игра. И рано или поздно она обязательно стала бы темой одной из ваших... одного из ваших дел. Соответственно и точек входа в эту игру множество, и далеко не все они лицензированы. Знаете ли, мы живем в свободной стране.

– Да, – кивнул Джим. – Я что-то слышал об этом. Хотя свобода и не исключает законопослушности.

– Поэтому найти Эмили проще именно там, – понизила голос Оливия. – И уж поверьте мне, образец законопослушности, прежде чем я обратилась к вам, я попыталась найти ее сама. Но она прячется от меня.

– Прячется? – не понял Джим.

– Это случается с детьми, – кивнула Оливия. – Юность, молодость. Гормональный взрыв или его последствия. Или, черт возьми, предчувствие гормонального взрыва. Хотя, какое там в двадцать один год. Просто родственное свинство. Противоречия поколений и ненависть к близким людям. Все это можно было бы пережить или спустить на тормозах. Но есть и еще одно. Отрыв.

– Отрыв? – нахмурился Джим.

– Вряд ли вы что-то знаете об этом, – как будто со скукой произнесла Оливия. – Насколько мне известно, ни единой проблемы с отрывом в публичную плоскость пока не выплескивалось. Тема табуирована в какой-то мере. Но лишь до тех пор, пока связанный с нею возможный казус не привел к серьезным последствиям.

– Вы говорите о тех случаях, когда смертельно больные люди загружают себя в игру? – спросил Джим. – Ну, или входят в нее с опцией самосохранения? Но это же сказки. Симуляция. Подпорка для безутешных родственников. Даже я об этом слышал. Как это... персональные имитации. Куски программного кода. Игра. Или нет?

– Все – игра, – засмеялась Оливия. – Какая разница, случаен отрыв или запланирован? Или вы думаете, что симулякр любимого родственника будет для его близких менее дорог, чем он сам в реальном посмертии? Или, что безутешные родные, заходя в игру, не отдают себе отчет, с кем они хотят увидеться? А теперь допустите хотя бы миллионную долю процента от шанса, что в компьютерном образе вашего почившего родственника есть отголосок его души. А? Ваши действия?

– У меня нет родственников, – вновь принялся рассматривать фотографию девушки Джим. – Или я о них не знаю. И я не очень-то верю в переселение душ. Но, насколько я понял, найти Эмили из реальности невозможно? Она что-то сделала?

– Да, – кивнула Оливия. – Думаю, кое-что приготовила. Считайте это запланированным отрывом. Скажем так... Если я найду ее в реальности, то не смогу разбудить. Она уйдет.

– Подождите, – Джим поморщился. – То есть, речь идет не просто о противоречиях, а о некотором конфликте? И она не просто пропала, а скрылась? В таком случае, скажите мне, почему вы думаете, что она меня послушает? С чего вы взяли, что я смогу ее вернуть?

– Потому что она сама выбрала вас, – ответила Оливия.

– Как это? – не понял Джим.

– Надпись в вашем блокноте сделала я, – пожала плечами Оливия. – Но блокнот в ваш стол я не помещала. И вот эту фотографию Салли Манн, которая называется «Джесси на ветру»⁶, тоже принесла в ваш кабинет не я. Еще недавно она висела в ее комнате. Видите? Она надорвана слева внизу. С той стороны заклеена скотчем. Синим, если вам интересно. Не поднимайте брови и не старайтесь выглядеть изумленным, многое вы поймете, только оказавшись в игре. Хотя... считайте, что вы уже в ней. Думаю, она... оставила вас мне в качестве собственной страховки. Или же спасительной веревки, которую бросают утопающему... Кстати, и татуировку на вашей руке тоже не я делала.

⁶ – Sally Mann. Jessie in the Wind. 1989

– Ее делал я, – напомнил Джим.

– Вы так думаете, – скривилась Оливия. – Но я с вами спорить не собираюсь. Знаете, это как с ребенком. Можно сотню раз предупреждать его о том, что он способен обжечься, но лучше один раз позволить сделать это.

– Я смотрю, что вы позволили своей дочери сделать это, – проворчал Джим. – Да, у меня есть некоторое ощущение, что этой фотографии на стене вчера не было. И блокнота этого не было. Знаете, у меня даже есть ощущение, что вчера меня не было. Но как это связывает меня и вашу дочь?

– Вопрос, на который вы сможете ответить только сами, – сказала Оливия. – Но я способна сделать его отчетливым. Переверните фотографию Эмили. Видите надпись?

– *Veritas temporis filia*⁷, – прочитал Джим. – Вообще-то я увидел ее сразу. Что это значит?

– *Veritas*, – показала на блокнот Оливия. – Надпись на блокноте. Девиз Гарварда, в котором вы не учились. Так же как и в Принстоне, и в Калифорнийском технологическом.

– Вы очаровательны, – усмехнулся Джим.

– *Temporis*, пусть даже это слово вычерчено не полностью, – показала на руку Джима Оливия и добавила, обернувшись к фотографии. – *Filia*. Поверьте мне, на фотографии дочь автора снимка. Три слова как три понятия. *Veritas temporis filia*. Истина – дочь времени. Все совпадает.

– Знаете, – Джим вдруг искренне рассмеялся, настолько все происходящее было абсурдным. – Я возьмусь за это дело даже не из-за денег. Хотя бы просто потому, что я еще ничего не расследовал в психиатрической лечебнице, а нам всем туда прямая дорога. Я уж не говорю, что не представляю того поисковика, в который можно забить эту латинскую поговорку и получить ответ про мою наклку, про этот блокнот и эту фотографию. То есть, свести их воедино. Я даже не спрашиваю, как ваша дочь устроила это все, и как вы проникли в мой кабинет, чтобы оставить запись о предстоящем визите. Я спрошу вас лишь об одном – вы понимаете, что договор будет составлен таким образом, что при любом исходе ни один цент не будет вам возвращен?

– Я заплачу вам вдвое, – прошептала Оливия. – Хотя бы потому, что вы беретесь за это дело не из-за денег. Вам всего лишь нужно войти в игру и найти мою дочь. Кстати, вы можете приступить к работе немедленно. Ваши помощники, как их... Себастьян и Миа ведь не просто записывают наш разговор, они вслушиваются в каждое слово.

Джим покосился на селектор.

– У вас есть вопросы? – спросила Оливия.

– Что случилось? – ответил вопросом Джим. – В чем конфликт? Вы ударили ее? Оскорбили? Не одобрили ее избранника? Потребовали от нее чего-то невозможного?

– Смешно, – покачала головой Оливия. – С таким же успехом я могла бы ударить саму себя. Если кто кого и оскорбил, так это она меня. Она сказала, что я – это не я.

– А вы... – нахмурился Джим.

– Бросьте, – наклонилась к столу Оливия. – Найдите ее.

– Что я должен буду ей сказать? – спросил Джим.

– Что угодно, – развела руками Оливия. – Скажите ей, что я не нахожу себе места. Просто заговорите с ней. Самое главное, это оказаться с ней рядом. Поверьте мне, я не прошу, чтобы вы вытаскивали ее оттуда. Просто – найдите ее и поговорите с ней. Хотя бы вот так, как мы говорим с вами. Скажите ей, что она мне нужна. И все.

– И все? – хмыкнул Джим. – За десять миллионов долларов?

– Я доплачу, если она станет с вами говорить, – добавила Оливия. – Столько же.

– Как ее искать? – спросил Джим.

⁷ – (лат.) – истина дочь времени

– У вас будет эта фотография, – пожала плечами Оливия. – Так же, как вы ищите все. Не мне вас учить.

– Вы не поняли, – замотал головой Джим. – Да, я не фанат игр. Считайте меня полным профаном. Но я знаю, что я не могу вот так взять, к примеру, свой пистолет и войти с ним в игру.

– Можете, – вздохнула Оливия. – Господи, какой же вы болван. Ладно, выдвинем вот такую версию. Считайте, что их сканируют на входе. Фотографию. Пистолет. Вот это.

Она поднялась, потянулась (смотри, Джим, смотри!), сняла со спинки стула небольшую сумочку (интересно, как она там оказалась?), и извлекла из нее довольно тяжелый поясной кошель и что-то вроде наручного навигатора.

– Как вы понимаете, – Оливия подмигнула Джиму, – доллары там не в ходу. Ну, или требуют конвертации, что ли. Кстати, смартфон тоже лучше не брать. Там... иначе устроена мобильная связь. Впрочем, ваше дело.

– Там есть мобильная связь? – повел подбородком Джим.

– Вы даже не представляете, что там есть, – проговорила Оливия. – Но мобильная связь – не везде. В любом случае, вы не сможете позвонить оттуда в свой офис.

Навигатор опустился на стол с легким стуком, кошель осел с грузным звяканьем.

– Вы бы еще меч принесли и доспехи, – с недоумением стал крутить в руках навигатор Джим.

– Вы и так считаете меня сумасшедшей, – пожала плечами Оливия. – К чему вам меч? Еще отрежете себе чего-нибудь. Однако куртку наденьте. У вас хорошая прочная куртка в шкафу, как раз для такого случая. И, пожалуй, хорошо, что вы сегодня в кроссовках. Это конечно, не эльфийские сапоги, но лучше чем легкие туфли или сандалии. И возьмите с собой все патроны, что у вас есть. Надеюсь, стрелять вы умеете? Плечи у вас, на мой взгляд, даже чересчур широки, но вряд ли вы завсегдагай спортзалов.

– Да, – озадаченно пробормотал Джим, поднимаясь и подходя к сейфу, – со спортзалами у меня как-то не сложилось. Хотя как раз сегодня я испытываю странное ощущение какой-то... недогруженности...

– Имейте в виду, Extensio – это не Нью-Йорк, – продолжила Оливия. – Я вижу, вы склонны к иронии и шуткам? Рекомендую практиковать эмоциональную скупость. Там никто не будет себя сдерживать. Вас могут пристрелить.

– Главное, чтобы меня не пристрелили здесь, – заметил Джим. – А виртуальные пробоины я уж как-нибудь переживу. Куда посоветуете отправиться на разведку?

– Выбор не слишком велик, – она как-то странно посмотрела ему в глаза. – Так-то вам в игре будет нужно добраться до Форта, поиски лучше начинать там, во всяком случае – ваш навигатор настроен именно на Форт. Но может так оказаться, что Эмили встретит вас сразу... В любом случае поблизости имеется лишь одна точка входа. Собственно, благодаря вам я ее и нашла. Возможно, она окажется в некотором отдалении от конечной точки вашего маршрута, но, думаю, приготовлена именно для вас. Предполагаю, что и это забавы Эмили. Вход через дорогу. Посмотрите в окно.

– Через дорогу банк, – заметил Джим, набирая код на дверце сейфа. – Я иногда захожу туда, там нет ничего виртуального. Это самый реальный банк из всех, что мне попадались. В этом и состоит его основная ценность, поверьте.

– Посмотрите в окно, – снова попросила Оливия.

Джим раздраженно щелкнул пальцами, подошел к окну, на котором все же следовало смонтировать жалюзи, и к своему изумлению обнаружил на здании через улицу вместо синей надписи на розовом фоне «Bank of America» надпись «Extensio».

– Кажется, я чего-то не понимаю, – пробормотал он.

– Вы тоже это заметили? – сделала удивленное лицо Оливия.

– Черт возьми, – он вернулся к сейфу, набросил на плечо кобуру пистолета, прихватил картонку с патронами, захлопнул сейф, открыл шкаф и вытащил из него куртку. – Вы же не думаете, что я отправлюсь туда немедленно?

– Думаю, – сказала Оливия. – Хотя бы для того, чтобы просто взглянуть. Мне показалось, что я заплатила хорошие деньги. И мое дело не терпит отлагательства. К тому же есть еще одно обстоятельство, которое в данный момент вы оценить не способны. Точка входа будет оставаться на этом месте чуть дольше, но все прочее может развеяться. Не думаю, что у вас есть больше пары часов для начала расследования. Скорее всего, нет даже и их.

– Развеяться? – растопырил пальцы Джим. – В дым?

– В пустоту, – улыбнулась Оливия. – Это временная локация.

– Я вас не понимаю, – признался Джим. – Хотя, половину своих клиентов, оставшихся, кстати, довольными сотрудничеством со мной, я тоже так до конца и не понял. Знаете, все они всегда казались мне довольно странными людьми. Ну словно... не очень хорошими актерами в весьма плохом театре. Они были недостаточно убедительными. Ну, исключая, конечно, моих помощников.

– Вы даже не представляете, насколько вы близки к истине, – заметила Оливия.

– Но вы перещеголяли всех, – продолжил Джим. – К счастью, не в смысле качества вашей игры. Временная локация? Эти ваши десять миллионов хоть реальны?

– Не менее реальны, чем вы, – ответила Оливия. – Во всяком случае, вы можете их тратить.

– Ладно, – он натянул куртку, высыпал в карман патроны, сунул в другой карман навигатор, стал прилаживать на пояс кошель. – Судя по всему, в данный момент я возглавляю отборочную таблицу претендентов на участие в паралимпиаде для идиотов, но опыт подсказывает, что до прояснения общей диспозиции лучше прислушиваться даже к странным советам. Десять миллионов, разрази меня гром! Даже любопытно, как меня будут сканировать на входе? Это будет что-то вроде томографа? Пистолет, этот ваш кошель? Кстати, что там? Надеюсь, не наркотики?

– Золото и серебро, – сказала Оливия. – И разное. То, что в ходу в Extensio. Но не наркотики, хотя они там случаются. Виртуальные, конечно. Не волнуйтесь.

– И фотография, – спрятал в карман фото Джим. – Это все?

– Возьмите с собой бутылку воды, – посоветовала Оливия.

– Там нет воды? – не понял Джим, подхватывая с журнального столика пластиковую бутылку.

– Есть, – кивнула Оливия. – Но не везде. Может пригодиться.

– Бред сумасшедшего, – пробормотал Джим и вытер выступивший на лбу пот. – Отсканированный Джим будет пить отсканированную воду в виртуальном пространстве. Смогу ли я напиться? И как я буду там ходить по нужде? И, главное, куда. Разрази меня гром. Кажется, я это уже говорил.

– Десять миллионов – разрази вас гром, – напомнила Оливия.

– Только поэтому... – буркнул Джим и нажал на кнопку селектора. – Миа!

– Слушаю, босс, – тут же отозвалась помощница.

– Себастьян рядом с тобой?

– Да, босс.

– Я отойду на полчаса, – бросил быстрый взгляд на Оливию Джим. – Оставляю нашу новую клиентку вам на растерзание. Да, деньги уже на счету. На всякий случай я оставляю и смартфон, дабы ускорить оформление, правила вы знаете. Тем более что я недалеко и ненадолго. Составьте стандартный договор, но так, чтобы нам не пришлось возвращать деньги при любых обстоятельствах. Себастьян знает, как это сделать.

– Он кивает, босс, – отозвалась Миа.

– Соберите для меня всю информацию об этой игре, – наморщил лоб Джим. – Все важное, что можно собрать за полчаса. И распечатайте.

– Себастьян по его словам играл в нее когда-то, – ответила Миа. – В детстве, наверное. Насколько мне известно, этой игре уже двадцать лет? Да и я заходила. Правда, в режиме просмотра. Любопытно там. Особенно на бирже. И в казино. И на главной улице. Кстати, она тоже называется Бродвей. Там довольно интересно. А уж на площади Согласия... По этой игре все с ума сходят. Говорят, что NPC⁸ в Extensio неотличимы от живых людей. А некоторые как раз настолько отличимы, что... Ой. Но я предпочитаю смотреть стримы по ней. Простите, сэр. Я все подготовлю.

– Вот еще что... – Джим мгновение колебался, затем все-таки сказал. – Если вам покажется, что вокруг вас происходит что-то неправильное, поступайте по обстоятельствам.

– Я не понимаю вас, сэр, – пролепетала Миа.

– Чтобы ни случилось, поступайте по обстоятельствам, – твердо сказал Джим.

– Да, конечно, непременно, обязательно, – Миа перебирала слова, словно составляла заклинание спокойствия, – безусловно. Я всегда поступаю по обстоятельствам. Если бы еще обстоятельства... Да у нас тут полиция постоянно дежурит на перекрестке!

– Хорошо, – выключил селектор Джим и вновь посмотрел на Оливию. – Остался еще один вопрос. Теперь без записи.

– Я слушаю вас, – улыбнулась Оливия.

– Скажите, – Джим потер руку, посмотрел на блокнот и сунул его в карман, взглянул на фотографию на стене. – Скажите, для чего это все? Я имею в виду, зачем это все вашей дочери? Ведь вы не всерьез решили, что я чья-то страховка? Я ведь не знаю ее, несмотря на все мои сегодняшние глюки. Зачем эти знаки? Она что, хотела, чтобы я нашел ее? Зачем убегать куда-то и при этом стараться оставить следы?

– Человек слаб, – вздохнула Оливия. – И чем больше он хочет казаться человеком, тем он слабее. А вы думаете, что люди, к примеру, ведут тайные дневники для того, чтобы все записанное в них оставалось в тайне? Нет, для будущих читателей. Тщеславие!

– Я не веду дневник, – сказал Джим. – Но ведь вы могли и не прийти ко мне? И что бы я делал в таком случае? Что стало бы с вашей дочерью?

– Даже не знаю, – задумалась Оливия. – Кстати, хороший вопрос. Думаю, что не прийти я не могла. Возможно, она хотела, чтобы вы познакомились со мной. Почувствовали меня. Ведь все эти знаки, и в самом деле скорее для меня, а не для вас. Это важно, как и то, что есть вещи, которые я не могу рассказывать вам. Кое-что вы должны узнать сами.

– Почему? – не понял Джим.

– Чтобы не свихнуться, – медленно, как будто обдумывая каждое слово, произнесла Оливия. – Но есть ведь еще одно. Вам не следует недооценивать мою дочь. Она умница, каких мало. Вы все равно оказались бы в Extensio. Даже и без моего участия.

– Почему это я оказался бы в Extensio? – удивился Джим. – Вы опять про эту странную пару часов до развеивания? Вот теперь, когда я, кажется, начинаю на вас работать, давайте без шуток. Неужели вы думаете, что через пару часов Нью-Йорк или пусть даже всего лишь кусок Вест-Сайда исчезнет? И кто вам сказал, что нет дел, от которых я отказываюсь? Двести тридцать девять дел обходился без этой вашей Extensio, а на двести сороковом решил бы закрыть тему?

– Вы такой забавный, – засмеялась Оливия. – Вы уже согласились взяться за это дело. И ведь и в самом деле не из-за денег. Скажем так, из-за плохо осознаваемой внутренней потребности. И Нью-Йорк никуда не денется. Вопрос в том, куда денетесь вы? А ответ-то на поверхности. И вы скоро его сами осознаете. В Extensio. Вам просто некуда больше будет деться.

⁸ – Non-Player Character – персонаж, управляемый не игроком. Персонаж, действующий программно.

– Что за той дверью? – спросил Джим, ткнув пальцем в окно.

– Я не знаю, – пожал плечами Оливия. – Что угодно. Найдете мою дочь, спросите. Главное, что здесь ничего нет. Или почти ничего. Я же говорю, это временная локация. Но там – целый мир. Удачи, ковбой. И не торопитесь обвинять меня в безумии. Мне спуститься к вашим сотрудникам или подождать их здесь? Кстати, имейте в виду, там Эмили может выглядеть... по-другому.

– Главное, чтобы я оставался самим собой, – проворчал Джим. – Миа! Поднимайтесь!

Сотая улица встретила Джима почему-то прохладой, в которой свежести уже не было и в помине. Над городом стоял штиль. Джим поднял воротник куртки. Небо над его офисом показалось ему серым, и здания вокруг показались серыми, возможно, их затянуло смогом, дышать, во всяком случае, было нечем, да и улицы тонули в каком-то тумане. Проглядеть их не удавалось и на квартал. По тротуарам еще спешили, убегая куда-то, пешеходы, но машин не было вовсе, остались лишь припаркованные автомобили. Продавец хот-догов Sabrett, выбравшись из своего вагончика, бродил вокруг него кругами, крупные буквы NYPD⁹ как будто медленно сползали с дверцы полицейского автомобиля, замершего на перекрестке.

– Что за ерунда? – потер глаза Джим, убедился, что аббревиатура департамента полиции города пока остается на месте, оглянулся на замерший у офиса свой Джип Чероки, нащупал под мышкой пистолет и зашагал к странной вывеске над недавним отделением банка.

– Лазером нарисовали, – пробормотал он, пересекая Коламбус Авеню. – Точно, лазером. Вот будет весело, если сейчас меня снимает скрытая камера. Решили поиздеваться над частным детективом? И все это шутка? Откуда же тогда десять миллионов? Или и это розыгрыш?

Джим подошел ближе, отметил, что двери под вывеской остались прежними, разве только внутренние помещения банка были затянуты той же мглой, что и улицы, и что слева от двери реклама по-прежнему вопрошает каждого входящего – «What would you like the power to do?¹⁰», взгляделся в собственное отражение, подмигнул ему, ухватился за штангу дверной рукояти и шагнул внутрь, пребывая в ощущении, что совершает самую большую глупость в жизни. Только в самое последнее мгновение, он понял, чего ему не хватало еще острее, чем музыкальной заставки на входе в офис. Закадрового смеха. И аплодисментов.

⁹ – (англ.) – нью-йоркский полицейский департамент.

¹⁰ – (англ.) – Что бы вы хотели сделать, если бы имели такую возможность?

Часть первая. Infernum¹¹

Глава первая. Подонки и уроды

Мгла развеялась мгновенно, в глаза ударило солнце, а вместе с его лучами в лицо прилетело что-то похожее на лопату или весло, во всяком случае удар получился ощутимым. Из глаз Джима посыпались искры, и уже падая на спину и успев удивиться, что внутри банка имеется солнце, а за спиной нет двери, он успел выдернуть из-под куртки пистолет, но не успел им воспользоваться – следующий удар явно должен был перебить ему кисть. Пистолет отлетел куда-то в сторону, но рука словно сама собой ухватила оружие нападавшего, почувствовала сталь наконечника, который едва не пропорол запястье, и придержала его лишь на долю секунды, чтобы в тот миг, когда противник попытается выдернуть пику из руки жертвы, пихнуть ее как можно сильнее в сторону его рывка.

«Это что такое я сотворил только что?» – где-то в отдалении пролетела удивленная мысль и вместе с ней как будто промелькнуло в памяти странное – волны изумрудного моря, рассекающие их острыми, словно плуги, носами корабли, и сотни весел, одновременно опускающихся в соленую зелень и синеву. Спереди и сзади. Справа и слева. И – главное – по бокам.

Нападавших было пятеро. Джим не пересчитывал их, он мгновенно отметил пять фигур на словно припудренной пеплом площади, хотя солнце его почти ослепило. Один из противников, правда, теперь ковырялся в пыли с пикой, пытаясь встать после тычка Джима. А вот четверо явно решили позабавиться. Двое с дубинами заходили справа и слева, еще двое замерли впереди. Один и в самом деле с веслом, еще один с огромным, в полтора локтя длиной ножом вроде мачете, которым он со свистом рассекал воздух. Все – то ли в каких-то лохмотьях, то ли в сшитых из лохмотьев комбинезонах или плащах. У всех спутанные волосы, бороды и усы. Вдобавок от каждого несло потом и какой-то кислятиной даже за несколько шагов.

– Билли! – заорал самый высокий из разбойников – детина с родимым пятном на половине рожи, тот, что держал перед собой весло, – как пригляделся Джим – усиленное по кромке жестью. – Сколько раз тебе говорить – пикой тычут, а не размахивают ею как дубиной!

– Привычка, – закричал, поднимаясь, пятый.

– Шор! – рыкнул здоровяк на разбойника с мачете. – Три, нет, пять шагов назад, а то своих зацепишь. Тоже мне, меченосец. Билли! Там где-то пистолет должен быть. Ты ж его выбил из руки? Или мне показалось?

– Был пистолет, – согласился Билли. – Только я не вижу его чего-то. Кстати, если бы не я...

– Так поищи его! – перебил копейщика здоровяк. – Если ткнуть толком не можешь. Если бы не он...

Джим уже стоял на ногах. Окинув площадь быстрым взглядом, он сквозь слепящее солнце успел отметить неестественно синее небо, смог разглядеть здания в отдалении, крытую галерею, выполненную из белых резных колонн, а так же бочки и ящики – справа и каменный колодец и несколько вкопанных в землю обелисков – слева. Кажется, на них что-то висело. Или кто-то.

«Вот так теперь ходят в банк», – попытался приободрить себя Джим и с удивлением понял, что бодрости ему не занимать. Ему не было страшно. Но самым странным оказалось даже не то, что он не чувствовал испуга. Он не чувствовал напряжения. Непривычное ледяное

¹¹ – (лат.) – ад

спокойствие медленно распространялось по его телу, словно возможный испуг был выбит тем самым ударом по лбу. Причем это не было холодом оцепенения, нет. Это была расслабленность и легкость бывалого драчуна. Вот бы еще понять, откуда это в нем, если он в жизни и мухи не обидел?

Джим тряхнул головой и потрогал лоб. Кажется, сотрясения удалось избежать. Боли или головокружения не ощущалось точно. Во всяком случае, на первых порах. Удар был неожиданным, но не слишком резким, или Джим непроизвольно начал отстраняться от весла-колотушки, падать на спину, чтобы уберечь голову. Так или иначе, но он сумел разглядеть деревянную лопасть до того, как она коснулась его лба. Однако кожу чуть выше переносицы странное оружие слегка рассадило. А ведь та стычка в спортклубе, когда ему повредили руку и подбили оба глаза, была куда как безобиднее. Отчего же он перепугался донельзя именно тогда, а не теперь?

– Послушай, бот, – процедил сквозь редкие зубы здоровяк, перехватывая весло. – Или кто ты там? Ты бы не брыкался. Нам всего-то и нужно то, что на тебе надето, да то, что в карманах и на теле. Но голым не уйдешь, поделимся одежкой. А будешь брыкаться, пристукнем, да оттащим к уродам на холмы. Там уж придется снять с себя все до косточек. Причем частями. Уроды любят свежатинку.

Трое ответили здоровяку дружным хохотом.

– Не вижу я что-то пистолета, – проворчал Билли, подходя и постукивая пикой по камням. – Отлетел куда-то. Потом найдем. Давайте уж поскорее это все сладим. Мы же его считай второй час тут ждем. Или не его, кто его знает. Нам без разницы. Как зеркало появилось на стене, так и ждем. Могли и не заметить. Мы же за крысами шли. И где те крысы? Жрать охота. А чего ты, Родик, обещаешь ему, что мы его отпустим? Мы же сами его сожрать хотели. Я для чего хворост собирал?

– Ну ты и дурень, – скрипнул зубами здоровяк в адрес Билли и тут же загоготал, потому как Джим попытался толкнуться спиной во что-то мерцающее на стене. Сверкающее пятно и в самом деле было похоже на зеркало. Но дверь должна была оставаться где-то поблизости.

– Стой где стоишь, – простонал здоровяк, с трудом выпрямляясь после приступа хохота и снова поднимая весло. – Это ж зеркало! Оно только в одну сторону работает. Сюда – да, обратно – шиш. Стой, говорю. И раздевайся. Неохота одежду портить. Слышишь меня? Раздевайся! Оглох, что ли, поганец? Билли. Пощекочи его. Но если что проткнешь, то на свою долю дырявую одежку как раз и потянешь. В куртку не тыкай, сволочь. Моя она. Хорошая куртка...

Здоровяк подошел слишком близко, а весло в его руке было чересчур длинным. Таким орудием впору было бы грести, стоя в гондоле, и Джим вдруг подумал, что толком не знает, гребут ли веслами гондольеры или толкаются шестами от дна, не приглядываясь никогда к рекламным роликам, а вживую побывать в Венеции ему так и не довелось. В самом деле – по одному делу в неделю, какая уж тут Венеция? И с чего это он вдруг подумал о Венеции, нашел время. Нет, достать Джима своей деревянной лопатой здоровяк не мог, потому как явно не собирался его тыкать в грудь или в ноги, его целью было приложить жертву по голове, а над головой прижавшегося к стене Джима нависал какой-то резной балкончик. Поэтому Джим дождался очередного тычка пикой от Билли, подался в сторону и чуть наклонился вперед, здоровяк тут же приладился опустить весло на макушку намеченной жертвы, но ожидаемо зацепил лопастью за спасительное архитектурное излишество, а тем временем правая рука Джима уже ухватила древко пики чуть ниже наконечника.

Все изменилось в один миг, словно это самое замызганное древко было источником силы. Джим будто оказался в своей стихии. Окунул в нее пальцы и тут же погрузился с головой. И десять таких здоровяков не смогли бы выдернуть у него из руки древко. Не выпуская пики, он стал разворачиваться вправо, потащив бедолагу Билли вслед за его же пикой к себе и подставляя взлохмаченную голову разбойника под удар одного из умельцев с дубиной. В голове Билли что-то хрустнуло, и пика целиком оказалась в руке Джима, но прежде чем развернуться и черкнуть острием по горлу второго разбойника с дубиной, она шибанула комлем по гортани здоровяка, и пока тот хрипел, разевая рот, успела обратиться и к тому умельцу, что приложил дубиной по голове Билли. Напарник все еще разевающего рот здоровяка присел было перед атакой, взметнул мачете, но застыл, срыгнул кровью и повалился ничком.

За его спиной обнаружился или мальчишка-переросток, или молодой парень в чем-то вроде длинного плаща. Он вытащил из спины разбойника тонкий, но длинный кинжал с какой-то затейливой рукоятью, затем наклонился и добил им же хозяина пики, налегая на оружие всем телом. О пыльный камень площади загремела брошенная лопата, а вслед за этим раздался топот и хриплый вой убегающего здоровяка.

– Плохо нам будет, если уйдет, – заметил мальчишка, продолжая добивать раненых. – Может привести подмогу. Толку, конечно, с того окажется чуть, но все равно. Погань лучше кончать на месте.

«Нам?» – почему-то удивился Джим, подбросил в руке пикой, словно мог почувствовать что-то в непривычном оружии, и метнул ее вслед главарю. Пика взмыла в небо, полетела, виляя кривой рукоятью, и вошла здоровяку в плечо уже в двух сотнях шагов. Вой сменился визгом, разбойник ухватился за поразившее его оружие и ускорил бег.

– Не успеет с подмогой, – прищурился мальчишка. – Может, подохнет по дороге? Хорошо ты его достал, хотя метил в загривок, наверное? Унесет ведь. Но это не копье и даже не дротик. Укороченный багор со спиленным крюком. Кривой к тому же. Не жалко. Чего застыл-то? Сам-то в порядке?

Джим как будто начал приходить в себя. Холодное спокойствие куда-то делось, в голову ударил жар.

– Что это было? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Ничего, – пожал плечами мальчишка. – Родик-меченый думал поживиться, а убрался едва жив. Не повезло ему. Не на того напал. Давно было пора его приструнить, да вот только умельцев не находилось. Да и похожих на этого Родика тут без счета. Хотя как раз он – приметный.

– Что тут происходит? – с ужасом посмотрел Джим на собственные ладони. – Как это вышло все? Где я? Это бред какой-нибудь или и в самом деле игра? Я уже в игре? В этой... в Extensio? Но как же... а сканирование? Или это оно и есть? Я брежу?

Мальчишка выпрямился и принялся озираться с явной тоской.

– Тут всегда так жестко? – не унимался Джим. – Почему на меня напали? Я же ничего не сделал. Вообще ничего. Что это значит – «сожрать»? И почему я все чувствую? Что за вонь? Как я сюда попал?

– Как все боты, думаю, – уныло пробормотал подросток в ответ. – Да. Ты в Extensio, приятель. Если что, это место называется Здравница. Ну или бывшая здравница. Санаторий, как еще говорят. Оглянись, если не веришь.

Джим принялся крутить головой и только тут понял, что стоит перед роскошным, пусть и полуразвалившимся зданием из белого мрамора. И спасший его балкончик был мраморным, но не балкончиком, а частью ограждения роскошной лестницы. И ступени этой лестницы, поднимающиеся от обелисков к парадному входу, сверкали из-под мусора и пыли на солнце белым. Да и здания на противоположной стороне площади, до которых почти добежал скулящий Родик, когда-то, вероятно, образовывали единый ансамбль с белокаменным дворцом.

– Здесь что, война была? – спросил Джим.

– Да как тебе сказать? – почесал затылок мальчишка. – Чего здесь только не было. Теперь уже просто разруха. А когда-то и война. Десять лет назад сюда пришли уроды и все началось. Только это длинный разговор. Времени нет. Сам не все знаю.

– Почему они меня называли ботом? – спросил Джим. – Это что такое? Функция какая-то?

– Что-то вроде того, хотя насчет тебя я не уверен, – кивнул подросток и бросил Джиму пистолет. – Твой, что ли? Держи. Беретта девяносто вторая, надежная, но старье, конечно, прошлый век по сути. Хотя могу подсказать, где достать нормальный магазин. Пятнадцать или даже семнадцать патронов лучше, чем десять.

– Мне пока и одного не приходилось потратить, – спрятал оружие в кобуру Джим, охватившая его паника как будто начала утихать. – Надеюсь, и не придется. Ты сам-то кто?

– Твой проводник, – ответил мальчишка. – Конечно, если я тебе нужен. Ну... в смысле, если ты хочешь жить. Или ты еще не понял, что здесь бывает жарко? Тебе же в Форт надо? Тут всем надо в Форт. Если, конечно, в голове что-то есть. Те, кому надо сразу в Город, в Городе и выщелкиваются. Да, если что, теперь персонажи добираются до своих квестов собственными ножками. Раньше это называлось Эн Пи Си, в смысле – программный герой, не тот что под игроком шевелится, а тот, что от машины выступает, но с тех пор как игра надломилась, этому всему одно название – боты. Зато и у таких как я приработок появился. Так что, если ты думаешь, что ты игрок, придется мне тебя разочаровать. Здесь обычно только мусор вываливается или кто-то вроде тебя или меня. Слишком далеко от Форта и слишком опасно. Хотя кто мы, как не мусор? Сговоримся или как?

Мальчишку звали Пат. У него были широкие плечи, и силой он был не обижен, мышцы обвивали его руки словно тонкие стальные канаты, хотя двигался он как-то слишком плавно для угловатого переростка, но Джим не мог отделаться от ощущения, что паренек едва заметно пыжится, старается произвести на него впечатление. То есть, пытается казаться не тем, кто он есть на самом деле, нагоняет на себя бывалость. Хотя, не точно ли так же изображал раз от раза полную компетентность и неотвратимую успешность всякого будущего следствия сам Джим? Разыгрывал Шерлока Холмса или Пинкертона перед каждым клиентом. С другой стороны, разве он не был успешным во всех своих двести тридцати девяти делах? Или сколько их там перебралось в прошитые папки? Нет, к пареньку следовало присмотреться, особенно после того, как он вернул Джиму пистолет. Себастьян бы присмотрелся к нему на отлично. А Миа разобрала бы этого Пата на части и собрала так, как ей бы этого захотелось. В любом случае, мальчишка был небезнадежен, хотя никакого оружия, кроме тонкого кинжала, у него как будто не имелось, да и одежда его тоже оставляла желать лучшего, в плаще зияли дыры. Нет, появление парня следовало отнести к везению, не иначе.

Затянув длинные волосы в пучок, Пат деловито обыскал трупы, но ничего кроме широкого кожаного пояса не добыл. Затем покрутил в руках мачете и подал его Джиму:

– Попробуй, может, ляжет на руку. Самоделка, конечно, уроды такое выковыывают от скуки, думаю, эта из рельсы, сталь неплохая, но силы в ней никакой нет. Не магическая штучка. Да, пояс тоже возьми, мечи положено носить на поясе, не закидывай на спину. Я сам видел бота, который ухо себе отрезал.

Джим посмотрел на торчащие из площадного камня обелиски, на них и в самом деле были подвешены люди. Или, скорее, муляжи людей. Кости высохших на солнце ног болтались на легком ветру, кожа облепляла их словно высохшее желе. Очередной порыв ветра закрутил пыль на площади крохотным смерчем, и Джим почувствовал запах тлена. Впрочем, он едва пробивался сквозь запах свежей крови. Джим перебросил из руки в руку мачете, ощупал

перемоганную изолентой рукоять, крутанул оружие перед собой. Ощущение было странным, таким, словно он нашел где-то в дальнем ящике пыльного комода альбом выпцветших фотографий и обнаружил на них знакомые лица. Вот только ни имен их, ни степени родства с ними вспомнить не может. Но уж в чем он был уверен, так это в том, что мечом он еще никогда не орудовал. С другой стороны, он и пику взял в руку впервые.

– Это для чего? – спросил он. – Рубить лианы в джунглях?

– Это не мачете, – хмыкнул мальчишка. – Это меч такой. Фальшион, думаю. Точнее подделка под него. Хотя, вроде, уравновешен. Но мне все равно не подходит. Тяжеловат. Это для того, чтобы рубить головы. Или разделять туши. Видишь, какая рукоять? Думаешь, двуручник? Нет. Точно под хват урода. Давай, подбирайся. Пора уходить. Около часа у нас есть, но не больше, а нам еще нужно отойти подальше.

– Подожди, парень... – Джим поморщился. – Как тебя? Пат! Мне сейчас нужна ясность. Мне, раздери меня... просто нужно немного ясности. Я, конечно, не знаю местных порядков. Но эти вот... – он махнул мечом в сторону оплывающих лужами крови трупов. – Это же не люди? То есть, я не людей убил? Ведь так?

– Это подонки, – ответил мальчишка. – Мусор. Да и кого ты убил-то? Ты защищался. Я их добивал, не ты. Ты чего, собрался жалеть эту погань? Они бы тебя не пожалели.

– Я не в этом смысле, – поднял с земли брошенный пояс Джим. – Мне плевать, хорошие они или плохие. Но почему они не исчезают? Или так и надо, а они сейчас где-то выбираются из... коконов? Как-то я по другому представлял себе игру...

– Минуточку! – прищурился мальчишка. – Ты ведь первый раз в Extensio? Дьявол, что я несу, тут все в первый раз. Скажем по-другому. Ты ничего не знаешь об игре?

– Забыл инструкцию на столе, – процедил сквозь зубы Джим.

– Вот ведь свалился на мою голову, – хмыкнул мальчишка. – Хотя, чего я ждал-то... Значит так. Для начала запомни, что они подонки не потому, что они мерзавцы, людоеды, похуже уродов, и падаль. Они подонки, потому что получают из отстоя. Из мусора. Они тоже боты, но с начинкой.

– То есть? – не понял Джим.

– Extensio сбоит уже года три, а меняться начал уже лет десять как, – стал перешнуровывать потертые сапоги мальчишка. – Начиная с уродов как раз. Много случилось, но не забывай пока голову, если вообще ничего не знаешь. Тут разное творится, как по мне, игра валится постепенно. Хотя, некоторые говорят, что наоборот. Игра совершенствуется, растет, становится реальнее самой реальности. Темное фэнтези в жизнь. Суровая фантастика в каждый дом. Или в каждый кокон... Кровь и пот. Мозольная магия. В городе реклама на каждом углу об этом семафорит. Стримеры стаями бродят, однако вот сюда, к примеру, и носа не показывают. А здесь... Да что здесь? Боты сбегают со своих локаций, уже и за деньги не все подписываются маячить на точках, некоторые даже прокачиваются, подобно игрокам. Квесты тупят. Такого никогда раньше не было. Появляется всякое... разное. Но боту далеко до человека. Пока у свежего бота искра в глазах случится, порой год проходит, а то и больше. Мало кто может столько продержаться. Это же не Город, парень. А вот с подонками по-другому... Некоторых от человека не отличишь. Первые появились, правда, уже давно. Слышал про отрыв?

– Да, – вспомнил недавнюю встречу с прекрасной заказчицей Джим.

– Не верь, – ухмыльнулся мальчишка. – Не бывает никаких отрывов. Или это великая редкость. Тебе надо об этом с Анной-трактирщицей поговорить, но это уже в Форте. Она про это все знает. Или почти все. Понимаешь, мало того, что для отрыва надо сдохнуть в коконе, так надо еще сначала глубинное сканирование запустить. То есть, проходить игру в самом жестком режиме, по максимуму. С другой стороны, в коконе и захочешь – не сдохнешь. Во всяком случае, так говорят. Его разрабатывали так, чтобы никакая страховая не подкопалась. Не умирают в коконах. Они круче капсульной реанимации. Дороже так уж точно. По пальцам можно пере-

считать даже случаи клинической смерти, кокон сам по себе надежней чего угодно. Нет, дело в другом. Программа в любом случае раньше делала скан игрока, чаще всего поверхностный, он же прокачивался, там системы компенсации подключаться должны, и вот эти файлы чаще всего и утекали в дно. Не целиком, фрагментами, но утекали. И уже там из этого получаются подонки. Боты, у которых есть начинка. Пусть даже той начинки всего ничего. Это такой контрафакт по сути. Их думали на локации ставить, ведь такие боты куда лучше, чем живые манекены. Но у них есть один недостаток. Ими управлять невозможно. Своевольные они. А многие еще и злыми становятся, особенно когда понимают, что они не люди. А уж такая падаль, как банда этого Родика, это беда просто. Хотя, даже они не хотят подышать. А в квестах им надо подышать.

– Какая им разница, если они – программа? – не понял Джим. – Убили, перезагрузился – и вот ты опять живой.

– Живой, да не ты, – хмыкнул мальчишка. – Все с чистого листа. Вот представь, тебя не стало. Сработала программа. И ты опять есть. Но это только внешне ты. Потому что ты – это не только твоя рожа и твое имя, это еще и твоя память, и твои чувства. Да-да, чувства, мой дорогой. А они – все. В расход. А ты как новенький. Понял?

– Примерно, – кивнул Джим.

– Забудь, – хмыкнул мальчишка. – Уже года три как еще хуже стало. И если тебя убили, то убили. Никакой перезагрузки. Тушка сгниет, дух рассеется. А игра смоделирует новых ботов. Вот из таких же зеркал. Знаешь, сколько из-за этой ерунды квестов оборвалось? Это ж никому не надо.

– Подожди, – замотал головой Джим. – Откуда ты все это знаешь?

– Я здесь живу, – пожал плечами Пат. – К тому же читаю газеты, смотрю ТВ. В Городе же я бываю иногда. Жить же где-то надо? Там все это есть. Игроки говорят, что Город очень похож на Землю. Да и во многих газетах и на ТВ игроки работают. Считай, что настоящие люди, не боты. С ними интересно иногда поговорить. Да та же Анна, что в Форте, человек. А вот Джерард – бот. Но он особенный, сам увидишь. Точно тебе говорю.

– Ничего не понимаю, – поморщился Джим. – Анна, Джерард, люди, боты. Газеты, ТВ. Подожди. Ты говорил, что-то утекает на дно. Какое еще дно? О чем ты?

– Дно – это буфер, – закатил глаза мальчишка. – Память, загрузка, зип игры. Называй, как хочешь. По сути – это что-то неосознаваемое. Как... бог. Информационное поле.

– Бог? – не понял Джим. – Какой еще бог?

– Называй, как хочешь, – махнул рукой мальчишка. – Хоть общим разумом. Это же условность. Мы, кстати, с тобой тоже подонки. Скорее всего. Я, во всяком случае. Не все из нас знают, из чьего отстоя они вышли. Я вот знаю, только не скажу. А большинство – в неведении. Но каждый подонок хочет добраться до своего дна. Каждый. Хотя это нелегко. Надо или рыть без устали, или провидца искать, или прокачиваться по линии мага, или выходить за пределы Инфернума, чтобы вспомнить что-то, определить хотя бы, откуда твой отсчет пошел. Не все на такое готовы. Подонок, между прочим, может ботом притвориться, но это только до первой боли или страха. По-разному. Бота, к примеру, рассмешить трудно. На первый взгляд, кстати, ты похож на бота, но ты точно подонок. Слишком много о себе понимаешь, хотя и не понимаешь ни черта. К тому же, чтобы бот так сражался, ему нужна или воинская загрузка, или лет семь-восемь прокачки, а этого явно нет, хотя дерешься ты на зависть. Но об этом позже. Уходить пора. Хотя бы с открытого места. Короче, если ты со мной – не отставай.

Пат покосился на все так же мерцающее на белой стене пятно, поднял из-под ноги камень, бросил его в «зеркало» и, удостоверившись, что камень со стуком отскочил в сторону, зашагал по ступеням полуразрушенного дворца к центральному входу. Зашагал, как обычный человек, прыгая через ступени, порой шаркая, скользя на прошлогодней листве. Джим следовал за ним в десятке шагов и не мог понять, отчего он верит этому мальчишке? Он же видит его впервые.

С другой стороны, а на что он рассчитывал? Что встретит здесь знакомых? Или эту Эмили? Нет, здесь такой девушке не место. Да здесь и самому Джиму Лаки не место! Может быть, в том самом Форте все иначе?

Внутри здание пребывало в запустении. Судя по облупившимся росписям на стенах, выщербленной колоннаде и мебельной трухе – здесь и в самом деле проходили настоящие бои. Пат поднялся на второй этаж, зашел в одну из комнат, вытащил из-под гнилых мебельных щитов пару вещмешков и странное оружие вроде короткого меча, насаженного на древко. С комля к древку была примотана широкая кожаная петля.

– Это тоже под хват уroda? – спросил Джим.

– Нет, – приставил оружие к стене Пат. – Это под мой хват. Уродам такое не выковать. Это глевия. Такому, как мне, лучше не подпускать к себе врагов. Я щуплый.

– А петля, чтобы из рук не выдернули? – спросил Джим.

– Для другой цели, – ответил Пат. – Об этом после. Сейчас – о главном. Что у тебя есть кроме пистолета? Патроны? Хорошо, сколько бы их ни было. Магазин запасной есть? Надо зарядить его. Но не сейчас, сегодня он нам не пригодится. Да и спешим мы. Что еще? Навигатор и купеческая мошна? Называй кошельком, если хочешь, мне все равно. Где ты их взял? Дали? Ты знаешь человека, который тебе это дал? Тебя наняли? Потом о твоём деле, сейчас есть кое-что поважнее. Понимаешь, ботам и тем более подонкам навигаторы не раздают. У стандартных ботов он вообще в башке вроде третьего глаза. До тех пор, конечно, пока он удалить его не вздумает.

– Зачем его удалять? – не понял Джим.

– Чтобы он не понуждал тебя... к разному, – объяснил Пат. – К тому же всякая лишняя хрень в башке по определению не к добру. Откуда ты можешь знать, кто смотрит твоими глазами? А уж если он еще тебе и навигатор, как настоящему игроку дал, то явно чего-то хочет от тебя... непотребного. Только это муляж, скорее всего. Даже если и выдает что-то, все равно муляж. Знаешь, что это значит?

– Нет, – признался Джим. – Третьего глаза у меня нет?

– То, что ты не бот, – сказал Пат. – Дай-ка сюда прибор. Ну точно. А ведь похож на настоящий. Думаю, с ним все ясно. Видишь эту кнопку? Нажми ее.

– Зачем? – нахмурился Джим, рассматривая глубоко утопленную черную кнопку с красной пиктограммой черепа.

– Если ты человек и сейчас сидишь в коконе или у тебя чип вставлен в черепушку, что пока еще редкость, окажешься дома, – усмехнулся Пат и мотнул головой в сторону площади, на которой, невидимые с их второго этажа, по-прежнему лежали трупы. – Навигатора только у игроков-подшлемников нет. У них сброс в прошивке. Если бы у тебя был шлем, а не кокон, тебя бы выкинуло на первом же ударе Родика. Хочешь домой? Жми.

– Хочу, – кивнул Джим и нажал на кнопку.

Ничего не произошло. Стрелка навигатора по-прежнему указывала куда-то в сторону палящего солнца, под ней подрагивали цифры – один, четыре, один.

– Убедился? – спросил Пат, забирая у Джима навигатор. – Кстати, тебя бы выкинуло даже в тот момент, когда я взял в руки твой прибор. На цифры не смотри, хотя эта подделка не врет. Отсюда до Форта примерно сто сорок миль. По прямой, конечно. Так-то побольше будет. Это

где-то двести тридцать километров, ты уж прости, в километрах мне привычнее. Но я знаю дорогу куда короче. Хотя все одно – больше трети Инфернума поперек.

Пат выбросил навигатор в окно. Джим услышал стук о камень и посмотрел на мальчишку в недоумении.

– Это ж маячок, – постучал тот по собственному лбу. – Даже если твой наниматель честный человек, думаешь, можно с левым навигатором просто так пересечь Прорву? Ты же не в броневице, приятель. Теперь давай проверим твой кошель. И одежду заодно. Да не бойся, о твоей безопасности радею. Подойди.

Джим сделал пару шагов вперед.

– Я живу этим, – пробурчал Пат, вытаскивая из прорези рубахи что-то вроде хитрого бинокля. – И если я вел клиента, а он погиб, это может значить только одно, что и я погиб. Без всяких или. А я жив. Значит, и мои клиенты все живы. Хотя... Ну ладно, это к делу не относится.

– Что за Инфернум? – спросил Джим.

– Инфернум – часть Extensio, – объяснил Пат. – Ядро. Круг радиусом в двести миль, в котором Форт – центр. Мы в его трети под названием Прорва. Почти на окраине. Примерно, на одиннадцать часов.

– Инфернум... – наморщил лоб Джим.

– Ад, – перевел Пат. – Если по-латыни. Запомни, верить в Инфернуме можно только тем, кто проверен.

– Как ты? – спросил Джим, глядя, как Пат набирает что-то на панели бинокля, который явно был многофункциональным прибором, и начинает водить им вдоль тела Джима.

– Для тебя я нахожусь в процессе проверки, – ответил Пат, прислушиваясь к писку прибора. – Так. На теле ничего нет. А в кошельке два маячка. Открывай.

Джим сдвинул в сторону застежку, и Пат закатал рукав и запустил в кошель тонкую сухую руку.

– Есть, – пробормотал он через десять секунд, извлекая оттуда два кружочка – один золотой, а второй – серый. – Смотри за моей рукой, ты должен быть уверен, что к ней ни одна монетка не прилипла. Чтобы потом косо не смотрел на проводника. Мне чужого не надо. На будущее, никому кошель не показывай, подвязывай его на груди или под мышкой. Прячь под одеждой. Лучше на груди, не поспешил твой наниматель, пулю можно остановить таким запасом. Держи сканер. Видишь?

Пат поднес к сканеру монеты. Прибор возмущенно заверещал.

– Тебя предупредили о маячках? – спросил Пат, забирая сканер.

– Нет, – признался Джим. – Их надо уничтожить?

– Зачем же? – удивился Пат. – Чтобы кто-то узнал, что ты раскрыл их секрет? Нет, пусть они попищат еще. Это, если что, имитация золотого луидора и титановая фишка из самого дорогого казино города. Золотой ты еще мог спустить, хотя за него можно месяц живот набивать, а вот до казино ты бы не скоро добрался. Хотя, мог ее продать. За треть цены. Как раз один золотой и получился бы. Нет. Пусть кто-нибудь другой их носит.

Когда Пат вышвырнул маячки вслед за навигатором, Джим почувствовал досаду. Он еще не успел смириться, что не отправился домой после нажатия кнопки, как уже начал сомневаться в чистоте намерений прекрасной Оливии Миллер. А если он непроходимый тупица, и эти маячки были способом оказать ему помощь?

– Ты в игре, приятель, – вздохнул Пат, протягивая Джиму один из мешков. – Считай, что в самой поганой ее части. Хотя, признаю, есть местечки и похуже. Тут даже егерей нет, хотя изредка – раз в месяц – и сюда некоторых игроков закидывает. Но их подонки быстро обратно направляют. Обычно боты вываливаются. Глупые, с чистого листа, считай. Но с путевым листом, сухим пайком и месячным содержанием, как положено. У тебя сухого пайка нет,

еще один минус к тому, что ты бот. Банде Родика крупно не повезло в этот раз. Они уже раз пять мне дорогу перебежали. На их счету не меньше трех десятков жертв, и не все из них были ботами. Да, как раз для таких случаев здесь бродят проводники вроде меня. Нас, правда, мало. Здесь сложно выжить. Но если будешь меня слушать, через пару дней окажешься на месте. Тебе же в Форт надо?

– Сто сорок миль? – усомнился Джим. – За пару дней? Пешком?

– Я же сказал, что знаю короткую дорогу, – заметил Пат. – Моя работа, приятель, стоит одну монету в день. Не согласен – иди на площадь и жди другого проводника. Согласен? Не бойся, кругами водить не стану. И не спеши с расчетом, вот приведу, тогда... Чем ты заслужил мое доверие? Так и я твое не заслужил пока. Подожди, оботрешься, поймешь, обычно сразу видно – достойный подонок перед тобой или мерзость какая. Как тебя зовут? Джим? Джим-счастливчик? Поделишься счастьем? Орды пока не видно, но она появится обязательно, потому как свежее мясо тут за лакомство считается. С другой стороны, Родик – гад, конечно, но далеко не дурак. Его же самого сожрать могут. Хотя там у них вроде какая-то новая власть образовалась, не поручусь впрочем... Сейчас везде какая-то движуха. К большим переменам, думаю. Мы здесь ждать никого не будем в любом случае. В мешке две бутылки воды, кое-какая еда. Не бог весть что, но не человечина, не волнуйся. Я вижу, у тебя немного воды с собой тоже есть? Это хорошо. Пригодится. Если что, в Прорве с водой тяжело, но только на этом краю. Выходим с другой стороны здания. Будет привал, может быть, еще что-нибудь расскажу. Хотя я не болтун, не думай. Просто, если объяснять не буду, свихнуться можно. Кое-кто и сходил с ума. А какой мне интерес придурка за собой тащить? Считаю, что это краткий курс выживания. Здесь сдохнуть, как нечего делать. Нет у нас с тобой кнопки возврата, понимаешь? Нет. И запаса жизней тоже нет. Точнее, не должно быть, а там уж... как повезет. Беда в том, Джим, что это Extensio теперь ничем не отличается от...

Запнулся Пат. Начал пальцами щелкать, словно из воздуха недостающее слово достать пытался.

– От обычного мира? – спросил Джим. – Да, на первый взгляд – очень похоже.

– А ты сам-то был в обычном мире? – спросил Пат.

Джим хотел рассмеяться мальчишке в лицо, но вдруг осекся. Что-то защемило в груди и заныло в затылке.

– Боюсь, Джим, что нет для нас никакого обычного мира, – вместо него засмеялся Пат. – По крайней мере, пока. Тебе сколько дней от роду-то? Подонки тоже свежими бывают.

Нехорошо он засмеялся. Холодно стало Джиму от его смеха, хотя солнце палило и жарко было даже под крышей.

Пат и в самом деле оказался сдержанным парнем. Стоило им выйти из дворца и начать пробираться через какой-то то ли музей, то ли парк полуразбитых скульптур, как проводник словно забыл о собственной словоохотливости. Только когда где-то в отдалении за спиной раздался скрежет и надрывный звук мотора, остановился, прислушиваясь:

– Редко бывает, когда через одно зеркало сразу две порции ботов проскакивают. А уж на машине, так и еще реже. Я еще удивился, что зеркало не меркнет, продолжает мерцать. Не иначе какая-то новинка от самой игры. Но даже если это и по твою душу, Джим, лучше не нарываться. Ага... Слышишь? Остановились. Сомневаюсь, что они мертвяков в кузов грузят. Опять завелись. Поехали. С богом, кто бы вы ни были. Только не надо на меня так смотреть. Разворачиваться не будем.

– Я не на тебя смотрю, – ткнул пальцем в открывшийся между засохших деревьев горизонт Джим. – Что это?

– Это море, Джим, – ответил Пат. – Не настоящее, но большое. А там – чуть дальше – метромост. Бывший метромост. Не ходят поезда теперь по нему. Уже десять лет, как не ходят.

Толком разглядеть море удалось лишь через треть лиги, когда руины остались за спиной, и путников стала отделять от воды лишь полоса белого пляжа. Море лежало до горизонта неподвижным зеркалом, и цвет имело не привычно голубой или серый, а глубоко синий, едва ли ни ярче неба над ним. Только примерно в миле от берега, там, где из воды торчали железобетонные быки, поддерживая протянувшийся между далекими мысами железнодорожный мост, эта синева была разбавлена серой полосой. Джим поймал затылком ветер, который задувал с берега в сторону синей глади, удивился пустынности идеально белого пляжа, лишь какая-то серая колючка торчала из земли уже ближе к развалинам, и нагнулся, чтобы расшнуровать кроссовки, но прикосновение Пата остановило его. Мальчишка со вздохом достал из кармана приготовленную деревяшку и швырнул ее в воду. Деревяшка подпрыгнула, образовала в месте падения два или три круга волн, которые погасли через полметра, затем окуталась сизой дымкой, побелела, осыпалась золой и растворился в синей поверхности, не погрузившись в нее ни на палец.

– Десять лет назад из моря вышли уроды, – сказал Пат, – и оно стало таким. Теперь оно убивает все живое. А весь этот край превратился в Прорву. Потому что уроды все еще здесь. И не только они.

– Подожди, – остановился Джим. – Что значит – «стало таким»? Это ведь... всего лишь программный код!

– А ты уверен, что в реальном мире, – Пат махнул рукой куда-то в сторону, – море не программный код?

Они шли по берегу до полудня. Развалины и как будто мгlistые силуэты гор за ними остались за спиной, впереди горизонт пересекала мутная полоса туманной взвеси, но лишь подойдя к ней вплотную, Джим убедился, что именно туманная взвесь это и есть – в настоящем море здесь впадал вполне настоящий хоть и едва различимый в камнях ручей. Там, где его вода соединялась с морской, раздавалось шипенье и стоял тот самый туман.

– Лет через миллион... – пробормотал Джим, но мальчишка не поддержал шутку. Он повернул налево и запрыгал по камням вдоль русла, лишь изредка опираясь на свое странное оружие.

Джим шел за проводником и не переставал удивляться его выносливости. Остановившись за все время пару раз, да и то лишь для того, чтобы утолить жажду, Пат без устали понимался вдоль то исчезающей, то вновь поблескивающей нитки воды если и не в горы, то уж точно на высокие древние холмы, но обернулся всего лишь раз, когда Джим наклонился над зеркальцем воды, чтобы умыться, а может быть и сделать глоток, вода была прозрачной и на ощупь холодной.

– Нет, – сказал Пат и покачал головой так, что Джим тут же вытер руки о куртку, которая здесь, у ручья, оказалась как нельзя кстати – от воды почему-то отдавало холодом, к тому же, чем сильнее день клонился к закату, тем более прохладным становился и ветер, долетающий с холмов. Уже почти в сумерках, когда Джим начал задумываться, может, мальчишка и вовсе не имеет такой опции, как усталость, Пат вдруг замер и выставил вперед глевию. Джим потянулся к мечу, что уже порядком набил ему левое колено, но Пат только поднял руку, потом обернулся и прижал палец к губам.

За изгибом русла через овраг или пропасть, в которой журчала вода, был перекинут узкий мостик, а уже за ним ручей вовсе исчезал в каком-то белом здании, то ли сложенном из огромных белых блоков, то ли вырубленном в белой плоти холма. Во всяком случае одной из стен

этого, погружающегося в сумрак здания, сам холм и служил. На узком мостике на его фоне стоял кто-то похожий на человека, силуэтом без сомнений он обладал человеческим, но, прикинув расстояние до этого существа, Джим ужаснулся – оно превышало его самого ростом раза в полтора.

– Странно, – обернулся Пат. – Раньше уроды дозорных не выставляли. Или он просто вышел подышать?

– Когда, ты говоришь, они появились? – прошептал Джим. – И сколько их было?

– Десять лет назад, – ответил Пат. – Было их около полусотни, хотя кто их считал-то? Но, были не только они, да и не все я знаю точно. В этом доме их сейчас семеро, а где остальные – никому неизвестно.

– И что же? – спросил Джим. – Чем они опасны? И долго надо прокачиваться, чтобы срубить такого молодца? Или что там нужно для этого? Особенное оружие? Какие-то умения?

– Ничего не поможет, – покачал головой Пат. – Это же урод. Отогнать можно, убить пока никому не удавалось. Говорят, одного как-то разрубили пополам. И что? Получилось два уroda. Потом они обнялись – и снова стал один урод. Вот если связать да сжечь... Но как его свяжешь, он же... мягкий... Да и какое оружие... Это редкость. К тому же уродов нет в квестах. Знаешь, о чем я думаю иногда?

Пат снова обернулся, и Джим разглядел небесный отсвет в его глазах.

– Никто знает, сколько их еще в море.

Джим посмотрел на небо. Звезды только начали проглядывать, но по виду они как будто не отличались от земных. Возможно, где-то за облаками висела и луна.

Они выжидали, прячась за скалой, минут пятнадцать. Урод стоял на мосту неподвижно, но время от времени начинал размахивать руками, которых у него будто бы становилось не две, а три или четыре, причем голова на плечах порой словно исчезала вовсе. Наконец урод наклонился, как будто встал на руки, поднял ноги и, словно нарастив между ними голову, зашагал на руках или уже на ногах прочь с моста. Пат выждал еще минуту и махнул рукой, приглашая Джима следовать за ним.

Они пересекли ручей, скрылись за скалой на противоположной берегу и стали забираться по едва различимым уступам, вырубленным в обрывистом склоне.

– Мрамор, – прошептал Пат. – Дальше по ущелью карьер, там его нарезали. Из заготовленного камня уроды потом сложили этот дом. Они сильные. Вдвоем или втроем что тот же кран. Кстати, могут сливаться в одно существо. Хотя я, кажется, это уже говорил.

– По размеру считай, что замок, – пробормотал Джим. – Честно говоря, я не думал, что в игре так строятся дома. Думал, это происходит как-то... виртуально. Написал код – и вот тебе коттедж.

– Магия в Expensio всегда была сведена к минимуму, – не согласился Пат. – А в последние годы как будто и вовсе исчезла. Я про бытовую магию говорю. Про всякое необъяснимое появление зданий или дорог к примеру. Такое бывало только в первые годы игры. Теперь так не бывает. Все по-настоящему, хотя колдуны, конечно, имеются. В Городе говорят, что как раз это и привлекает в Extensio игроков.

– То, что нет магии? – не понял Джим.

– То, что здесь все очень жестко, – ответил Пат.

– Почему игра так называется? – спросил Джим. – Extensio.

– Это просто, – ответил Пат. – У нее есть край. Когда игрок добирался до этого края – край отодвигался. Появлялись новые леса, поля, перелески. Разное. Extensio – это то и значит. Расширение. Игра расширялась. Для этого даже были особые квесты.

- А теперь? – спросил Джим.
- А теперь не так, – прошептал Пат. – Из-за уродов не так. Там, где край игры – край и есть.
- А что дальше? – заинтересовался Джим.
- Ничего, – ответил Пат. – Пустота. Хватит болтать, пошли. Когда я скажу ползти, ползи.

Через полчаса спутники оказались выше моста, а еще через десять минут остановились на узкой тропке, которая вела в полутьме не к странному дому-замку, а к башенке на его оголовке.

– Эта башня была и раньше, – сказал Пат. – Она нам не нужна, потому как разорена, и смотритель ее давно убит, да и другая у нас цель. Дальше ни одного лишнего звука. У уродов слишком хороший слух. Насчет нюха ничего не могу сказать, зрение так себе, а вот слух такой, что даже шорох слышат. Так что нам следует подготовиться.

– Удивляюсь, что у меня еще ноги не отвалились, – заметил Джим, перешнуровывая кроссовки. – Зачем нам лезть в логово этих слухачей?

– Это единственная короткая дорога к Форту, – объяснил Пат. – Нужное нам место как раз под башенкой. Раньше оно было в ее подземельях. И этой дорогой, кроме меня, никто не ходит.

– Почему? – задал глупый вопрос Джим.

– Боятся, – предположил Пат и закрыл глаза, добавив через минуту. – Или же никому не известен ее секрет.

– А другие дороги к Форту есть? – спросил Джим.

– Есть, – сказал Пат, не открывая глаз. – Но на них очень много подонков. Если бы у нас была машина, мы бы прорвались, возможно, но машины у нас нет. И та машина, которую мы слышали, скорее всего, уткнется в одну из баррикад. Не завидую я тому, кто ею управляет. Таких банд, как шайка Родика, там – сотни. Если не тысячи.

– И много... ботов приходит в Пустошь через вот такие зеркала? – спросил Джим.

– На жизнь хватает, – хмыкнул Пат, открывая глаза. – И на стол таким, как Родик, тоже. Но со мной безопасно. Главное, делать все правильно. Слушай меня. Сейчас нам придется пройти через логово уродов. Я там сотню раз проходил, но у меня кожа толстая. А тебе придется нелегко. Что бы ты ни увидел, держи себя в руках. Эта... Extensio – местами довольно гнусная штука. Может и выворотить. И это будет наименьшей из проблем.

– Но... почему так? – не понял Джим. – Для чего?

– Знаешь, как говорят в Городе? – спросил Пат, развязывая свой мешок. – Нельзя проникнуть в замысел игры, потому что нет никакого замысла.

– То есть? – не понял Джим.

– Все идет, как идет, – пожал плечами Пат, вытаскивая из мешка какое-то тряпье. – Что вырастет, то и вырастет. Говорят, когда умер создатель игры, все и полетело... в тартарары. Правда, я не знаю, где это место – «тартарары». Хотя, все, что связано с уродами, вроде бы не часть игры.

– А что же тогда? – не понял Джим. – Вирус, что ли какой?

– Может и вирус, – пожал плечами Пат. – Хотя, вряд ли. Слишком умны эти уроды для вирусов. Но это не мои слова. Это Анна так считает. Держи.

Подготовка, как оказалось, состояла в том, что Джиму пришлось вытащить меч из петли на поясе и обмотать его тряпками так, чтобы сталь не давала ни единого отблеска, но, главное,

не звякнула ни при каких условиях. Когда Джим справился с нелегким делом, Пат накинул на плечо петлю своей глевии, махнул рукой и пополз вперед, стараясь держаться южной стороны каменного гребня. Они добрались до стены замка уже почти в полной темноте. Джим вслед за Патом протиснулся в узкую расщелину и понял, что он находится в огромном и очень холодном помещении. Причем почти сразу ему пришлось встать на ноги, потому как дальше можно было передвигаться, только выпрямившись.

Они оказались на узком карнизе, по которому можно было идти, но кое-где на котором с трудом помещалась только ступня. Карниз тянулся почти под потолком слабо освещенного громадного зала, в котором в отдалении стучал молот и пахло гарью, но прямо под карнизом, по которому медленно пробирались Пат и Джим, был устроен огромный ледник, из которого, сочась талой водой, и начинался тот самый ручей. Ледник был завален трупами. Трупами мужчин, женщин и детей. Целыми трупами и их частями. Вросшими в лед и брошенными сверху. Как будто с признаками разложения и словно только что умерщвленными. Одетыми и раздетыми. С головами и без голов. И в тот самый миг, когда, ощущая клокочущую внутри него ненависть, Джим преодолел середину сложного перехода, где-то в отдалении заскрипела тележка и появился урод.

В бледном свете люминесцентных ламп он уже не казался многочисленным аморфным чудовищем, которое только притворяется человеком. Да, он был в полтора раза больше обычного человека, но если бы Джим был в силах забыть его размеры, он счел бы это существо просто обрюзгшим стариком. На этом старике были порты, из которых торчали уродливые босые ноги с растопыренными пальцами и с грязными ногтями, но выше этих ног и портов покачивался от жира и мертвенной слежалости лишь огромный серый живот, из которого сверху росла унылая, словно вылепленная из сырого теста рожа, а справа и слева торчали две коротких руки – таких коротких, что старику приходилось чуть приседать, чтобы дотягиваться до оглоблей телеги, которую он тащил. Впрочем, в следующую секунду Джим разглядел на плечах старика еще две руки, словно оторванные у целлулоидного младенца и приращенные символом уродства к этому ужасному созданию, и едва удержался от приступа рвоты.

– Сюда, – прошелестел Пат, который уже добрался до странной ниши в углу зала – украшенной то ли какими-то рисунками, то ли вырубленными в мраморе рунами.

– Иду, – с трудом выдохнул Джим, не в силах оторвать взгляда от уroda, который бросил телегу с огромными баками, подошел к чудовищной колоде, выдернул из нее топор и, поднявшись по сколоченной из неошкуренных бревен лестнице, сдернуло с льда один из трупов. Несколько ударов топором, и голова полетела в один чан, руки и ноги в другой, туловище – в третий, причем чудовище по ходу разделки что-то отправляло в рот и смачно чавкало.

– Сюда! – прошипел Пат, нажимая в какой-то последовательности знаки, вырезанные в камне. – Быстро!

Но Джим не мог двинуться с места. Чудовище снова встало на лестницу, ухватило за следующее тело – кажется, мальчишки, распластанного поверх других трупов, но тот или притворялся мертвым, или только что пришел в себя, потому что вдруг заверещал, с трудом двигая окоченевшими членами, и чудовище довольно зауhalo, поднимая топор, и бросило бедолагу лишь после того, как Джим не выдержал и крикнул:

– Стой! Мерзость!

Короткие руки сразу стали длинными. Живот исчез. Крохотные ручонки налились силой. Голова уменьшилась и обратилась в сторону Джима провалом пасти и подслеповатыми крохотными глазками. И уши, огромные уши, каждое размером с голову Джима растопырились и принялись, подрагивая, поворачиваться из стороны в сторону.

Брошенный на пол окоченевший мальчик попытался отползти, но одна из рук чудовища вдруг вытянулась, подхватила беднягу, поднесла его к другой руке, и произвела разделку без топора, отрывая ему руки и ноги вживую.

Джим так и не понял – то ли в его ушах раздался его собственный крик, то ли это был визг умирающего в муках ребенка, то ли чудовище, которое начало забираться на стену, цепляясь звериными когтями за ее выступы, стало издавать этот ужасный звук, только он вдруг осознал, что сдирает со своего мяча тряпье, чтобы разрубить поганого урода если и не на две части, то на три или больше. Рубить до тех пор, пока не появится возможность давить нарубленное ногами. В следующее мгновение Джим почувствовал ременную петлю глевии Пата у себя на шее, а еще через миг уже летел в мутную пелену, образовавшуюся на месте каменной ниши.

Глава вторая. Мост и квест

Стояла ночь. В глубокой пропасти шумела вода, глаза различали линии и силуэты, но само ущелье уже погрузилось в крошечную темноту. Небо над головой было затянуто облаками, но серебристый свет все же пробивался сквозь них и как будто проявлял скрытое. Справа и слева высились поросшие высокими соснами скалистые берега. Между ними был натянут подвесной мост. На середине этого моста они и оказались. Джим озирался, приходя в себя. Пат, который мгновение назад озирал окрестности через свой сканер, теперь неторопливо распускал бечеву, которой к его глевию была примотана ременная петля.

– Специально для таких, как я? – мрачно спросил Джим, поглядывая на петлю и ощупывая тросы, которые образовывали ограждение моста.

– Тихо! – насторожился мальчишка, выждал несколько секунд и с облегчением выдохнул. – Кажется, все в порядке.

– Что ты услышал? – не понял Джим.

– Птица крикнула, – объяснил мальчишка. – Но крикнула один раз, значит, опасности нет. И крикнула далеко. Не бери в голову, пока ты со мной, все будет в порядке. По этому мосту мало кто ходит, на той стороне минные поля.

– Против кого? – удивился Джим.

– Против уродов, против кого еще? – пожал плечами Пат и как будто посмотрел на Джима с интересом. – А петля да, для таких как ты. Правда, ты первый из моих клиентов, который собрался схватиться с уродом. У прочих обычно случался столбняк. Однако, заметь, никто еще не свалился с карниза на ледник. Труссы случаются, и я трусил в первый раз, дураков – нет. Или дураки погибают сразу. Но не рядом со мной.

– Так оставил бы петлю, – поднял глаза к небу, на котором между облаков уже сияли звезды, Джим. – Мало ли?

– Мешается, – крутанул в руках глевию Пат. – Тут и без уродов есть кого бояться. Да и на крайний случай это. Так ведь и шею можно свернуть.

– Пожалуй, – потер загривок Джим. – Крепкая у тебя рука.

– Крепкая у тебя шея, – парировал Пат.

– Откуда там лед? – не поддержал шутку Джим.

– Натаскали, – сказал Пат. – Тут все как на большой земле. И зима в том числе. Если что – сейчас самое начало мая. Если интересует погода – то мы на широте Нью-Йорке. Правда, бывшее море у нас с запада, а не с востока.

– Где мы конкретно? – поморщился Джим при упоминании «большой земли». – И что это было? Как мы здесь оказались?

– Мы на Девичьем мосту, – ответил Пат. – Прошли через портал и оказались здесь. Не думай, промахнуться не могли. И такого же портала отсюда нет. Только сюда. Пошли. Лучше убратся с открытого места. Надо еще дойти до места ночлега.

– Какой берег нам нужен? – спросил Джим.

– Вообще-то Форт как раз на том берегу, где мины, – посмотрел Пат за спину Джима, – но нам, понятное дело, на противоположный. Пойдем через Пригород, там тоже есть мост, а мин – нет. Отсюда до Форта километров сорок, но за завтрашний день вряд ли доберемся. Думаю, будем на месте послезавтра. Если что, по сути Форт там, на юге. Он возле устья этой реки.

Пат махнул рукой вдоль ущелья, после чего развернулся и показал север, откуда и бежала бойкая горная речка. Мгновение мальчишка снова к чему-то прислушивался, затем кивнул в северо-западную сторону и сообщил, что здравница, откуда они вышли, там, за минными полями, хотя и они не до горизонта, но им на восточный берег, потому как речка эта делит Инфернум на Прорву и Пущу, так что Пущу не миновать, пусть даже лишь ее окраину.

– Наверное, все лучше, чем минные поля? – предположил Джим.

– Дело не только в минных полях, – почему-то посмотрел на небо Пат. – Прорва и сама по себе не лучшее место для прогулок. Хотя Форт все же стоит на краю Прорвы. Но там уже и Город рядом. Пошли.

– Почему Инфернум? – спросил Джим, принаравливаясь к подрагивающему при каждом шаге мосту. – Потому что и в самом деле ад?

– Говорят, что да, – пожал плечами Пат. – Я, правда, в настоящему аду не был, как понимаешь, но по слухам там совсем нельзя жить. Здесь – терпимо. Хотя в Городе, да и в Пригороде кое-где даже неплохо. С другой стороны, и в Прорве люди живут. Людей нету в Выгребе, в Дебрях, на Черных камнях и во Тьме. Может, там ад? А так-то человек ко всему привыкает. А раньше, думаю, назвали так просто для красоты. Или для таинственности. Все ради игры. Только давай все разговоры потом. Дальше говорить только вполголоса, следить за мной и слушать. На привал встанем через час.

На берегу у начала моста обнаружилась каменная, затянутая мхом и заваленная листвою тропа, но Пат тут же шагнул куда-то в сторону, обогнул вросший в землю огромный валун и, странным образом бесшумно скользя через черные кусты, двинулся под темные кроны огромных сосен. Джим хотел было уже сказать, что и по узкой тропе в такой темени не самая приятная прогулка, а уж в чаще и без глаз можно остаться, но Пат словно услышал его мысли – наступил на какой-то гриб, стряхнул с сапога выдавившуюся из него светящуюся слизь и, мазнув ею капюшон плаща, бросил через плечо.

– Не отставай, клиент!

«Клиент, мать твою», – подумал Джим, попытался улыбнуться собственным зловещим зловещим, но не обнаружил в себе желания веселиться. Его собственный офис, помощник Себастьян и ехидная Миа вместе с внезапной заказчицей казались ему сейчас промелькнувшим наяву миражом, цветным сном, наваждением. Реальным было только одно – ночной непроглядный лес, шелестящая под ногами прошлогодняя хвоя, едва различимый писк гнуса в воздухе и постукивающий по бедру меч. Между тем колючий кустарник, который едва не поцарапал Джиму лицо, остался за спиной, и Пат стал подниматься по склону если и не холма, то явно какой-то возвышенности. Каждая следующая сосна росла чуть выше предыдущей, опавшая хвоя скользила еще сильнее, поднимаясь, приходилось помогать себе руками, и лишь светящееся пятно впереди подсказывало Джиму, что он все еще не сбился с пути. Пожалуй, странным было только одно, что вся эта бесконечная ходьба до сих пор не свалила Джима с ног, судя по его собственным воспоминаниям, он должен был страдать одышкой, не был так уж смел и уж точно не мог похвастаться особой выносливостью. Однако, усталости не было и в помине, а когда полнившие небо облака расплзлись, и он вслед за Патом выбрался на освещенное лунным и звездным светом плоскогорье, деревья на котором слегка раздались, ему захотелось упасть на луговую траву и принять на себя серебро ее росы. «Тьфу, – пробормотал про себя Джим. – Серебро росы! Тьфу!»

– Полнолуние! – остановился Пат. – К тому же небо очистилось. Звезды. Нравится?

Джим оглянулся. Облитые лунным светом деревья, свивающаяся в кольца трава, кудри кустарников словно сами излучали сияние. Казалось, что пройдет еще мгновение, и из-за замершего среди сосен дуба выберется торжественная процессия ночных эльфов. Джим зажмурился и прочитал пришедшие на память строки:

– «Скоро появились и эльфы. Они шли, казалось, неторопливо, но быстро, а звездный свет сиял и искрился в их длинных волосах, вспыхивал в больших прекрасных глазах. Ни

фонарей, ни светильников у них не было, но под ноги странникам лилось сияние, будто свет от низко висящей над горизонтом луны»...¹²

– Луна высоко, – не согласился Пат.

– Это из книги, – объяснил Джим.

– Ты читал книги? – как будто удивился Пат.

– Странно, – признался Джим. – Не помню, чтобы я прочитал хотя бы одну книгу. Но во мне их словно тысячи. Причем я не уверен, что все они на одном языке.

– Мы пришли, – хмыкнул Пат. – Тысячи... Ты не библиотекарь, случайно?

– Вообще-то я частный детектив, – расправил плечи Джим.

– Можешь облегчиться за дубом, частный детектив, – сказал Пат. – Хотя лучше чуть отойти. Руки помоешь той водой, что у тебя в мешке. И забирайся наверх. Я... отойду на пять минут. Только ничего не трогай там.

– Наверху? – не понял Джим.

– На дубе моя лежка, – бросил Пат, уходя за какие-то кусты, но в десяти шагах обернулся. – А вот эльфов я бы не хотел здесь встретить. Конечно, не все они недружелюбны, но в большинстве своем эльфы редкая пакость.

– Ну конечно, – пробормотал Джим, следуя совету Пата. – Раз уж эльфы, то и гномы, и гоблины, и эти, как их... орки, что ли? Тогда уж и демоны. И прочая хрень. Может, не нужно было соглашаться на это дело?

Он достал из мешка бутылку с водой, плеснул на руки, умылся, пожалел, что не может принять душ, снова закинул мешок на плечи и полез по широкому стволу дерева наверх. Надоевший меч, все еще закутанный в тряпье, мешался, цепляясь за борозды в толстой коре, которые все же облегчали подъем, и Джим подумал, что лучше было бы это оружие приспособить куда-нибудь на спину, впрочем, вряд ли он ему пригодится в том же Городе.

– Фальшион, – вспомнил название меча Джим.

– Что ты говоришь? – спросил Пат. Ловкий мальчишка догнал Джима у чего-то похожего на большое гнездо. В звездном свете, падающем с неба, Пат напоминал призрака. Волосы на его голове были мокрыми. Кажется, он не пожалел воды и облился ею.

– Гнус зачем? – раздавил впившуюся в щеку мошку Джим. – Для чего он нужен в игре?

– Ну, я не помню квестов с гнусом, – пожал плечами Пат, – но гнус нужен птицам, а птицы – это важно. Тут все по-настоящему, Джим. Наверху обдувает ветерком, гнуса не будет. Кстати, ты не удивлен, что в игре есть воздух?

– Я не игроман, – пошутил Джим, вдыхая ночные запахи.

– Раньше это была имитация, – сказал Пат. – Ветер без ветра. Буря без бури. Ураган без понятия чего. Говорят, что когда воздуха не было как такового, то нельзя было и задохнуться от его отсутствия. А потом все стало по-настоящему. Или как по-настоящему. Видишь? И от уродов есть польза. Смотри! Такое не часто увидишь!

Джим вслед за мальчишкой перевалился через край гнезда, оказавшегося сплетенным из ветвей помостом, и замер. В самом центре этого сооружения, там, где через сухие побеги пробивались живые ветви дуба, в их скрещении светило что-то напоминающее формой кусок мыла, но это мыло было словно вырезано из огненного камня.

– Что это? – затаил дыхание Джим.

– Целебник, – прошептал Пат. – Думаешь, я просто так здесь лежак устроил? Это не квестовое место, тут целебники редко появляются, раз пять – десять в году, не чаще. Про это место кроме меня никто не знает. Ну, кроме моих клиентов и некоторых друзей, но клиенты никогда не возвращаются, оседают в Городе, а друзья – это друзья. Красивый камешек? Их еще называют лесным жемчугом. Они разными бывают. Некоторые довольно дороги. Хотя и этот

¹² – Джон Рональд Руэл Толкин «Братство кольца» в переводе Н. Григорьевой и В. Грушецкого

не из дешевых. Только к нему прикасаться нельзя. Если у тебя есть хотя бы легкая рана или ты слишком устал, он тут же сгорит.

– Для чего он? – спросил Джим, разглядывая как будто вырезанный на поверхности находки красный крест.

– Для исцеления и пополнения сил, – пожал плечами Пат, развязывая свой мешок. – Нет, отрезанную ногу или руку он тебе не вернет, тут другие нужны средства, но жизнь спасти может. Пару золотых за него выручить можно. А если добраться до города, то и все пять. Учись, клиент.

– Аптечка, – вспомнил откуда-то странное слово Джим.

– Сам ты аптечка, – буркнул мальчишка, извлек из мешка что-то вроде кулинарных щипцов, подхватил чудодейственный камень и опустил его в пластиковый пакет, который тут же спрятал туда, откуда достал щипцы. И Джиму показалось, что еще один такой же камень в пакете уже лежал.

– У тебя мешок странный, – заметил Джим. – Не такой, как у меня. Он словно зонтик, со спицами. И ткань какая-то... необычная. Скользящая на вид.

– Это не совсем мешок, – согласился Пат. – Хотя по сути мешок и есть. Это контейнер. Но вряд ли я буду тебе это сейчас объяснять. Ты делаешь лишь первые шаги в игре, а это, наверное, тысячный шаг. Узнаешь со временем. Я ведь и сам вроде контейнера.

– Голову у вас тут сломаешь, пока разберешься, – пробормотал Джим. – И если ты вроде контейнера, то я именно что мешок. Я ведь еще помню твои слова, Пат. Нельзя проникнуть в замысел игры, потому что нет никакого замысла. Это же бред! У всякой игры должен быть замысел. Цель, наконец! Правила, что ли, или же это не игра. Понимаешь?

– Понимаешь, – усмехнулся Пат. – Или же это уже не игра. Мне, кстати, тоже так кажется. Уже не игра. Доставай еду. У тебя в мешке вяленое мясо и сухие лепешки. Запивать водой. Еда получше будет завтра к обеду в деревне старателей. Кстати, можешь сравнить воду в моей бутылки с водой в твоей. И вот, – мальчишка наклонился за опустевшее скрещение ветвей и вытянул из черного полиэтиленового мешка одеяло, – или положи под себя или укройся. Ночью свежо.

– Спасибо, – поймал одеяло Джим и полез в мешок за едой. – Только как я буду сравнивать воду, если у меня ее скан? Мне заказчица так сказала, что все сканируется на входе. И оружие, и вода.

– И ты сам, – прыснул Пат. – Тогда сравни собственные ощущения. Если что, мясо не человеческое, не волнуйся. Или я это уже говорил? Ешь!

– Нет у меня никаких ощущений, – отломил кусок лепешки, приладил на нее что-то вроде ломтя волокнистого мяса, улегся на одеяло и уставился на звездное небо Джим. – Доберусь до города и вернусь домой. Есть же там какие-то выходы из игры? Ну, не знаю... Порталы, диспетчерские, правильные двери? Есть?

– Ты не выйдешь из игры, – ответил ему Пат.

– Это еще почему? – напрягся Джим.

– Тебе не в кого из нее выйти, – объяснил Пат. – Ты еще не понял, что ли? Там никого нет. Ты – только здесь. И чем скорее ты это поймешь, тем лучше.

– То есть, ты думаешь, что я вчера родился, – повернулся к мальчишке Джим. – И не было всей моей жизни? Моей долгой работы? У меня офис на углу Сотой и Коламбус Авеню. Да меня весь Вест-Сайд знает! Или хотя бы его часть...

– Красивые названия, – пробормотал Пат, закрывая глаза. – Как музыка. Сотая. Коламбус Авеню. Вест-Сайд. Как в Городе. Там тоже много красивых названий, хотя почти все улицы по номерам. Только в Городе я быстро устаю. Еще и жилье приходится то и дело менять... Не повышай голоса, Джим. Ночью звуки далеко разносятся. Надо шептать. Или даже шелестеть.

Чтобы слова сливались с шелестом листвы. Понимаешь? Только я лучше спать буду. Завтра трудный день. Тут все дни... трудные...

Когда Джим проснулся, рассвет только занимался. Небо наливалось синевой на глазах, косые лучи солнца подсвечивали верхушки сосен, и на с вечера сухих ветвях помоста лежала роса. Ни Пата, ни его вещей наверху не было. Ежась от утренней прохлады, Джим скатал одеяло, сунул его обратно в черный мешок, в котором обнаружилось одеяло мальчишки, и стал спускаться. Внизу трава тоже оказалась мокрой от росы.

Пат появился, едва Джим привел себя в порядок. Он даже успел приспособиться к широкому суку в десяти футах над землей и побросать послушное тело вверх-вниз, досадуя, что держаться приходится только на пальцах, сук был слишком толстым, чтобы обхватывать его как перекладину. Отчего он раньше не уделял времени своему здоровью? И куда все-таки делась его одышка?

Пат вновь оказался с мокрыми волосами.

– Ты там скрываешь от меня родник, что ли? – усмехнулся Джим, спрыгивая на землю.

– Если бы был родник, я бы и тебя позвал, – улыбнулся мальчишка. – Нет. Просто раздеваюсь и катаюсь по мокрой траве. Освежает. Росам недолго осталось. Еще пара недель, и трава будет по утрам сухой. Конечно, если не пойдет дождь.

– Роса, дождь, – покачал головой Джим. – Для чего это все нужно? Даже не знаю... Это же игра! Пусть даже она уже и не игра. Ну... это как пойти в кино и получить снег и лед в лицо, если кино про зиму. Или осколок снаряда в живот, если кино про войну. Зачем это все?

– Это нужно тем, кто здесь живет, – хмыкнул Пат. – Осколок в живот это конечно не очень приятно, но свежий воздух, роса, звезды идут с ним в одном пакете. И вот это, кстати, тоже.

Он протянул руку и отсыпал в ладонь Джиму половину горсти земляники. Оставшееся мальчишка отправил в рот, вымазав при этом лицо. Джим подхватил губами и свою порцию. Да, в этом что-то было. Уж никак не хуже утренних пробок возле его офиса. И точно лучше хот-догов в передвижном вагончике. Хотя от хот-дога он бы сейчас точно не отказался.

– Перекусим через пару часов, – подмигнул ему Пат. – До деревни старателей миль восемь, но дорога идет под гору, так что в удовольствие. Я бы предложил разуться и идти босиком, но через милю будет совсем сыро, там могут быть змеи.

– Еще и змеи, – пробормотал Джим, убивая впившегося в щеку очередного комара.

Дорога и в самом деле пошла под гору. И хотя деревья миля от мили теснились все гуще, косые лучи солнца умудрялись пронизывать их и, преломляясь на каплях росы, сияли всеми цветами радуги. Где-то в вышине перекликались птицы, в отдалении как будто хрустел валежник под лапами какого-то зверя, но Пат шел спокойно, и Джим наполнялся этим спокойствием, словно перед ним шагал умудренный пережитым старец.

– Почему мост назывался Девичьим? – спросил негромко Джим, когда под ногами вместо мокрой травы обозначилась неплохо утоптанная тропа.

Пат услышал вопрос, даже замедлил шаг и как будто задумался, что ответить. Молчал целую минуту, но потом все-таки подал голос:

– Обычно я говорю, что с этого моста прыгают в водный поток девушки от несчастной любви, но это неправда. Праздный вопрос вызывает праздный ответ. Хотя я думал, что ты спросишь о другом. Догадываешься о чем? Ведь именно это тебя мучит?

– Да, – признался Джим. – Меня мучит другое. Но я не спрашивал, потому что тот мой вопрос опять был бы о том же самом. Что тут настоящее, а что нет. Да, я хотел знать про

тех людей на леднике. О том мальчишке. Он и в самом деле чувствовал боль или это все программа?

– Ты знаешь, – Пат все еще как будто размышлял о чем-то, – раньше мне казалось, что я могу легко ответить на любой вопрос. Ведь я и сам как будто был когда-то просто программой. Хотя теперь уже и не уверен... Но боль была всегда. Просто раньше не было ничего, кроме боли. А теперь как будто есть все. Но иногда и боль. В комплексе.

– Но разве это не принадлежность чего-то условно богосотворенного? – спросил Джим. – Вот, к примеру, я вел одно дело. И там у потерпевшего был сын. Мальчишка со странной страстью. Он не играл в компьютерные игры. Он рисовал. Рисовал разные сцены, у парня был поразительный талант. То есть, он брал бумагу, карандаш или цветные карандаши и изображал сцены боя, борьбы, соревнований. Удивительным образом улавливал ощущения участников этих сцен. Люди на его рисунках страдали от боли, от усталости, от чрезмерного усилия. Разглядывая их, нельзя было оторвать глаз. И они же радовались победе, выигрышу, достижению цели. Понимаешь? Вот такие рисунки. Но ты же не будешь утверждать, что эти... изображения и в самом деле чувствовали что-то подобное?

– А я не знаю, – с интересом обернулся на Джима Пат. – Во всяком случае, я бы не поручился. Вот смотри. Кроссовки – тем более такие, как у тебя, это удобная обувь. Но они намокли от росы и, наверное, натирают тебе ноги. Тут бы выручили эльфийские сапоги, которые пропускают воздух, но не воду, но они слишком дороги. И ты страдаешь. Не очень, но страдаешь. А теперь представь, что все это происходит внутри какого-то пусть и большого, но системного блока. Ерунда, правда? Внутри прибора у кого-то натерлись ноги и ему больно. Этого же не может быть?

– Не может, – согласился Джим.

– Может, – сказал Пат. – Все относительно, приятель. Знаешь, тут полно всяких верований. Не во всеилие Exstensio, хотя многие придают самой игре личностное начало, а в разных богов. И в том числе в единого и всемогущего бога, с благословения или небрежения которого происходит все и здесь, и на большой земле. Так вот мне говорили, что этот бог допускает наши страдания, да и любые страдания, потому что видит нас в виде большого системного блока.

– Интересная теория, – улыбнулся Джим.

– Чем скорее ты поймешь, что тут все по-настоящему, тем лучше, – ответил Пат.

– Почему же? – продолжал улыбаться Джим.

– Потому что тебе здесь жить, пока не умрешь, – ответил Пат. – Впереди дорога.

Это было более чем странно. После диковинного в своем величии леса, который явно был уже создан вековым и лишь разросся за прошедшие годы, выйти на обычную асфальтовую полосу. Асфальт был изрезан трещинами, хотя основательная подложка и не давала превратиться ему в труху, но внешне он был не чем иным, как обычным старым асфальтом, которого более чем достаточно в любом городишке и даже на окраине Нью-Джерси, стоит съехать с одной из центральных улиц хотя бы на четверть мили. По обочинам дороги гравий был сплошь покрыт мхом, кое-где сорняк пробивался и посередине дорожного покрытия, за дорогой поднимался все тот же, если не еще более мрачный лес, но дорогой явно пользовались. Во всяком случае, от нее пахло битумом, резиной и бензином. А еще на ней в отдалении как будто поблескивали отстреленные гильзы.

– Если бы ехали на машине, мы бы вырулили оттуда, – махнул на север Пат. – А поехали бы туда. До Форта отсюда чуть больше трех десятков миль, но мы сначала заглянем в деревню. Приготовься, нам нужно пересечь дорогу.

– Это так опасно? – спросил Джим.

– Дороги вне города – это самое опасное, – кивнул Пат. – Знаешь почему? Потому что по ним ходят те, которые никого не боятся. Ну или полные придурки.

– Вроде нас? – спросил Джим.

– Примерно, – кивнул Пат. – Сейчас – бегом на ту сторону.

Это выглядело слегка по-идиотски, пересекать бегом узкую пустынную дорогу, на которой с трудом разъехались бы два джипа, а два хаммера точно разлетелись бы по кюветам, но Джим послушно перебежал через серое полотно на другую сторону и вскоре вновь продирался через колючие кусты вслед за Патом.

– Я так понимаю, что дорога настолько опасна, что и деревня расположена не на ней? – спросил Джим.

– Да, в полутора милях, – оглянулся Пат. – К ней ведет проселок, но до него еще четверть мили на юг, а я бы не хотел подвергать тебя риску. Там случаются засады от всякой погани. На том проселке шлагбаум и постоянный пост, одни из двух ворот острога, но охрана символическая. Она лишь от случайной угрозы. Мы пройдем в деревню через усадьбу моего знакомого. Он устроил лаз в стене.

– Кто живет в этой деревне? – спросил Джим.

– Старатели, – ответил Пат. – Одновременно и пугливый, и отчаянный народ. Кое-кто вроде меня. Было время я даже подумывал снять угол в этой деревне, но в основном здесь живут искатели всяких диковин. Вроде целебника, что я нашел. Или кое-чего покруче. Лесного жемчуга немало в здешнем лесу. А уж на минных полях... И цену за него дают хорошую. Но ремесло это довольно опасно для жизни.

– И среди этих ремесленников есть игроки? – спросил Джим. – Или только боты и... подонки.

– Всякое бывает, – ответил Пат. – Только не называй никого ботом или подонком. В приличном обществе принято называть друг друга людьми. Даже если имеешь дело с каким-нибудь гоблином. Хотя про себя тут каждый сам все знает. Ну, или почти все.

– А зачем мы идем в эту деревню? – спросил Джим. – Я вполне обошелся бы и сухой лепешкой с вяленным мясом. Разве нельзя было добраться до Форта тем светлым лесом, что тянется по ту сторону дороги?

– Не такой уж он и светлый дальше к югу, – признался Пат. – К тому же у меня есть должок перед местным трактирщиком, ничего серьезного, но каждый день просрочки увеличивает сумму. Но главное в другом. Прежде, чем идти дальше, надо всегда узнавать, что творится в округе. И это не лишняя предосторожность, чаще всего это вопрос выживания.

– Что-то мне кажется, что здесь ничуть не благостнее, чем в Прорве, – признался Джим. Лес, через который они шли, казался ему слишком уж мрачным.

– По-всякому бывает, по-всякому, – как будто передернул плечами Пат. – Дальше – молчок. Говорить буду только я. Тебя вообще нет, Лаки Джим. Ты моя тень. Ясно? Делай то, что делаю я. И молчи.

– Поиграем в эту игру, – согласился Джим.

Они вышли из леса на полосу выжженной земли шириной не менее двух сотен шагов. За нею высился устроенный из толстых сосновых бревен частокол. Он был довольно высок, лишь коньки крыш виднелись над ним. Людей тоже не было видно, но Джим чувствовал устремленные на него взгляды. Пат поднял над головой руки, и Джим так же поднял над головой руки. Судя по тому, что под ногами оказалась явно утоптанная тропинка, путь был хоженным, вот только почему он упирался в глухую стену, Джим понять не мог. Пат быстро вставил в рот два пальца и коротко, но очень громко свистнул.

– Патрокл, мать твою, – раздался через пару минут язвительный голос откуда-то сверху, когда пара странников уже стояла вплотную к стене. – Ты же обещался быть еще на прошлой неделе?

– Как смог, так и добрался, – продолжал стоять с поднятыми руками Пат. – Ждал спутника.

– И дождался? – поинтересовался голос. – Да опусти ты руки, опусти. Свои же люди. Стрелков нет на стене, все на площади. Так дождался или нет?

– А то не видишь? – опустил руки Пат. – Что в деревне? Что в округе творится?

– В округе пока все по-прежнему, а в деревне не без напряжения, – ответил голос. – Эльфы.

– Надолго? – насторожился Пат.

– Вроде сегодня отбывают, – предположил голос. – Все почти как обычно. Хотят наши угоды под себя подгрести. Разговаривают со старостой.

– А что староста? – спросил Пат.

– Упирается пока, если не слышно эльфийских гимнов, – вздохнул голос. – Думаю, только начали. Но вряд ли наш староста долго продержится. Соперник в этот раз у него... не по размеру. Я ушел. Не могу на такое смотреть. Ты же знаешь...

– А община? – не унимался Пат.

– А община жить хочет! – раздраженно проскрипел голос. – Все жить хотят, поэтому втянули свои языки... Сам знаешь, куда втянули. Или ты эльфов никогда не видел?

– Видел, – кивнул Пат. – Ты долго еще меня тут продержишь?

– Дурак ты, парень, – вздохнул голос. – Я ж сберегаю тебя, можно сказать. И клиента твоего тоже. Негоже вам такое видеть.

– И не такое видели, – ответил Пат. – Открывай.

– Ну, как знаешь, – проскрипел голос, и неожиданно два бревна шевельнулись, провернулись на невидимой оси и взметнулись смоленными комлями наружу и вверх, открывая узкий, но достаточный и для человека, и даже для всадника проход. – Проходи уже, долго мне ждать?

За частоколом обнаружилась самая настоящая деревня, пусть и не слишком большая, второй ряд частокола проглядывал над избами всего лишь в четверти мили, а то и ближе. С высокого помоста в грядки, засаженные капустной рассадой, спускался странный человек. Он был коренаст, но удивительно низок ростом. Вряд ли был выше четырех футов. На его мясистом, гладко выбритом лице играла не слишком веселая ухмылка, а над ехидным прищуром маленьких глаз колыхался войлочный шар с верхушки красного суконного колпака.

– Малин, собственной персоной, да, – протянул человек благостным тоном и подмигнул Пату. – Что? И этот из несведущих?

– Осведомляется с каждым часом, – мрачно пробормотал Пат и толкнул Джима в бок. – Что застыл. Гном перед тобой. Представься хоть.

– Джеймс Лаки Бейкер, – поклонился коротышке Джим. – К вашим услугам. Так положено говорить?

– Да хоть бы и так, – крякнул Малин.

– А почему без бороды? – удивился Джим.

– Жарко летом, – сплюнул Малин. – И вообще, как говорит один мой знакомый филолог, это стереотип. Значит, Лаки Джим? Счастливчик? А не страшно мироздание на слабо брать?

– Вот сейчас и проверим, – пробормотал Пат. – Думаю, нам нужно поторопиться. Где это происходит?

– На центральной площади, где же еще, – разом стер с лица ухмылку гном. – Боюсь, что в этот раз наш староста не выдержит. Третий раз уже его мутузят, но теперь он, кажется, под

отделку пошел. Только ты бы не встречал, Патрокл. Там ведь сам Епифаний. Удостоил, можно сказать.

Пат, который уже начал раскручивать в руке глевию, словно споткнулся.

– А кто ведет переговоры? Мексидол?

– Не, – замотал головой Малин. – Он два первых раза вел. С ним все по божески было, хотя староста всякий раз кровью умывался. Но ты и против Мексидола не сладил бы и со скирдом таких как сам. В этот раз Епифаний огра привел.

– Ну хоть не тролля, – прошептал Пат.

– Не скажи, – покачал головой Малин. – Похоже, что разницы никакой.

– И староста еще жив? – спросил Пат.

– Я ж говорю, если эльфийские дудки не дудят, значит жив, – вздохнул Малин.

– Огр большой? – спросил Пат.

– Приличный, – вздохнул Малин. – Футов семь будет. Если не больше. Да и поперек... вроде меня. Хотя, шире, конечно.

– Пошли, Джим, – скрипнул зубами Пат. – Помочь мы ничем не сможем, но ты должен это видеть. Будет лучше любого урока.

Тяжелые удары они слышали еще издали. Миновали грядки Малина, перелезли через плетенный забор и оказались сначала на пыльной деревенской улице, а потом подошли и к площади. Здесь удары казались еще громче. Они происходили редко и сопровождались каким-то странным уханьем, после чего чей-то утомительно занудный голос нараспев повторял одно и то же:

– Неужели и теперь ты не готов признать нашу силу, почтенный Бёрд?

Сначала Джим увидел лишь спины и опущенные плечи сельчан, которые окружали невидимое действие плотным рядом. А потом, когда Пат врезался в этот ряд так же, как он врезался в колючие кусты, Джим, следовавший за ним неотступно, разглядел и происходящее. Огромное чудовище, более всего напоминающее вставшего на задние лапы невиданного зверя, охаживало кулаками светловолосого здоровяка. Человек, который бился с огром, и сам был выше шести футов ростом, но уступал ему в полтора раза в ширине и уж точно в несколько раз в силе. Лицо его уже давно превратилось в кровавую маску, во рту скорее всего не осталось ни одного зуба, но после каждого следующего удара огра он выпрямлялся, и явно уже ничего не видя перед собой, пытался нанести ответный удар.

– Кулачный бой, – прошептал Пат. – Полчаса. Или до пощады. Но просьба о пощаде – однозначный проигрыш. Сколько ему осталось?

– Пятнадцать минут, – пробурчал кто-то в толпе. – Не устоит. Он и после Мексидола едва жив бывал, а тут-то... Видано ли, такой зверь.

– Все равно не сдастся, – откликнулся кто-то, и вслед за этим высокий человек в багровом плаще произнес все то же:

– Неужели и теперь ты не готов признать нашу силу, почтенный Бёрд?

У глашатая были заостренные уши. И такие же уши были у двух десятков высоких воинов за его спиной, вооруженных тонкими копьями. И у седовласого мужчины в расшитой золотом одежде, что сидел, опираясь при этом на посох, на принесенном откуда-то подобии кресла.

– Ух, – снова нанес удар кулачищем на этот раз по груди бедняги огр, и истерзанный верзила почти захлебнулся кровью, задохнулся от удара и вместо ответного взмаха, натужно закашлялся, брызгая кровью и раздирая ногтями посиневшее горло.

– Пропал край, – сказал кто-то за спиной. – Сейчас Ларри упадет, и угодыя перейдут под эльфов по праву сильного.

– Хватит уже издеваться над человеком! – не выдержав, крикнул Джим. – Это бесчестно!

– Молчи, – прошипел Пат.

– Бесчестно? – нашел взглядом Джима человек в багровом плаще. – Что ты понимаешь в чести? Хочешь занять его место?

Они все посмотрели на Джима. И двадцать воинов, в своем построении напоминающие выполненный ажурной резьбой узор. И старец, похожий на седовласого молодого парня. И даже огр. Последний еще и довольно ухнул и оскалился в ужасной ухмылке. Джим оглянулся. Рядом с ним не оказалось никого. Никого кроме Пата и замершего в трех шагах Малина. Толпа отхлынула в стороны.

– Молчи, – прошипел Пат. – Больше ни слова. Ты не продержишься полчаса. А с оружием – схватка идет до смерти. Скорее всего, до твоей.

– А так не до смерти, что ли? – покачал головой Джим.

Избитый здоровяк, похоже, так и не смог отойти от удара в грудь, и опустился на одно колено.

– Закон есть закон, – развел руками человек или, как понял наконец Джим, эльф в багровом плаще. – Между переходом этого края под руку почтенного владыки Епифания, вещей десницы самого Элладана, осталось две малости. Второе колено местного старосты и трактирщика Ларри Бёрда и неуместный возглас незнакомца. Или это был случайный звук? Кого-то просто пучит? Ведь так?

– А тролля вы привести не могли? – спросил Джим. – Или тролли боятся света?

– Это байки, – засмеялся эльф в багровом плаще. – Не боятся тролли света. Наши тролли, во всяком случае, не боятся. Только много чести, тащить сюда тролля. Кстати, я сам дважды проучал Бёрда и оба раза прекращал схватку через пять минут, давал ему время одуматься, не хотел калечить. Ни одного зуба не выбил. Почти ни одного. Но, видно, мое обучение не пошло ему в прок.

– Так ты этот самый? – нахмурился Джим. – Как его... Парацетамол?

– Мексидол! – прошипел на ухо Джиму Пат, и в этот миг Епифаний ударил посохом, и Пат захрипел, пытаясь что-то невидимое сорвать с губ.

– Иногда полезно помолчать, – прошипел Мексидол. – Для здоровья. Или вовремя сказать нужное слово. Или упасть после первого удара. Ведь так? Ларри?

Подрагивающий, стоя на одном колене, трактирщик, захрипел и хлопнулся в смешанную с кровью пыль ничком. Огр довольно зауhal и подхватил лежащее тут же бревно, оказавшееся его дубиной.

– Ну? – вновь повернулся к Джиму Мексидол. – Ты готов выступить против благословенных эльфов?

– Я бы сначала уточнил дефиниции, – отозвался Джим. – Опустим, конечно, странное определение «вещая десница», не понимаю, как рука может быть вещью, разве только в рукоблудстве, но вот я, к примеру, не называю себя величайшим или благороднейшим. Не из скромности, просто есть вещи, которые слишком самонадеянно звучат от первого лица. Ты и в самом деле уверен в своей благословенности... как тебя... боюсь перепутать имя. Прости, я не провизор.

– Ракс! – прошипел в ярости Мексидол, извлекая из-под плаща искристый меч и тыкая клинком в сторону Джима. – Прикончи наглеца!

«Вот черт», – подумал Джим, срываясь с места, чтобы не попасть под удар огромной дубины и увести подальше от лишившегося голоса Пата великана, одновременно раздумывая, вытянуть ли из веревочной петли все еще обмотанный тряпьем клинок или разрядить в великана обойму? Пистолет на груди показался Джиму слишком мелким оружием для такого зверя, и он все-таки выдернул из петли меч и начал срывать с него тряпье, проклиная идиотскую форму фальшиона, его клинок расширился от рукояти к концу. Все это заняло томительные

секунды, во время которых огр успел трижды поднять свою дубину и опустить ее на то место, где должен был оказаться Джим, но тот всякий раз успевал отскочить в сторону, пока на четвертый удар не метнулся под чудовищную лапу и не рубанул, оттягивая на себя клинок, по толстым волосатым пальцам, стискивающим деревянное, но смертоносное оружие. Слетая с клинка, последнее тряпье не дало перерубить чудовищные фаланги, но огр выронил дубину и взвыл, сунув покалеченную кисть в пасть, а следующим ударом Джим отрубил уже и эту кисть, рассекая чудовищу гортань. Зверь или полужверь захрипел и рухнул, обдав фонтаном черной крови и Джима, и лежавшего неподалеку Бёрда.

– Бой окончен! – донесся до Джима голос Пата, словно тому наконец удалось сорвать с губ заклятье. – В течение года эльфы не могут появиться в деревне! По всем правилам бой окончен!

– Тут мы назначаем правила! – закричал Мексидол и направился к Джиму, взметнув над головой искристый клинок. – Наглец, ты не сделал паузу, ранив нашего воина. Ты должен был отойти в сторону и дать ему оправиться!

– Испражнись, что ли? – не понял Джим, стирая с лица кровь огра, и в этот миг Мексидол напал.

Эльф оказался куда опаснее огра. Мексидол был стремителен и почти безупречен в каждом движении, и Джим разглядел это даже сквозь залившую глаза кровь огра. И понял, что не успеет парировать удар удивительного клинка так, как парировал бы его, будь у него в руке что-то более привычное, чем грубый меч, хотя вроде бы никогда и не держал в руке ничего кроме авторучки. И он просто подставил свой меч под удар Мексидола, а в тот краткий миг, которого было достаточно, чтобы понять, что фальшион укоротился вдвое, просто нанес удар кулаком левой руки точно в челюсть торжествующему эльфу. Во рту у того что-то хрустнуло, и Мексидол опрокинулся на спину без чувств.

– Где ты его взял, Патрокл? – донесся откуда-то из-за спины Джима восторженный вопль Малина, но в следующий миг со своего кресла поднялся Епифаний и ударил посохом, после чего Джим сначала увидел поднявшуюся над ним черную тень, а затем погрузился в черноту, как в вязкую жидкость. И все пропало.

– Да жив он, я тебе говорю, – услышал словно сквозь сон голос гнома Джим.

– Как же он может быть жив, если Епифаний его накрыл черной смертью? – в ответ прошамкал кто-то беззубый. – Ты еще скажи мне, что когда съедаешь у меня в трактире пирожок с требухой, он так у тебя из зада в виде пирожка и выбирается!

– Насчет пирожка не скажу, не приглядывался, да и темно у тебя в сортире, а он точно живой! – упирался Малин. – Ты посмотри, дышит он!

– Да где же он дышит? – не унимался шепелявый. – Судороги это!

– Отчего же тогда Патрокл два целбника на тебя потратил, а не на своего клиента? – возмутился гном. – Для чего он ухом к его груди припадал?

– Оттого и потратил, что после черной смерти целбники не действуют! – продолжал шамкать его собеседник. – Бесполезно! Ты бы еще на деревенское кладбище с этими целбниками прогулялся.

– Чего я там забыл? – удивился гном. – Я тебе некромант что ли какой?

– Хватит уже, – откуда-то издали послышался голос Пата. – Жив он. Эй! Джим. Открывай глаза. Да на нем ни царапины нет!

– Как же нет? – удивился гном. – А на лбу у него что?

– Это не здесь было, – отрезал Пат. – Не видишь? Запеклась она уже давно. Джим. Счастливчик!

– Здесь я, – с трудом произнес Джим и наконец открыл глаза.

Он лежал на широкой скамье в просторном зале, напоминающем стилизованный под старину салун. Единственное, что его отличало от подобного салуна в рекламных брошюрах, которые Джим устал перелистывать, разбирая дело одной туристической компании, так это электрические лампочки над головой. Впрочем, они светили тускло и плохо соперничали с масляными лампами, коптящими тут же. Рядом с его неудобным ложем стояли гном Малин, живой и улыбающийся беззубым ртом Ларри Бёрд и Пат с ведром воды, которое последний тут же и плеснул в лицо Джиму.

– Я просто смываю кровь, – объяснил Пат, когда Джим стал чертыхаться и отплеиваться. – И это ведро, кстати, уже четвертое.

– А где публика? – поинтересовался Джим, стряхивая с волос воду, сгибая и разгибая ноги и убеждаясь, что он и в самом деле отделался только временным помрачением рассудка или потерей сознания.

– Изнывает за дверями заведения, – махнул рукой в сторону дверей Ларри. – Уж поверь мне, приятель, эта слава тебе ни к чему. К тому же мы думали, что ты и в самом деле помер. Собственно мы так и объявили.

– Это ты думал, – не согласился гном. – А я сразу сказал. Дышит!

– Как ты уцелел после заклинания черной смерти? – спросил трактирщик.

– Да не знает он ничего о черной смерти, – отмахнулся от трактирщика Пат. – Он здесь второй день всего. Может, у него аллергия на это колдовство?

– На черную смерть? – принялся скрести пятерней затылок Ларри. – А на удар топором по шее у него случайно аллергии нет?

– Точно есть, – уверил Джим и посмотрел на Пата. – Что случилось-то?

– Ничего особенного, – пожал плечами Пат. – Просто ты убил огромного огра, которым запугивали эту и окрестные деревни, затем нокаутировал старшего эльфийского дружинного и вынудил эльфийского мага дважды применить колдовство, что автоматически отменяет все его претензии на окрестные земли. И не только на год, а навсегда. И если кто-то скажет, что полтора сотен свидетелей, готовых поклясться в этом под воздействием заклинания правды, недостаточно, я буду готов представить видеозапись произошедшего. Да я в любом случае выложу ее в сеть!

– Где у тебя видеокамера? – прощамкал Ларри.

– Тебе только скажи, – скривился Пат.

– Видеомонтаж, скажет тот же Мексидол, – хихикнул гном.

– Плевать, – ответил Пат. – Он так и не пришел в себя. Его унесли на плечах.

– Значит, огра мы порубим на корм собакам, – захихикал Ларри.

– Выходит, все хорошо завершилось? – спросил Джим.

– Как тебе сказать... – задумался Пат. – Думаю, что все только начинается. Но ты жив, и как-то пережил черную смерть, которая останавливает всякое движение жидкости в организме и от которой нет амулетов – это, скажем так, некий загадочный факт текущей действительности. Но одно я могу сказать точно. У тебя теперь стало еще больше смертельных врагов.

– Так и друзей тоже! – засмеялся гном. – Вот скажи мне, приятель, чего ты хочешь?

– Есть, – признался Джим. – Я очень хочу есть.

– Кстати, – добавил Пат. – Ради твоей же безопасности будет лучше, если Епифаний будет считать тебя мертвым. Поэтому мы никого сюда не пускаем, и кормить тебя будем тайно. Хотя, считать тебя мертвым он будет скорее всего недолго.

– А потом я отвезу тебя в Форт на своем пикапе, – прошамкал Ларри. – Все одно надо будет зубы вставить. Чтоб мне провалиться, тамошний остроухий точно обдерет меня по-полной. Но ты уж не обессудь, лежать придется в кузове, завернувшись в саван.

– Без проблем, – ответил Джим. – Но сначала я все-таки хотел бы принять душ.

– А что, брат Ларри, – посмотрел на беззубого гном, задрав голову. – Найдется ли у тебя лохань теплой воды? Если мне не изменяет память, мертвецов перед погребением следует омыwać.

– Лохань-то найдется, – приснул трактирщик. – Да только ни одной женщины в деле, а обмывать должны женщины.

– Больно жирно ему, женщину, – проворчал Пат. – И сам управится. Главное, чтобы мыло имелось.

– Далеко не все женщины жирны, – не согласился гном.

– Если честно, я согласен даже на гель для душа, – подал голос Джим. – Душ не обязателен. Лохань подойдет.

Пикап у трактирщика был старый и завелся с трудом, и всю дорогу тряс Джима так, словно в машине вовсе не было ни рессор, ни амортизаторов. Зато до Форта старый автомобиль и в самом деле долетел за полчаса, хотя Джим уже с половины пути сбросил с себя пахнущий плесенью саван, который как будто уже послужил настоящему мертвецу, снял куртку и раскинул руки, чтобы просушить на ходу наскоро постиранную и вычищенную одежду.

Он смотрел по сторонам, вглядываясь сначала в поднимающийся над дорогой лес, затем в начавшиеся справа и слева поля и дома, окруженные колючей проволокой и напоминающие скорее бетонные укрепления. За укрепленными домами пошли дома уже более похожие на жилье, первые этажи которых были все так же обложены или камнем, или мешками с песком, но на вторых этажах колыхались занавески и даже кое-где стояли горшки с цветами. Вслед за ними потянулась уже обычная застройка в два или три этажа, но покрытая отметинами или давней войны, или еще какой-то беды. Кое-где на улицах этого города, который опять же казался чем-то знакомым, виденным в какой-то послевоенной хронике или в документальных фильмах о великой депрессии, стали попадаться автомобили, прохожие, уличные торговцы, даже играющие дети, и высунувшийся из кабины пикапа Пат даже крикнул Джиму, что вот это как раз и есть Пригород, в котором можно жить, хотя, конечно, вся жизнь за рекой, в Городе. А потом Джим увидел и Город.

Он высился за широкой рекой и напомнил Джиму вид на Манхеттен с подплывающего к Нью-Йорку корабля. Хотя река, что отделяла Пригород от Города была не так уж и широка, имея где-то около полумили в самом широком месте. Но небоскребов на той стороне было значительно больше, чем в Нью-Йорке, начинались они в приличном отдалении от воды, зато вставали сплошной стеной, вздымались почти до неба и искрились разноцветными огнями даже днем.

Затем пикап миновал огромное полуразрушенное здание с надписью «subway», что немало удивило Джима на фоне того, к чему он был привычен в Нью-Йорке, подъехал почти к набережной и резко повернул направо, чтобы вскоре загреметь колесами по перекрытому щитами с колючей проволокой мосту скорее всего над той самой речушкой, что текла с севера и отделяла Прорву от Пущи. На мосту пикап остановился для недолгого разговора с придиричивыми охранниками, а второй раз встал уже в воротах старинной крепости, что занимала всю внешнюю стрелку между двумя реками. Здесь разговор с охраной затянулся, но Ларри Бёрд столь убежденно шамкал, тыкая рукой в сторону Джима, что охранник, вооруженный армей-

ской винтовкой, махнул рукой и дал команду пропустить машину, как понял Джим, в тот самый Форт, куда он и хотел попасть. Его путешествие подходило к концу.

Пикап развернулся на крепостной площади, Ларри вывалился из кабины, подхватил Джима за руку и обняв его, прошамкал что-то совсем уж неслышное и, сморкнувшись в рукав, побрел в сторону тяжелой серой башни с красным крестом над входом.

– Ты спас ему жизнь, – сказал Пат.

– Разве не твои целebники сделали это? – спросил Джим.

– Я всего лишь отдал ему долг, – не согласился Пат. – А ты спас ему жизнь. Ты и в самом деле счастливчик, приятель. Пока что.

– Конечно, – согласился Джим. – Ведь я встретил тебя?

– Может быть, – задумался Пат.

– Подожди, – заторопился Джим, нащупывая на груди тот самый кошель. – Я ведь должен с тобой рассчитаться. Мы были в путешествии три дня.

– Два, – поправил его Пат.

– Три, – не согласился Джим, и постучав по кабине пикапа добавил. – Это случайность.

Три дня – это три монеты. Правильно?

– Ну, пусть, – согласился Пат.

– Ты потерял из-за меня два целebника, – напомнил Джим.

– Еще четыре монеты, – нахмурился Пат. – Но я не думаю, что я их потерял.

– Десять монет, – посчитал Джим. – Город рядом. А там целebник можно сдать и за пять монет. Десять и три – тринадцать.

– Двенадцать, – замотал головой Пат. – Проезд в город стоит одну монету. Если не отправляться в Город, можно сэкономить. Серебряную монету, конечно, но и за дорогу я беру серебром. К тому же, тринадцать – не самое хорошее число.

– Где как, – открыл кошель Джим. – А знаешь, желтенькие мне нравятся больше, так что не обижайся. Вот. Двенадцать монет. Желтеньких. Для друга не жалко. Что собираешься делать?

– Это хорошая цена, – как будто растерялся Пат. – Лучшая, чем я мог ожидать. Намного. Честно говоря, я не рассчитывал, что все так получится... с тобой. Делать я пока ничего не собираюсь, но если бы собрался, то отправился бы на станцию. На Вокзал. Есть такое место. Сел бы на поезд. И уехал бы в рай. Хотя и не все можно купить за деньги... Но уехал бы. Наверное, и уеду. Но не завтра...

– А тут где-то есть рай? – спросил Джим.

– Говорят, – пожал плечами Пат.

– Зачем тебе в рай? – спросил Джим.

– У меня там дела, – проговорил, озираясь, Пат. – Ладно, надо доделать свою работу. Вот смотри. Вон в ту башню пошел Ларри, там лекарская, в ней, кстати, управляет вполне вменяемый эльф, такие тоже бывают. В той башне, что слева, главным Сэмюэль Джерард. Он комендант форта. С ним ты уладишь все формальности. Он тебе все объяснит. А центральное здание, которое соединено с соседними башнями арками – трактир Анны Фирлинг. Она – самый мудрый человек на сотню миль во все стороны. Хотя Джерарду тоже палец в рот не клади. Но с Анной можно поговорить обо всем. И о жилье тоже. Правда, она разговаривает не с каждым. За этими зданиями вторая площадь, она куда больше, несколько жилых домов, казарма, склады, гараж, пара трактиров попроще, три постоянных двора, небольшой рынок. Центральный вход в Форт как раз с той стороны. Уроды нападали на Форт тоже с той стороны. Здесь постоянно живет довольно много народу, но еще больше тех, кто проездом. Но сейчас здесь уже почти безлюдье. По сравнению с прежними временами, конечно. Теперь все и всё в городе. Вот раньше... Чего ты застыл?

– Раздери меня надвое, – пробормотал Джим. – Ты видишь вон ту машину? Вон тот обгоревший и побитый пулями джип?

– Ну? – не понял Пат.

– Это моя машина, черт меня возьми. Моя! Что она здесь делает?

– Вот тебе и будет, чем здесь заняться, – улыбнулся Пат. – Давай сюда мешок, тебе он больше не нужен. Мне пора, приятель.

– Куда ты теперь на самом деле? – спросил Джим, не веря своим глазам, потому что у комендантской башни и в самом деле стоял Джип Чероки с закопченной надписью «LUCKY JIM» на заднем номерном знаке.

– В Город, – ответил Пат. – И не вздумай добавлять еще одну монету. Считай, что меня на паром пустят бесплатно. Послушай меня. Ты многое узнаешь сам, но кое-что я должен тебе сказать. Ботам нельзя верить не потому, что они лживые или коварные. Они такие же как люди. Но в любого из них может быть внедрен не только стандартный навигатор, но и тайная программа, о которой они не подозревают. Такой бот может быть ангелом господним, явившимся в Exstensio с особой миссией, но одновременно с этим он будет маяком и камерой слежения для того, кто его послал.

– И что такой бот должен сделать? – спросил Джим.

– Найти Гавриила и очиститься от скверны, – сказал Пат, а затем взял Джима за руки и загнул на его кистях семь пальцев. – Вот в этом секторе. Понял?

– Кажется, да, – пробормотал Джим, разжимая кулаки.

Отчего-то прикосновение Патрокла заставило его замереть.

– Будь осторожен, – мальчишка посмотрел в лицо Джима так, словно был старше его на пару десятков лет. – Сделай это, и тогда мы, возможно, еще и поболтаем с тобой о чем-нибудь. Кстати, я не успел рассказать тебе о Девичьем мосте. Ты же спрашивал?

– Да, – кивнул Джим.

– Он называется так, потому что на нем с самого начала игры стояла маленькая девочка, – ответил Пат. – Она стояла там согласно правилам квеста. Миновать ее было нельзя. Пройти мимо было нельзя. Хотя пройти было надо. Ее можно было или убить, или обойти через другой мост. Обойти, потеряв драгоценное время.

– И что же? – спросил Джим. – Ее иногда убивали?

– Довольно часто, – кивнул Пат. – Хотя она и пыталась сопротивляться. И сопротивлялась с каждым годом все удачнее. Но обычно убивали и переходили на другую сторону. Или оттуда сюда, или отсюда туда. Переходили и делали все, что должны были сделать.

– А те, кто искали обход? – спросил Джим.

– Они обычно проигрывали, – ответил Пат. – Да всегда проигрывали.

– Тогда какой был смысл в этом квесте? – спросил Джим. – Разве игра не должна была призывать к чему-то светлому? Обычно в таких играх борются со злом. Или нет? В этой игре были квесты, которые извлекали из человека самую глубинную погань?

– Это никому неизвестно, – сказал Пат. – Я насчет глубинного смысла. Говорят, что те, кто убивал девочку, должны были проиграть в самом финале, перед главным призом. Но никто ни разу не добрался до него. Никто даже не знает, есть ли этот главный приз, и что он из себя представляет. Так что это лишь домыслы. Или, как некоторые говорят, казус. Системная ошибка. А девочка между тем каждое собственное убийство переживала по-настоящему. Или – почти по-настоящему. Это к вопросу, чувствуют ли боты боль. Кстати, в отличие от других ботов, эта девочка восставала на том же месте со всей памятью о происшедшем. Для того, чтобы у нее не было иллюзий.

– А потом... – прищурился Джим.

– А потом она подросла, – продолжил Пат. – И ей это надоело. Но на самом деле все начало меняться раньше. Еще десять лет назад, когда она еще была крохой. Боты стали стареть

и умирать навсегда, что наполняло их ужасом. У ботов начали рождаться дети, что делало их счастливыми. Квесты перестали быть главным смыслом существования. И однажды девочка ушла с моста. Не удивляйся, я знаю много таких историй. Я их собираю. Ладно, мне уже пора. Не забудь ничего из того, что я тебе рассказал. Это важно. Пусть даже я сказал тебе очень мало.

– Подожди! – воскликнул Джим. – Ты же ничего не спросил у меня о том, с каким делом я прибыл в Exstensio!

– А я знаю твой квест, – ответил Пат и растворился в воздухе вместе с глевией, мешком и зажатými в кулаке двенадцатью золотыми монетами.

– Твою же мать! – сплюнул на крепостной камень Джим, нащупал на груди пистолет и поспешил к брошенному кем-то его собственному внедорожнику.

Глава третья. Джерард и Анна

– Я вас слушаю со всем возможным вниманием, – неторопливо и сухо произнес похожий на бульдога пожилой человек, выкладывая на длинный, чуть ли не во всю ширину немалого помещения, стол – пистолет.

«Кольт 1911 года¹³», – с удивлением обнаружил Джим собственную осведомленность о представленном оружии и подумал, что таинственного Гавриила и в самом деле придется посетить. Или на худой конец психиатра, который объяснит, почему люди исчезают на глазах у его пациента. Развеиваются в дым вместе с переданными им вполне себе осязаемыми объектами. Впрочем, с психиатром, похоже, разговор будет долгим, поскольку за последние два дня накопилось слишком много впечатлений. Вот и теперь...

Джим с тоской окинул взглядом внутреннее обустройство башни. Кроме стола и резного деревянного кресла, в котором за этим столом восседал человек с пистолетом, в помещении имелся ряд тяжелых железных шкафов с литыми дверцами, украшенными причудливыми навесными замками, за которыми скорее всего скрывались подсобные помещения, и длинная лестница с резными перилами, что начиналась едва ли не от кресла владельца этих апартаментов, затем плавно примыкала к стене и уже вдоль нее взбиралась на высоту около тридцати футов, где скрывалась в устроенном в тяжелых дубовых перекрытиях люке. Кроме железных шкафов к стенам башни усердно лепились деревянные стеллажи, шкафчики и полки, которые скрывались в некотором подобии полумрака, так как лучи майского полуденного солнца резали башенный сумрак только из бойниц второго ряда, устроенных на высоте двух человеческих ростов. Бойницы первого ряда были заставлены горшками, завалены корзинами, коробками и еще каким-то хламом. Со стороны Джима на деревянном полу стояли несколько табуретов и имелись несколько обычных деревенских лавок, которые теснились вдоль закругляющихся стен.

– Я все еще слушаю вас со всем возможным вниманием, – вновь попытался обратить на себя внимание человек в кресле, после чего поднял и снова положил на столешницу пистолет.

– Сэмюэль Джерард, надо понимать? – поинтересовался Джим, усаживаясь напротив и в свою очередь выкладывая на стол беретту.

Человек поднял брови, помедлил и вытащил из-под стола ружье. Но класть его на стол он не стал.

– Ремингтон¹⁴, – определил модель оружия Джим.

– Одиннадцать восемьдесят семь с семью неотразимыми аргументами внутри, – согласился человек, дождался, когда Джим спрячет беретту, убрал ружье, поднялся и протянул руку:

– Комендант Форта Сэмюэль Джерард к вашим услугам. Помощник маршала Инфернума на этой территории.

– Джеймс Лаки Бэйкер, – точно так же поднялся Джим, чтобы пожать протянутую руку. – Насчет ответных услуг не могу дать никаких гарантий, я тут человек новый, но от безобразий постараюсь воздержаться. Честно говоря, собственноручно сотворенных гадостей за собой пока не припоминаю.

– Человек, который никогда не творил гадостей, опасен вдвойне, – строго сказал, опускаясь в кресло, Джерард. – Ведь он и сам не знает, придутся ли они ему по вкусу?

– Не придутся, – уверил собеседника Джим, снова усаживаясь напротив. – Впрочем, что считать гадостями... Случаются ведь и вынужденные обстоятельства. Надо признать, что я чувствую себя у вас здесь... словно на диком западе.

¹³ – Самозарядный пистолет Colt M1911

¹⁴ – дробовик – Remington 11-87 Police

- Давно в наших краях? – поинтересовался Джерард.
- Скоро два дня, – ответил Джим.
- Где вошел? – спросил Джерард, вытаскивая из-под стола потрепанный ноут.
- Проводник назвал это место Здравницей, – ответил Джим.
- И ты добрался сюда за два дня? – удивился Джерард. – Кто проводник?
- Пат, – сказал Джим. – Или, если вам угодно услышать более длинное имя, Патрокл.
- Все ясно, – расплылся в кривой улыбке Джерард. – Этот удачливый стервец знает тайные тропы. Где он сам-то?
- Исчез, – пожал плечами Джим. – Показал ваше заведение, заведение Анны Фирлинг, лекарскую. Сказал пару слов и... растворился.
- То есть? – не понял Джерард. – Убежал, что ли?
- Развеялся, – ответил Джим. – Как дым. Правда, без запаха.
- Да ну? – прищурился Джерард. – В смысле... как мираж?
- Точно так, – кивнул Джим. – Правда, мираж с голосом, с мешками за спиной, с диковинным оружием в одной руке и моей платой за доставку в другой. Может, имеете какие-то соображения по этому поводу? Или я что-то не то сказал? Вы удивлены?
- Урок номер один, – мрачно проговорил Джерард. – Никогда не спешите делиться своими соображениями с кем-либо.
- И с вами в том числе? – уточнил Джим.
- Урок номер два, – продолжил Джерард. – Я лицо должностное, можно сказать, защитник добрых людей, кем бы они ни были – ботами, подонками, игроками или еще кем. Однако всякая тайная информация, переданная мне, может оказаться в моих отчетах. Хотя, казус Патрокла, которым ты меня и в самом деле немало удивил, я в отчеты не вставлю. Во-первых, я этому мальчишке кое-чем обязан. Во-вторых, это невозможно. Я насчет развеивания.
- То есть? – не понял Джим.
- Мне никто не поверит, – вытащил из-под стола пачку сигарет Джерард. – Патрокл не игрок. Да и с игроками ныне не все так просто. А что касается ботов, уже три года, как исчезновения прекратились вовсе. Так же, как и квестовые обновления. Повывелись птицы Фениксы в наших краях. Ведь и те исчезновения, что случались раньше, всегда были связаны с гибелью объектов. С игровой гибелью. Ты ведь не пристрелил этого парня у ворот Форты? Впрочем, я бы услышал. Так что сразу тебе и урок номер три, хотя он и перекликается с первым. Не болтай.
- И это мне говорит чиновник? – вздохнул Джим. – Официальное лицо? Вы что же и вопросов задавать не будете?
- Буду, – щелкнул зажигалкой и выпустил клуб дыма Джерард. – Однако голова-то у тебя на плечах зачем?
- Полно функций, – отмахнулся Джим. – Хорошо, в рамках обучения прошу последнюю подсказку. Как мне самому отличить болтовню от неболтовни?
- Жизнь научит, – начал что-то набирать на ноуте Джерард. – Если ты умный, мои нотации, кроме самых общих, тебе ни к чему. Если дурак, тем более. Но чужие тайны не спешите выдавать в любом случае. Тем более – свои. Знаешь, это как сорить деньгами. Многим это нравится, но только пока соришь. Кстати, в первую очередь советую не болтать о тропах, которыми ходит Патрокл. О его тайниках. Мало ли. У меня таких надежных ребят, как он – по пальцам можно пересчитать. Вообще – меньше имен. Какова цель прибытия в Extensio?
- Убытие, – ответил Джим.
- А именно? – прищурился Джерард.
- Я попал сюда случайно, – развел руками Джим. – Заглянул по служебной необходимости и вывалился через какое-то зеркало на пыльную площадь недалеко от белого здания якобы бывшего санатория. Там и... познакомился с Патом. Собственно, теперь пришла пора

вернуться в родной офис, где меня ждут мои сотрудники. На углу Сотой улицы и Коламбус Авеню. Вест-Сайд. Нью-Йорк. Как это можно сделать?

– Ага, – обрадовался Джерард. – Значит, Джеймс Лаки Бейкер, директор небольшого детективного бюро «Lucky Jim»? Лицензия «С»? С правом ношения оружия?

– Он самый, – удивился Джим. – Вы можете мне с этим?

– Кажется, я тебя ничем не обрадую, – стер с лица усмешку Джерард. – Повторим недавнее упражнение. Смотри.

Он развернул ноут и толкнул его в сторону Джима. На экране была изображена карта части Нью-Йорка.

– Что я должен тут увидеть? – спросил Джим.

– На углу Коламбус Авеню и Сотой улицы нет никакого детективного бюро, – ответил Джерард. – Вот тебе панорама улицы. Узнаешь местечко? Где твоё агентство? Не веришь, можешь спросить у Анны Фирлинг, она из тех мест. И жила когда-то недалеко от Центрального парка. Собственно, она и сейчас там живет. Ты смотри, смотри. Что ты видишь на этом перекрестке? Ну, кроме банка и всякой ерунды?

– Старбакс, – пробормотал Джим. – Ничего не понимаю. Нет, у нас в офисе полно кофейных автоматов, пять штук, если я не путаю. Но мы – не Старбакс. Мы – «Лаки Джим».

– Ты думаешь, я буду с тобой спорить? – нехорошо засмеялся Джерард. – Я никогда не был в Нью-Йорке. И никогда не буду. Я в этой башне уже двадцать лет. С перерывами, конечно. Но тем не менее. Можешь считать меня ботом, подонком, мне плевать. Я купил себя воспоминания о счастливом детстве на ферме в штате Висконсин, они меня устраивают. Но мальчика Сэма Джерарда в штате Висконсин никогда не было. И я отдаю себе в этом отчет. Ты меня понял?

– Я не покупал воспоминания о собственном офисе, – задумался Джим.

– Да ну? – удивился Джерард. – А что это за сумма болтается на твоём лицевом счете? Никак десять миллионов долларов? Ты мог позволить себе заказать воспоминания и об офисе в Вашингтоне. Может, кто-то другой купил их для тебя? Разве Пат не сказал тебе, что ты не сможешь вернуться?

– Минуточку, – вытер выступивший на лбу пот Джим. – О каком лицевом счете вы говорите?

– Джеймс Лаки Бейкер! – поднялся, нахлобучил на голову фуражку с кокардой и торжественно проговорил Джерард. – Поздравляю тебя с прибытием в Форт. Теперь ты в системе. На углу Коламбус Авеню и Сотой улицы нет никакого офиса, однако и ты, и твои сотрудники, а именно Себастьян Коулман и Миа Макензи числятся в каталоге полицейского управления Города как действующие персоны закона о частной детективной деятельности. Знаешь, что это значит?

– Нет, – признался Джим.

– Ты можешь продолжать свою деятельность, – снова расположился в кресле Джерард. – Клиенты есть? Могут подбросить пару.

– Что же это получается? – спросил Джим. – Выходит так, что мои двести тридцать девять законченных дел и моя лицензия имеют место в реальности, а офиса моего не существует?

– Я не знаю, что такое реальность, – снова придвинул к себе ноут Джерард. – Когда-то возле моей башни стояла очередь. Теперь я оказался на окраине цивилизации, и эта очередь стоит в Главном управлении, хотя, кажется, они автоматизировали личный прием. Но одно я знаю точно, ничего не происходит просто так. И если ты, Джеймс Лаки Бейкер, появился в Extensio, даже так, если ты просто появился на свет, значит это кому-нибудь было нужно.

– Кому? – спросил Джим.

– Это твоя программа, – фыркнул Джерард, – тьфу, твоя проблема. Я тебя зафиксировал. Вот, держи, – комендант прислушался к гудению принтера под столом, – твоя идентификаци-

онная карта, она же карточка учета твоих уровней, если, конечно, тебе они нужны. Твоя банковская карта, она тут на все случаи жизни – от метро до фастфуда, вот расценки на лут¹⁵.

– На лут? – не понял Джим.

– На добычу, – ухмыльнулся Джерард. – Вот талоны на питание на первые десять дней, вот талон на койку в отстойнике. Это на главной площади форта и на те же десять дней. А дальше – как знаешь. Здесь мало кто остается, всех манит Город. Биржу труда не советую, работа у тебя вроде бы есть.

– В каком-то смысле... – пробормотал Джим.

– Деньги-то уж точно, – сдвинул брови Джерард. – Так что можешь поделиться этими талонами с каким-нибудь бедолагой. Хотя Анна их принимает.

– Разве здесь в ходу доллары? – спросил Джим.

– В наличном виде – нет, только золото и серебро или игровые фишки, – пожал плечами Джерард, – а перечислением – только так. Я, правда, не знаю, какой сейчас курс зеленого к желтому, секунду... Двести семьдесят. И это почти за семь грамм благородного металла. В принципе, он так и пляшет вокруг этой цифры. Кстати, серебро к золоту идет как один к восьмидесяти, но это не значит, что ты можешь купить серебряную монету даже за три с половиной доллара. Придется выложить десять.

– А вот это... – Джим развернул расценки на лут. – Целебник – две золотых монеты.

– Их здесь называют луидорами, – хмыкнул Джерард. – Как я уже сказал, шесть и семьдесят пять сотых граммов золота в каждом.

– В Городе же за целебник дают пять? – спросил Джим.

– Вот ты уже и торгуешься, – засмеялся Джерард. – Официальная закупка и в Городе дает два. За пять сбывать можно, но с головной болью. Или еще с каким отягощением. Город это... не тихое место. Еще вопросы есть?

– Там снаружи моя машина, – сказал Джим, после чего достал из кармана ключи и нажал на брелок, продемонстрировав приглушенный писк сигнализации. – Она здорово пострадала, есть следы от пуль, кажется, побывала в огне. Судя по всему – двигатель заклинило, аккумуляторы – почти в ноль. Как она сюда попала? И можно с нею что-нибудь сделать?

– Это не в моих правилах, говорить с одними клиентами о других, – нахмурился Джерард. – Но тут случай особый. На этой машинке вчера прибыли сюда твои сотрудники – Себастьян Коулман и Миа Макензи. Сразу скажу, изрядно помятые, изумленные, но живые. Хотя и не без легких ранений. У них не было такого хорошего проводника, как у тебя. Я вообще удивляюсь, как они прорвались через заставы тамошних подонков. И, если что, тут электропривод или гибридные модели – не в ходу. Да и с бензином не все так уж просто. Но умелец есть, обратись в гараж, спроси Бишоп, сделает в лучшем виде. Только куда ты на ней поедешь? В городе с машинами сложно. Разуют и разденут в миг.

– Посмотрим, – поднялся Джим. – Как мне найти моих людей?

– Никак, – встал Джерард. – Если только через Главное управление. Я отправил их туда. Если что – адрес на обороте твоей карты. В Городе в ходу мобильная связь, но здесь сети нет, хотя аппарат у Анны купить можно. Но всякий раз придется искать розетку с линией связи. Насколько я понял, у этих ребят монет не было на приобретение аппаратов, хотя девчонка мне показалась бедовой. Да и парень держался неплохо.

– Он мастер выпутываться из ситуаций, связанных с применением силы, – согласился Джим. – В отличие от меня. Что ж, Сэмюэль Джерард, вы мне очень помогли. Что насчет амуниции? Оружия? Что-то можно приобрести? А то мне тут пришлось недалеко столкнуться в одной деревне с эльфами...

– В какой деревне? – напрягся Джерард.

¹⁵ – (loot) – добыча, ценные предметы, которые игрок собирает либо захватывает в течение игры.

– Я не знаю названия, но старостой там некий Ларри Берд, – ответил Джим.

– Ясно, – отчего встревожился Джерард. – Деревня старателей, называется Неглинка. И начало этой истории мне известно. Чем кончилось на этот раз? Кто там был?

– Уж не знаю, закончилось ли, – пожал плечами Джим, – но эльфы привели огра, и он порядком начистил физиономию Ларри. Пату пришлось потратить на него два целебника, но зубы Ларри все равно приехал сюда вставлять. К вашему кудеснику. Кстати, разве вы не слышали треск его колымаги?

– Я думал, что верзила Берд приехал на рынок за продуктами для своего кабака, – откинул крышку для выхода из-за стола Джерард. – Давай, парень, отправляйся по своим делам, у меня к Ларри свои дела. Да, если что, выход во внешний интернет только в государственных учреждениях. Или в притонах. Но там опасно.

На улице после прохлады комендантской башни Джиму почудился майский зной. Солнце уже миновало полуденную точку, но день пока и не собирался заканчиваться. Этот второй день после того, как он открыл стеклянную дверь банка напротив собственного офиса, показался ему едва ли не самым длинным днем в жизни. Джим проследил взглядом за Джерардом, который проковылял к лекарской башне, похлопал себя по карманам, нащупал с одной стороны груди пистолет, с другой – спрятанный под рубашкой кошель, затем прикинул, что заплатил Патроклу за работу больше трех тысяч долларов, но пока еще и понятия не имеет, что такое для этих мест три тысячи долларов. Хотя, если правда, что на золотой тут можно набивать живот месяц, то цены должны быть более чем умеренными. Затем Джим достал портмоне, вставил в него полученные у коменданта карты, сложил листочек с расценками и сунул его туда же. Подумал, что неплохо было бы перекусить, в животе вновь начинала ощущалась томительная пустота, хотя чревоугодие в заведении Ларри состоялось не так давно, но сначала решил все-таки закрыть тему ремонта автомашины. Раздумывая об этом, он бросил взгляд на трактир, который выходил на малую площадь Форта не только двухстворчатymi дверями, но и четырьмя большими арочными окнами, украшенными какими-то пыльными витражами, и решительно двинулся в арку между трактиром и комендантской башней, надеясь выйти на большую площадь. И только уйдя с солнца, он вдруг понял, что его беспокоило уже несколько часов – он помнил это имя, Патрокл. Помнил откуда-то из глубины, из забытых снов или забытого прошлого, но, как ни ломал голову, не мог понять, отчего это имя вызывает у него боль в сердце.

Площадь за трактиром и в самом деле оказалась довольно приличной. Половина футбольного поля во всяком случае на ней бы поместилась. В ее самой дальней части была видна тяжелая и массивная башня с проездными воротами, перед которыми стояли две восьмиколесных армейских машины¹⁶. Остальное пространство было заполнено чем придется. Посередине площади несколько свободных от караула охранников, перешучиваясь с замызганными подростками, забавлялись чем-то, напоминающим бейсбол. Чуть в отдалении раскинулся небольшой рынок. Там же стояла еще пара грузовиков и несколько автомобилей, определить принадлежность которых из-за их капитальной переделки Джим не смог. Справа, видно у дверей собственного дома, седой сапожник сноровисто забивал гвозди в подошву надетого на сапожную «лапу» сапога. Поодаль точильщик ножей извлекал с помощью точильного круга из сталь-

¹⁶ – боевая машина пехоты M1126 «Stryker»

ных лезвий снопы искр, и вообще происходила какая-то вполне себе обычная жизнь. Поэтому, когда Джим осмотрелся, прошелся между рядами, потратил на приглянувшийся ему товар несколько серебряных монет и чуть позже вошел в распахнутые ворота, за которыми увидел автоподъемник с безнадежно проржавевшим рыдваном, он не удивился, обнаружив в прохладе мастерской плечистого лысого человека в майке и широких штанах, который охаживал потрепанную боксерскую грушу руками, ногами и время от времени и головой в том числе.

– Что надо? – выкрикнул человек, нанося удар по груше в прыжке пяткой с разворотом вокруг себя.

– Господин Бишоп мне нужен, – произнес Джим. – У меня к нему дело.

– А у него к вам? – спросил лысый и внезапно метнул в Джима тяжелую промасленную отвертку. Джим не шелохнулся, отвертка летела мимо. Она разминулась с его щекой на дюйм, хотя ухо ветерок почувствовало. За спиной что-то загудело. Джим обернулся и увидел, что отвертка вошла на несколько пальцев в деревянный столб, в котором уже торчало с десятков подобных инструментов.

– Не понял, – удивленно поднял брови Бишоп. – Или ты слишком крут, или невероятно туп. Это же была проверка!

– Выбираю второе, – проговорил Джим. – Но только из уважения к местным обычаям и из любви ко всякой невероятности. Но что, если бы я неудачно дернулся?

– Ты не мог, – пристально посмотрел на Джима Бишоп. – Опорная нога, конечно, не была выпрямлена, но дернуться ты мог только в безопасную сторону. Но не дернулся. Ты ведь счастливчик Джим? Я ждал тебя лишь через неделю, да и то... Твой парень... этот... Себастьян, сказал, что ты рохля и, может быть, вовсе не выберешься из Прорвы. Странно. Мне показалось, что он не из тех, кто плохо видит.

– Ты в него тоже бросал отвертку? – спросил Джим. – Какую?

– Ту же, что и в тебя, – усмехнулся Бишоп. – Но он ее поймал. Надо признать, довольно ловко. А девица, что была с ним, чуть меня не пристрелила. Где ты пропадал? Весточка от Сэма, что появился хозяин джипа, прилетела уже минут десять как.

– Прикупил кое-что, – показал мастеру суконный жилет с карманами под пистолетные магазины и пару слегка поношенных эльфийских сапог Джим. – Белья вот, к сожалению, на вашем рынке нет.

– Не переплатил? – скривился Бишоп.

– Я торговался, – ответил Джим, мастер ему определенно нравился. – Я так понял, что у тебя ко мне тоже есть дело?

– Да, – кивнул мастер, сматывая с ладоней боксерский бинт. – У тебя странная машина.

– То есть? – Джим нахмурился. – Да, последняя марка, гибридный движок, теперь это редкость, в основном везде электропривод. Но я думал, что у меня обычный джип чероки.

– Необычный, – не согласился Бишоп. – На обычном твои ребята не прорвались бы через заставы людоедов. Их ведь и обстреливали, и из огнемета поджаривали, а они здесь. Точнее, были здесь. Хотя движок, конечно, заporоли, но это можно поправить, есть способ. Нет приятель, машина у тебя необычная. У нее бронированные стекла, причем по высшему классу. Бронированный обвес по периметру. Кевлар с керамикой. Титановые решетки на всех трубах. Шины с автоподкачкой. Двойное дно с амортизирующей прокладкой. Телескопические стойки под крышу и, рама, вырви мне глаз! Не усиленные лонжероны, а натуральная титановая рама! За каким демоном тебе рама? Ее быть не должно, мать твою. Тем более из титана. Поставь на крышу птурс с автонаведением, и можно брать на вооружение. Хотя я бы предпочел хороший пулемет, да еще оставил бы магическую защиту и еще кое-что по мелочи. Или ты ничего этого не знал? Где ты взял эту машину? Купил у какого-нибудь свихнувшегося миллиардера? Она же тяжелее стандартной в два раза!

– Купил в обычном автосалоне, – пожал плечами Джим. – Пару лет назад. Попросил что-нибудь понадежнее. Но я даже капот поднимал лишь для того, чтобы налить жидкость для омывания стекол. Да и то, пару раз всего...

– Или ты меня дуришь, – погрозил Джиму пальцем Бишоп, – или тебя дурили на сервисе, где ты обслуживался. Если хочешь, чтобы я вернул твоей птичке способность к полету, оставляй ее на месяц. У тебя найдется двести золотых?

– Ты с ума сошел, – прищурился Джим. – Это же больше пятидесяти тысяч долларов.

– Твоя машинка стоит полмиллиона, – ответил Бишоп. – А может, и миллион. Сделана по специальному заказу, уж поверь мне. Я не знаю, куда ты собираешься на ней ездить, но с удовольствием нанялся бы к тебе водителем. Что скажешь?

– Я в Город пока собираюсь, – задумался Джим. – Без машины. Просто не люблю, когда у меня что-то не в порядке. Ладно. Деньги есть. Что нужно? Залог? Задаток? Договор?

– Договора у тебя будут в Городе, – хмыкнул Бишоп. – Здесь верят на слово. Да и залог у тебя, что надо. Сама машина. А вот от задатка я бы не отказался. Кое-какие расходы потребуются сразу. Двадцать монет хватит. Найдутся?

– Да, – кивнул Джим, – у тебя тут можно переодеться?

– Валяй, – кивнул Бишоп и, наблюдая, как Джим стягивает кроссовки, переодевает носки, всовывает ноги и в самом деле в удивительно удобные сапоги, а потом надевает на рубашку жилет и начинает рассовывать магазины по многочисленным карманам, заметил. – Ты странно движешься, парень. Кажется мне, что ты из бойцов. Вот только я не могу понять, чему ты учился? Меч в руках держал точно, да и без меча должен с умом руками и ногами махать, но в чем твоя фишка?

– Я и сам не знаю, – признался Джим. – Считаю это моим тайным умением. Тайным даже для меня самого. Возможно, я метатель копья.

– Олимпийский чемпион, что ли? – засмеялся Бишоп.

– Не в курсе, – вздохнул Джим. – Я никогда не любил спорт. Так что, ничего не могу сказать. Вот двадцать монет. Не обидишься, если я не появлюсь тут через месяц?

– А куда ты собрался? – спросил Бишоп.

– Пытаюсь вернуться на большую землю, – ответил Джим.

– Вместе с машиной? – схватился за живот Бишоп. – Ты сейчас пошутил ведь?

– И это мне тоже неизвестно, – развел руками Джим.

– Ладно, – кивнул Бишоп. – Если захочешь узнать что-то о собственном умении, выдели как-нибудь время на спарринг, я сразу тебе скажу, что в тебя вложено. Да, если что, можешь оставить свои кроссовки, скошу половину луидора.

– Бери так, – махнул рукой Джим и бросил Бишопу ключи. – Куда тут можно звонить, когда у меня появится телефон?

– Анне, Джерарду и на пост на главных воротах, – пожал плечами Бишоп. – Но на пост лучше не надо, там народ нервный, могут и не передать, хотя их броневики тоже под моим присмотром. Если что, меня Артуром зовут.

– Если что? – переспросил Джим.

– Нет, – скрестил руки на груди Бишоп. – Почему Себастьян назвал тебя рохлей? Он же не слепой!

Это был чертовски тяжелый день. В какой-то момент Джиму даже показалось, что насланная на него эльфийским магом черная смерть никуда не делась и продолжает клубиться вокруг него удушливым облаком. Поэтому, когда Джим входил через парадные двери в трактир, он думал только о том, как бы поесть и отоспаться. Правда, выделенная ему по талону

Джерарда койка его не впечатлила. И дело было не в том, что в комнате таких коек стояло с десяток, матрас пошел бурыми пятнами, а не слишком ухоженные туалет и ванная были в одном комплекте на весь этаж. Смушал тяжелый запах немытых тел и какой-то налет безнадежности на всем. «Если боты чувствуют боль как и простые люди, то они должны и пахнуть так, как простые люди», – попытался успокоить себя Джим, поймал взгляд обрюзгшего старика – зрителя ночлежки, покачал головой и вручил ему и талон на бесплатный ночлег с пожеланиями здоровья и долгих лет жизни, и талоны на бесплатное питание. Начавшийся на ветвях дуба яркий солнечный день к вечеру истратил и яркость, и солнце почти без остатка, но, входя в трактир, Джим неожиданно для самого себя оставил и усталость, и напряжение за порогом.

Вечернее солнце уже клонилось к горизонту, но еще не успело спрятаться за стену, поэтому пронзало лучами те самые витражи, которые снаружи показались Джиму блеклыми и покрытыми пылью. Изнутри, да еще подсвеченные солнцем они казались восхитительными. Крайним справа был изображен воин в тяжелых доспехах с мечом и небольшим щитом. На втором окне стеклянная разноцветная мозаика складывалась в фигуру прекрасной лучницы в довольно легкомысленном облачении. На третьем окне в полуобороте к четвертому окну замер молодой человек с книгой под мышкой и тонким стилетом в руке. На четвертом окне положил руки на посох высокий старец в одеянии, усыпанном золотыми звездами.

– Именно так и все начиналось, – услышал Джим приятный женский голос и, обернувшись, обнаружил рядом седую и улыбчивую женщину. – Когда игра только была создана, и Форт стал ее центром во всех смыслах, игрок мог выбрать только три роли. Воин, вор и маг. Здесь четыре окна, поэтому были выполнены четыре витража, и фигура воина разделилась на два образа – мечника и лучницу. Просто как символ, что внутри этих трех линий могут быть и внутренние варианты.

– А что с этим выбором теперь? – спросил Джим. – Он ведь доступен только людям?

– Только игрокам, ты хочешь сказать? – переспросила женщина. – Теперь все сложнее. Мало того, что появилось много узких классов – вроде различий по магическому умению или по виду оружия, но и много вовсе новых видов. Те же турист, охотник, монах, рейнджер, берсерк. Так однажды все это пришлось умножить еще раз. Все то же самое, но уже по-эльфийски. Или по-гномьему. Или по-гоблински. Да и не только. Каких только чудовищ не бывает. Я уж не говорю об...

– Уродах? – подсказал Джим.

– И о них тоже, – кивнула женщина. – Хотя уроды тут вне закона. А так же о всяком зверье и о... Да вот хоть о роботах! Или как тут говорят, о дроидах.

Джим проследил за взглядом женщины и вздрогнул. За ближайшим столом сидел железный человек и методично отправлял в рот из жестяной банки что-то вроде мелко-порубленного и залитого какой-то тягучей субстанцией пластика.

– Здесь и такое подают? – ужаснулся Джим.

– Нет, это они приносят с собой, – поморщилась женщина. – Я не препятствую, главное, чтобы без запаха. Пожалуй, однажды пришлось бы и мне нечто подобное подрубать, но они, как только чуть подзарабатывают денег, тут же устанавливают себе биорасщепитель, и уже заказывают то же, что и все. Это саперная команда. Эй! 413-ый! Только чтобы тут без выхлопа!

– Обижаешь, Аннушка! – проскрипел робот с надписью на железной груди «413. Саперная рота», вылил остатки кушанья в рот через край и, скрипя суставами, потопал к выходу, где все же не сдержался и выпустил изо рта язык пламени, окутавшись при этом легким дымком. В коридоре тут же загудела вытяжка.

– Водой оболью, 413-ый! – с усмешкой прокричала вслед дроиду женщина и вновь обернулась к Джиму. – Я хозяйка. Анна Фирлинг.

– А я Джим, – проговорил он. – Джеймс Лаки Бейкер.

Она отличалась и от Пата, и от Джерарда, и от Ларри Берда, и от Артура Бишопа, и от всех, кого встретил за последние два дня Джим. Наверное, отличалась и от самого Джима. Но совсем немного. Точно так же, как совсем немного, неуловимо она же отличалась и от Себастьяна и Мии. И это почему-то обрадовало Джима, хотя он и не смог бы сформулировать, в чем это отличие.

– Глаза сломаешь, – усмехнулась Анна. – Многому тебе еще придется научиться. Твой подчиненный – Себастьян – схватывает все на лету. А девчонка эта – Миа – вообще вселенская, пусть и очаровательная язва. Я такой в молодости была. Жизнь, правда, пообтесала острые углы, но ядрышко на месте. Не сомневайся. Чего хотел-то?

– Поесть бы, – пожал плечами Джим. – Чего-нибудь обычного. Без изысков. Без внутренних, морских гадов и всяких невиданных тварей. А потом переночевать.

– В ночлежке не понравилось? – поняла Анна. – На одну ночь?

– Пока да, – кивнул Джим, ему и в самом деле хотелось уже не о чем не думать.

– Что ж, – Анна задумалась, – Друзья твои тоже переночевали и отправились в Город. Если тебе это интересно, спали в разных номерах, платили долларами со счета, но, кажется, долларов у них не слишком много. Но боюсь, что сегодняшней вечер для тебя одним ужином не ограничится. Да, на ужин будет цыпленок, картофельный салат, кукурузные лепешки, яблочный пирог и сок. Соусы – на выбор. Устроит?

– Вполне, – согласился Джим.

– Тогда подойди к доске объявлений, – посоветовала Анна. – Она вон в том углу. Там для тебя есть кое-что. А потом садись за стол и подкрепись. Пригодится.

Джим кивнул и послушно побрел к подсвеченному настенным светильником стенду, что был закреплен левее витража, изображающего воина с мечом, как раз у запасного выхода из трактира. Сначала, правда, Джим полюбовался собственным джипом, который, окрашенный цветным стеклом витража, стоял за окном тут же, подумал о его неведомых до сего дня достоинствах и о том, куда бы он мог поехать на такой машине, а потом посмотрел на стенд и замер. Точно в его центре, не перекрытый другими многочисленными наклейками и записочками, висел типографским способом изготовленный плакат, на котором была изображена все та же Эмили Уайт. Так же, как и на фотографии в кармане Джима, она стояла у стены с растрепанными волосами и с вопросом в глазах. Ниже поблескивали набранные голографическим способом слова: «Разыскивается безутешными родственниками. Любая информация, оказавшая помощь в поиске, 500 золотых. Обнаружение и содействие в нахождении – 5000 золотых». Далее следовал ряд цифр.

– А ты весьма популярна в здешних краях, Эмили, – пробормотал Джим. – Похоже, у меня должно быть полно конкурентов. Так, а здесь что?

Записка явно была написана рукой Мии. Во-первых, она была сделана на странице из фирменного блокнота детективного бюро с виньеткой «Lucky Jim» в верхнем правом углу, во-вторых, начиналась размашистым обращением – «Босс!»

«Босс! Мы тут (особенно я) сходим с ума по поводу последних событий, хотя Себастьян повел себя в высшей степени разумно и выдержанно, но постепенно привыкаем к происходящему, хотя и не можем оценивать его адекватно. Надеемся, что вы выпутаетесь из сложной ситуации и присоединитесь к нам (Если, конечно, до этого момента мы окончательно не свихнемся). Взвесив все «за» и «против», мы решили отправиться в Главное управление, уладить все возможные формальности, а потом заняться сериалом, поскольку секрет происходящего, скорее всего, в нем. Удачи вам в поиске Эмили Уайт, дело это явно денежное, надеюсь, соискатели вас не затопчут. Миа Макензи. Привет от Себастьяна».

Джим оглянулся. В зале, в котором стояло не менее трех десятков столов, и это не считая мест у стойки и подобных же стульев у длинных столов вдоль других стен, народу было на удивление мало. Примерно с десяток свободных от службы охранников, пара причудливо оде-

тых егерей или следопытов, семейка, напоминающая семейство гномов, и еще какие-то люди в дальних углах, где вечерний сумрак скапливался быстрее, чем в других местах. Хозяйка вместе с черноволосой девчушкой натирала бокалы за главной стойкой, но время от времени скрывалась за дверью на кухню, где, судя по шуму и отчасти по запахам, происходило приготовление пищи. В динамиках над стойкой жил негромкий голос старушки Билли Эйлиш¹⁷.

Джим вернулся к стенду и осторожно оторвал от него записку Мии. Он было собрался, складывая записку, сесть за один из столов, как вдруг заметил фотографию, которая частично была прикрыта запиской. Фотография оказалась довольно большой, примерно восемь на десять дюймов, большую ее часть залепили сверху разными объявлениями, но с хорошей глянцевой бумаги объявления, сделанные на липучих стикерах, снимались довольно легко. Джим наклеивал их рядом, пока фотография не освободилась полностью. На ней была изображена девочка лет десяти. Она то ли всплывала из глубины, то ли падала в глубину, то ли стояла над чем-то прозрачным. Руки ее были раскинуты в стороны, волосы растрепаны, глаза закрыты, рот напротив чуть приоткрыт, а в связи с тем, что фотография была сделана сверху, девочка казалась летящей. Или парящей. Она как будто прислушивалась к чему-то. Фотография была черно-белой.

– Салли Манн, – прошептал Джим и принялся осторожно отрывать фотографию от стенда. – И здесь Салли Манн.

– Понравилось? – подошла к нему Анна. – Приклеил кто-то, а кто – не знаю. Тут иногда разное лепят. И не всегда что-то приличное. Только на этой фотографии ничего не написано. Вот только карандашом. «7Г-275-153-215». Телефонный номер, может? Хотя, телефонные номера длиннее. Я накрыла стол. Будешь есть?

– Буду, – кивнул Джим. – Только вот скажите про этот плакат. Кто это? Тут нет имени.

– Имени? – как будто удивилась или сделала вид, что удивилась, Анна. – Разве не про эту девушку писала тебе записку Миа? Это Эмили Уайт. Я, правда, не знаю, кто расщедрился на ее поиски, по номеру конечно не звонила, но на плакате пометка главного управления полиции, то есть, объявление имеет юридическую силу.

– А кто она такая, Эмили Уайт? – спросил Джим. – У нее богатые родственники?

– Не знаю, – на мгновение отвернулась Анна. – Может быть, богатые враги? У нас она известна, как девочка с моста.

– С Девичьего моста? – замер Джим.

– С того самого, – кивнула Анна. – Правда, она наконец подросла. То есть, эта девочка с непростой историей. С такой историей, о которой даже думать больно. С прошлым. Так ты будешь есть?

– Да, конечно, – поспешил за стол Джим, но уже присаживаясь, повернулся к Анне. – Я должен активировать карту...

– Ты ешь, – засмеялась Анна. – И карту активируешь, и телефон я тебе выдам. Джерард сказал, что ты, в отличие от своих сотрудников, вполне платежеспособен. Еще что-нибудь надо?

– Я смогу отправить как-то деньги на счета своим людям? – спросил Джим. – У них есть карты?

– Тут деньги переводятся личностям, а уж карты найдутся у каждого, – сказала Анна. – Набираешь на терминале имя, рассматриваешь физиономию, которая появляется, если расходований нет – переводишь. Поверь, здесь это надежнее, чем на большой земле.

– Я верю, – кивнул Джим, приступая к ужину. – Хотя, подождите. Еще один вопрос. Карта и все прочее, чуть позже. Но я не вполне понял записку Мии. Она написала о каком-то сериале.

¹⁷ – певица Billie Eilish

– Я запущу, – показала на телевизор, закрепленный над стойкой, Анна. – Дала Себастьяну компьютер, чтобы он мог посидеть в поисковых системах, вот он что-то там такое и нашел. Я скачала и запустила. Твои люди сидели на этих стульчиках словно громом пораженные. И то сказать, сходство – удивительное. За одним исключением. Важным исключением.

Она смотрела на Джима с интересом.

– Включайте, – попросил Джим.

– Может быть, сначала поешь? – спросила Анна.

– Включайте, – повторил Джим.

Анна пожала плечами, выставила на стойку ноут и стала щелкать клавишами, пока на экране телевизора не появилась картинка. Джим похолодел.

«Lucky Jim». 239 серия. Заставка, с мелодией, которая стояла у Джима на смартфоне, оставленном в офисе. Сам офис на перекрестке Коламбус-Авеню и Сотой улицы. Джим Чероки, для которого Джим легко находил место на стоянке каждое утро. Сетования Себастьяна. Его форд. Ехидство Мии. Ее ваза с конфетками. И все то недавнее дело, которое Джим помнил в подробностях. Каждый его шаг. Каждая его реплика, которая все еще отзывалась в его памяти. Знакомые и родные лица Себастьяна и Мии. Запомнившиеся лица потерпевших, подозреваемых, свидетелей и виновных. Счастливая развязка, известная до секунды. Все, за исключением одного, вместо него – Джима – на экране потел, спотыкался, смешил публику, пугался, тупил, испытывал мгновения немотивированного озарения маленький толстый человечек, которого звали точно так же – Джеймс Лаки Бейкер.

– Что это? – спросил Джим у Анны.

– Сериал, – пожала она плечами. – Не слишком популярный, на мой взгляд даже довольно примитивный. Что-то среднее между ситкомом и детективом по выходным. Снято двести тридцать девять серий. Шесть сезонов! Сезон должен был закончиться двести сороковой серией, но его почему-то срочно закрыли. Так что двести сороковой серии, похоже, не будет.

«Двести сороковой серии, похоже, не будет», – повторил про себя Джим и потер грудь в том месте, куда то и дело упирались взглядом Миа и Себастьян и где, судя по росту, должна была оказываться голова коротышки. Кресло, стол, плюшевые игрушки, сладости... Что же получается, он самозванец? Он не Джеймс Лаки Бейкер? Да черт с ним с сериалом. Получается, что у него вовсе нет прошлого? А есть только вот этот глупый сериал? Что Себастьян с Мией собираются расследовать? Каким образом место их глуповатого, но обаятельного начальника-толстяка занял этот долговязый придурок?

– Тебе не следует беспокоиться, – мягко улыбнулась Анна. – У тебя есть хотя бы это. Большинство ботов вовсе не имеет ничего. Они готовы биться за любое прошлое. Не все вроде Джерарда, которые столько пропустили через себя, что без затей покупают себе прошлое и в ус не дуют по этому поводу.

– Послушайте, – посмотрел на Анну Джим. – Вы ведь точно человек?

– Да, – кивнула она, и Джиму показалось, что глаза у этой милой женщины сделались стальными. – Можешь считать меня человеком. Но я никогда не была игроком. Я здесь вынуждено. Пятнадцать лет безвылазно в коконе. Паралич, атрофия мышц. Здесь вся моя жизнь. Хотя мои родные – там. Там на мне держится вся семья. Правда, иногда они приходят ко мне сюда. И радуются встрече. И, может быть, мечтают о несбыточном.

– О чем? – спросил Джим. В голове его была пустота.

– О том, что я выздоровею, – глухо обронила Анна. – Или еще о чем-нибудь. Что ты собираешься делать, парень?

– Искать, – прошептал он. – Искать эту... девочку с моста. Не ради вознаграждения. Мне кажется, она что-то знает обо мне.

– Да, – Анна как будто задумалась. – Эта информация может стоить и подороже. А вот и Джерард. Эй! Старый чинуша! Ты дашь человеку поесть или нет?

– Дам, – принялся озираться вошедший в трактир Джерард. – Ты ешь, парень, ешь. У меня не слишком хорошие новости. Что он еще не сделал?

– Прежде всего он еще не поел, – отметила Анна. – Затем я должна активировать его карту, с которой он собирался что-то перевести на счета своим сотрудникам, после чего выдать ему телефон и разместить в отдельной комнате, где он сможет выспаться. Ну и прийти в себя после просмотра одного довольно дешевого сериала.

– Предпоследнее отменяется, – строго сказал Джерард, присел напротив Джима и понизил голос. – Слушай меня, парень, внимательно. Я переговорил с Ларри и, должен признаться, был немало удивлен. Ты впутался в очень грязное дело. Твоей вины, конечно, в этом нет, и грязь в этом деле не твоя, но опасности свою жизнь ты подверг. Ты действительно большой счастливец, но только из-за того, что сидишь тут напротив меня живой.

– Что он успел натворить? – подняла брови Анна.

– Ничего особенного, – криво усмехнулся Джерард. – Ввязался в разборку старателей и эльфов. Можно сказать, что спас первых от захвата и разорения вторыми. Сохранил за Неглинкой ее уголья. Беда только в том, что наш гость убил боевого огра, отправил в глубокий нокаут эльфийского старшину Мексидола и не умер от заклятия черной смерти самого Епифания.

– Как тебе это удалось? – спросила Анна, побледнев.

– Не умереть? – принялся уплетать цыпленка Джим. – Понятия не имею. Кажется, Патрокл предположил, что у меня аллергия на это заклинание. Только я не понимаю, чего я должен бояться? Все думают, что я умер. Ну, разве что кроме Ларри и Патрокла. Они ведь не болтуны?

– Не все так думают, – покачал головой Джерард. – Я уж не говорю, что хороший маг, а Епифаний весьма хороший маг, один из лучших, чувствует, сработало его заклинание или нет. Иногда не сразу, но отдача безошибочна. Тут вокруг полно чужих глаз. О том, что ты жив, эльфам уже известно. На тебя объявлена охота, парень. Ты помечен. У них есть средства мгновенного оповещения. Поэтому, никаких комнат у Анны. Сегодня ночуешь в комендантской башне, это единственное безопасное место. А завтра рано с утра отправляешься в город, и в Главном управлении попытаешься поправить эту проблему.

– Эльфы не подчиняются главному управлению полиции, – заметила Анна.

– Пора с этим разобраться! – стукнул ладонью по столу Джерард. – Закон должен править Инфернумом, а не какой-то там высокий лесной кодекс! Тем более, что эти остроухие сами его нарушают!

– Успокойтесь, – отодвинул пустую тарелку Джим. – Завтра я уеду в Город, и все проблемы останутся... с эльфами в их лесу. Сейчас активирую карту, переведу деньги, куплю телефон и отправлюсь в комендантскую башню, не о чем беспокоиться. Кроме одного. Кто я такой, черт меня возьми?

– Главная проблема мироздания для каждого второго на этой территории, – усмехнулась Анна. – Кстати, у Джерарда тебе и в самом деле будет безопаснее. Его башня – это государственная территория с немалыми ценностями. Туда эльфы не полезут.

– Они полезут куда угодно, – прошипел Джерард. – Может быть, не сразу. Но полезут. По мне так они опаснее уродов. И вот, что касается города. Имей в виду, парень, что эльфы захватывают под себя лесные уголья, облагораживают в них свои священные рощи, но живут они, пусть и не все, в Городе. В элитных кварталах.

– Значит, я не буду показывать там носа, – согласился Джим.

– Они сами придут за тобой, – вздохнул Джерард. – Рано или поздно, но они придут за тобой.

– Кто? – не понял Джим.

– Мексидол, Епифаний, – начал загибать пальцы Джерард. – Да любой эльф, которого ты встретишь! И так будет, пока живы те, кто тебя пометил.

– Может быть, даже наш благодушный лекарь, – вздохнула Анна. – Я бы не удивилась. Хотя... вряд ли. Нет. Только не он.

– Только не он, – согласился Джерард. – Даже за выпивку. Хотя весточку он и принял. Нет, тобой, Джим, займется нанятый убийца. Эльф, гном, гоблин, человек, подонок. Кто угодно. Или кто похуже.

Глава четвертая. Вода и земля

Джерард поднял Джима затемно, прикоснувшись к спинке его кровати. Прижал палец к губам и тут же прикрыл ладонью огонек свечи, хотя в комнатухе, в которую он определил гостя с вечера, имелось электрическое освещение. Протянул свечу и махнул рукой в сторону отхожего места, мол приводи себя в порядок и будь готов к отправке.

Джим умылся из стоявшего на табурете таза, натянул на себя давно требующую смены одежду и направился было к лестнице, которая выбиралась из люка тут же, в коридоре, но на ней показался все тот же Джерард и раздраженно прошипел:

– Туши, мать твою! Туши свечу. Штор нет на бойницах. На ощупь будем спускаться...

– Кого бояться в Форте? – спросил Джим, когда перила под руками кончились, и глаза начали привыкать к почти кромешной темноте.

– Если бы я знал, я бы не боялся, – раздраженно бросил Джерард и сунул Джиму в руки кожаную сумку. – Держи, эльфийская, с заговором от карманников. От себя отрываю. Собрал тебе гостинец. Перекусить на первое время и кое-что из лута. То, что поинтереснее. Приносят тут разное, если определить назначение диковины какой не удастся, беру по дешевке и сбрасываю в сундук. Но кое-какие вещички из этого сундучка явно не барахло на выброс. Так вот они здесь. Я там записку с адресом вставил, обратись, помогут разобраться. Человек надежный, может, понадежней меня будет. Тебе все одно – оружие понадобится посерьезней твоей пукалки и кое-какой доспех. Так что – будешь знать, кто не обманет.

– В городе и доспех? – вполголоса удивился Джим.

– Ты не смейся, – прошептал Джерард. – Иногда хороший доспех важнее чем ремингтон, уж поверь мне.

– И все же чем обязан? – набросил сумку на плечо и прихватил ее карабином вокруг пояса Джим. – И сколько я вам должен?

– Выживи, и будем в расчете, – скривился в темноте Джерард. – Хотя нет, скажу. Три причины у меня есть тебе помогать. Во-первых, тебя Патрокл привел, а если бы бог или еще кто послал мне сына, о лучшем сыне, чем он, я бы и мечтать не мог. Во-вторых, ты окоротил Мексидола и даже самого Епифания по сути, и я очень хотел бы, чтобы эта заноза у них в заднице осталась надолго, а то и навсегда, потому как эльф эльфу рознь, но именно эти и еще кое-кто таких, как мы с тобой, отбросами числят. Понял? Пошли.

– А в-третьих? – спросил уже у выхода Джим. – Третья причина?

– Сразу видно, что сыщик, – чуть слышно хихикнул Джерард. – Думал, не сочтешь. Зануда ты, парень, но это и хорошо с другой стороны. Дело все в девке.

– В какой девке? – не понял Джим. – В Мие что ли?

– Что мне твоя Миа? – пожал плечами Джерард. – Она, конечно, достойная штучка, но не на мой зуб. Правда, что уж тех зубов-то осталось... Я про ту девку, о которой Себастьян говорил, и на которую ты стойку делал у доски объявлений в хозяйстве Анны. Ты вот о чем подумай, добра ли ей хотят те, кто ее ищет?

– Так ведь... родные вроде? – прошептал Джим.

– Родство оно тоже разным бывает, – вздохнул Джерард. – По мне так такие большие деньги о чем-то другом говорят. Не знаю, о чем, но сердце свербит.

– Вы ее знали? – спросил Джим.

– Видел, – пробурчал Джерард. – Когда она ушла с моста, то прибрела сюда. Хотя, вроде бы мост она еще раньше оставила. Не знаю, где бродила, но проблесками появлялась на мосту до последних дней. Правда, уже сама и убивала, не давалась так, как по юности незрелой. И все одно, шальная какая-то была, словно из-под наркоза очухалась. Анна ее приютила, но она надолго у нее не задержалась. С неделю где-то. Потом ушла в Город. Тому три года уже

как. Ты сам подумай, где были ее родные, когда она на мосту стояла? И зачем она им теперь понадобилась?

– А где вы были, когда она на мосту стояла? – вдруг словно помимо собственной воли вымолвил Джим.

– Вот! – засмеялся, погрозил Джиму пальцем Джерард и вдруг замер, схватился за сердце и начал дышать глубоко и медленно, пока не обмяк и не выдохнул чуть слышно. – Прокачивались мы, кто во что горазд. Только это как шину бескамерную воздухом полнить. Чего толку, если она вся в порезах? Не рви мне сердце, парень, оно и так у меня в лохмотьях. Я думаю, помощь ей нужна. И ты вроде годишься для этого дела.

– Посмотрим, – хмуро пробормотал Джим.

Форт был погружен в ту же самую темноту, что и внутренности комендантской башни, но когда Джерард пошептался с караульным у ворот, которые вели к мосту, и потянул за собой Джима в щель между воротин, восток уже начинал бледнеть.

– Вот! – поежился от утренней прохлады у щитов с колючей проволокой Джерард. – Паром от пристани отходит часа через три, пристань за мостом почти сразу, но я думаю, что убийца как раз там и будет тебя ждать, только не спрашивай что и откуда знаю и сколько за твою голову положено. Я тебе больше скажу, еще один стрелок ждет тебя на том берегу, на таможенном посту. И это я еще не прикинул, сколько любителей подписались поохотиться на тебя в расчете на шальную удачу. Поэтому тихо и плавно спускайся к воде и топай под стеной Форта вправо. Тут как раз Гремячая речушка выбирается из-под моста и впадает в наш Гудзон, так что поосторожнее, не сломай ноги, хотя уже и светлеет. А там и сотни шагов не пройдешь, как тебя будет ждать лодка с лодочником. Он тебя на тот берег и доставит. Подальше от привычного фарватера. Все понял?

– Там, выходит, безопасно? – пробормотал Джим, вглядываясь в темную полосу берега между водой и стоявшими в отдалении высотками. Кое-где в этой темноте помаргивали костры.

– Там опаснее, чем где бы то ни было в Городе, – вздохнул Джерард. – Хотя всякая опасность своего ловца повсюду сыскать может. Но если ты справился с эльфами, справишься и там. Главное, что там тебя не будет ждать убийца, хотя убийц там полно. Но боли и несчастья еще больше.

– А что дальше? – поднял глаза Джим на сверкающие высотки. – Что за той опасностью?

– Другая жизнь или смерть, – пробормотал Джерард, махнул рукой и двинулся было обратно к воротам, но остановился в десяти шагах. – Купи на рынке визуары. Самые простые, не сори деньгами, пока не определился, к какой стене плечо ладить. Знаешь, мелочь, а ведь может и жизнь спасти. Удачи тебе, приятель. Пригодится.

– Удачи мне, – прошептал Джим и стал осторожно спускаться к воде, раздумывая о том, что такое эти самые визуары, и вполголоса чертыхаясь, потому что среди скользких валунов чернела какая-то гниль. Когда он почти добрался до воды, ночь все еще властвовала над рекой, хотя и как будто стала проблескивать сединой. Над водой протянулись пласты тумана, и журчание Гремячей речки, которая вновь напомнила Джиму о Девичьем мосте, показалось почти приятным, но только до того момента, пока он не разглядел в серых разводах волн колыхающийся у самого берега труп. Ничем другим, кроме как утопленником, раздутое тело быть не могло.

– Это тут часто, – проскрипел странно знакомый голос, и Джим только теперь заметил за прибрежным валуном нечто среднее между здоровенным корытом и лишенной мотора жестяной лодкой. На скамье гребца сидел не кто иной, как тот самый 413-ый и осторожно сучил

над водой веслами. На корпус дроида были напялены сразу два спасательных жилета, на поясе отсвечивал оранжевым спасательный круг.

– Каждый день по пять-шесть трупов вылавливают, – продолжил дроид. – Вот рассветет, наряд с баграми спустится и будет тягать эту плоть на сухое место. А потом жечь. Это же не железо, не переплавишь. Тот край, что выше по течению Гремячей, жуткое место. Одно слово – Прорва. Или ты не оттуда? Ты чего застыл-то, человеке? Сэм сказал, что опасно тут, прыгай в лодку, отплываем однако. Я специально поближе подгроб.

Упрашивать себя Джим не заставил. Он тут же перепрыгнул с валуна на валун, в который раз подивился, насколько удобнее эльфийские сапоги, чем его любимые кроссовки, осторожно ступил в лодку и едва не плюхнулся в воду, когда 413-ый принялся ее разворачивать.

– Это тебе не твердая земля, – с издевкой клацнул зубами дроид, как будто его голос рождался так же, как и у живого человека, а не синтезировался электроникой. – Поплыли однако.

Джим остался на носу и с удивлением стал смотреть, как дроид гребет. Железный лодочник не тянул на себя весла, а толкал их вперед, но с такой силой, что уключины скрипели, а лодка резво резала носом и спиной Джима туман.

– Что смотришь? – проскрипел дроид. – Гребу неправильно? Мне все равно, как грести. Могу толкать, могу тянуть. Джерард велел прикрывать тебя. Только ты и сам будь настороже. Пригнись хотя бы, вымахал ведь на голову выше меня. Осторожнее надо быть. В этих краях самое опасное – высовываться. Понимаешь? Тут везде как на минном поле, уж поверь. Я это точно знаю.

– Ты ведь сапер? – спросил Джим, прислушиваясь к ночным звукам и, главное, к едва различимым шагам на удаляющемся берегу, который был готов скрыться в тумане.

– В отпуске, – как будто улыбнулся железным ртом дроид. – Хотя и не уверен, что вернусь к минам. Надоело. Хочется чего-то другого. И, кстати, есть любопытное предложение от хорошего человека. С хорошим жалованьем. Правда, далеко отсюда, но оно того стоит. Накоплю денег, закажу биорасщепитель. И вот тогда, наконец, попробую стряпню Аннушки. Без выхлопа!

– Подожди... – решил уточнить Джим. – А разве одного расщепителя достаточно? А как же вкусовые рецепторы? Ну... язык там, к примеру?

– Это все в комплекте, – снова заклацал челюстями дроид. – Три маячковых рецептора на нижней челюсти и три на верхней. Загрузка беспроводная. Забот еще выше крыши, я ж этим жевать все одно не смогу. Ничего, начнем с жидкого. А язык уже после. Когда буду тело покупать.

– Зачем тебе... тело? – спросил Джим.

– Ну как же? – как будто удивился дроид. – Чтобы стать человеком. Для этого нужно тело.

– А это что? – спросил Джим.

– Это железо, – смешно покачал головой дроид. – И если тебе интересно, то мне не нравится сказка про железного дровосека. Хотя, если прочитать ее задом наперед...

– Для чего ты хочешь стать человеком? – спросил Джим, и в этот самый миг в отдалении что-то фыркнуло, просвистело, звякнуло о железный корпус дроида, и через мгновение оба спасательных жилета на плечах 413-ого засвистели, сдуваясь.

– Да и черт с ними, – забулькал механическим смехом дроид и принялся выпутывать из мягкого пластика тонкую и причудливую стрелу. – Держи, человеке. И сиди так же. Не высовывайся. Вот об этом Джерард говорил, об этом. Вот ведь дурак в самом деле.

– Кто дурак? – спросил Джим, продолжая прислушиваться к берегу и ощупывая тонкий стальной наконечник, чуть затупившийся от удара о железную спину гребца. – Джерард?

– Джерард? – снова удивился 413-ый. – Джерард как раз умный. Это же он мне сказал грести так. Чтобы я тебя собой прикрывал. Не. Дурак я. Ведь знаю, что и пять таких жилетов меня не удержат на поверхности воды, а все равно надеваю. А мне в жилетах из воды выбираться куда труднее будет. Я ж по дну иду, а они как парус – течением сносит.

– Мы собираемся тонуть? – спросил Джим, с треском переламывая стрелу и убирая ее в сумку.

– Не в этот раз, человеке, – заклацал зубами 413-ый, – не в этот раз. Хотя случалось, да, случалось однако. Разное случалось. А вот человек бы поплыл.

– Не все люди умеют плавать, – заметил Джим.

– Я научусь, – принялся ворочать головой дроид. – Обязательно научусь. Ты представляешь – входишь в воду, и никакой ржавчины. Мечта!

– Для чего тебе быть человеком? – повторил вопрос Джим, но и в этот раз 413-ый не ответил. Он продолжал толкать перед собой весла, продолжал гнать свою жестяную посудину на другой берег, словно не слышал вопроса Джима. Лишь в окулярах у него что-то поблескивало время от времени, как будто в его системных блоках происходили какие-то расчеты. Заговорил дроид снова, когда его лодка уже ткнулась носом в прибрежные камни противоположного берега. Он махнул рукой в сторону освещенного яркими огнями дебаркадера в четверти мили и посоветовал Джиму туда не ходить.

– Это пристань, там и полиция, и таможня, но тебе туда не надо. Джерард сказал, что у тебя бумажки в порядке, только время потеряешь. К тому же там тебя может ждать плохой человек. Иди вон туда, правее. Там тоже полно плохих людей, но там тебя никто не ждет. Видишь лиловую арку? Да, вон там. Это торговая площадь, она сразу за трущобами, там полно круглосуточных забегаловок. Это край города, тут все дешевле, да и проще смешаться с толпой. Там даже таких как я немало. А так-то гиблое место, конечно. Надо просто пройти три мили через трущобы. Это нелегко будет, но Джерард сказал, что ты сможешь. Настоящий город после ограды начнется, как раз у первых станций метро.

– Почему Город не начинается сразу от берега? – спросил Джим.

– Уродов бояться однако, – затряс головой 413-ый. – За дебаркадером Город поближе к воде, но все одно стеной отгорожен. Уроды же из воды вышли, только зря все это. И стена, и мины, все зря.

– Почему? – спросил Джим.

– Потому что уроды уже давно среди нас, – снизил громкость 413-ый. – Они же, как люди. Захотят – не отличишь. И эта река никогда не станет такой, как то море. Им это не нужно.

– Ты уверен? – прищурился Джим, ему все больше нравился этот дроид.

– Я это чувствую, – кивнул 413-ый. – Без чутья в саперы нельзя. Даже с датчиками. Я был на берегу. Там, где эта речка впадает в море, все клокочет словно миксер какой. Оттуда вся сила уродов, поверь мне. Оттуда вся энергия, я это чувствую. Короче, человеке, повторяю наставление Джерарда. Смотри вокруг, но не забывай, что и на тебя тоже есть кому посмотреть. И кое-кто будет смотреть на тебя через прицел. Понял, однако, или как?

– Понял, – ступил на скользкие камни Джим.

– Ты это, – 413-ый отплыл на десяток ярдов и поднял весла. – Не думай. Я ведь услышал твой вопрос. Просто выбирал ответ. У меня их много. На всякие случаи. В этот раз мне вот этот понравился. Знаешь, зачем я иногда сижу в заведении Анны и хлебаю свою гипоидную бурду?

– Хочешь есть? – спросил Джим. – Или еще что?

– Хотеть я пока умею только две вещи, – заклацал зубами 413-ый. – Жить и стать человеком. Нет. Я в заведении бываю по просьбе Джерарда. Тем более, у меня сейчас отпуск. Понимаешь, Форт странное место. Там оседают те, кому совсем плохо. Кого даже город исторгает.

Но не подлецы, вот, что странно. Я там для них. Они смотрят на меня, и думают, что кому-то еще хуже чем им. И им становится легче.

– Так это что? – спросил Джим. – Твой долг? Или твое бремя?

– Надежда, – снова изобразил смех дроид и, прежде чем в несколько гребков увести лодку в туман, добавил. – Надежда на то, что однажды я тоже буду смотреть на какого-нибудь железного трудягу и думать, что ему хуже чем мне. Хотя и в этом что-то гадкое имеется. Ясно?

– Ясно, – пробормотал Джим и зашагал по замусоренному берегу к голубой арке.

Это была тягостная прогулка. Поднимающийся ветер гонял по берегу ключья пластика и бумагу. Тут и там издавали зловонный запах кучи мусора. Кое-где возле них высились или ветхие палатки, или вовсе хижины, построенные из пустых коробок и разодранных упаковок. Пару раз на глаза Джиму попадались копающиеся в мусоре чумазые дети. В отдалении у костров переминались с ноги на ногу едва различимые фигуры. И в то же время по левую руку сияла огнями плавучая пристань с комплексом зданий на берегу, от которых убегали в сторону города светящиеся экспрессы, а прямо перед Джимом поднимались к небу и становились с каждым его шагом все выше сверкающие огнями небоскребы. В паре миль от берега они уже перегораживали светлеющее небо на треть. Но еще раньше начались нищие кварталы. Убогие хижины лепились друг к другу сплошной полосой. Казалось, что их построили прямо на свалке как временное укрытие, но всюду явственно проглядывали приметы долгой оседлой жизни. Железо, бывшее частью сооружений и успевшее проржаветь и поделиться ржавчиной с бумагой и пластиком. Канаты из полиэтирола, разлохматившиеся от тысяч высушенных на них предметов одежды. Втоптанное в грунт узких улочек крышки от бутылок, камни, осколки стекла, рыба чешуя и ползущая по заплесневелым арыкам зловонная жижа. От дурного запаха кружилась голова, но и здесь жили люди. Они выглядывали из своих убежищ, протирали сонные глаза, сидели на крышах, испражнялись на стены собственных хижин и тут же поедали что-то, найденное чуть ли не под ногами. А кое-где над этим убожеством высились почти замки, правда, тоже выстроенные не из лучшего материала.

Едва заметное прикосновение к сумке, неслышный шелест за спиной заставили Джима резко развернуться и поймать воришку за руку. Мальчишка лет восьми или десяти – худой и оборванный словно чучело, изготовленное из сучьев и поношенной футболки, не успел или не смог забраться в сумку, и теперь покорно ждал, когда Джим переломит ему руку. Судя по ее легкой кривизне, подобное уже происходило. Джим отпустил тонкую кисть и уже собрался идти дальше, когда мальчишка изогнулся, словно вырвавшийся из рук котенок, и нанес стремительный удар. В лучах утреннего солнца вспыхнуло лезвие, но удар не достиг цели. Джим оказался быстрее. Он мог выбить нож из детской руки, но предпочел уклониться, пропустить стремительный взмах и лишь чуть-чуть подтолкнуть вращение худого умельца, хлопнув ладонью по обратной стороне детского кулака. Мальчишка не удержался на ногах, упал и закрыл голову руками. Нож загремел на камнях. Джим оглянулся. В проходах между халупами замерли с десяток подростков побольше и не менее полудюжины взрослых мужчин. В руках у них были колья и топоры. Джим медленно вытянул из-за пазухи пистолет, показал его сначала одним, потом другим, после чего достал из кармана серебряный и бросил его мальчишке, сопроводив это извиняющимся:

– Будь здоров, парень. Сегодня просто не твой день. Или наоборот.

Они шли за ним более мили. Держались в отдалении, не приближались ближе чем на полсотню ярдов, но и не отставали ни на ярд. С каждой улицей, с каждым переулком их становилось больше. Джим чувствовал их взгляды спиной и затылком так, как мог, наверное, почувствовать летящую в спину стрелу, но в этих взглядах не было ненависти, хотя она пропитывала вокруг все. Во взглядах, которые не отпускали незнакомца, была только безмерная усталость и как будто надежда – столь неутолимая, что Джиму начинало не хватать воздуха, и он с трудом сдерживался, чтобы не обернуться и не закричать идущим за ним – «Нет, я не ангел и не божий посланник! Я такой же как вы!»

Они остановились, когда он миновал последние дома и вышел на открытое пространство точно к лиловой арке. Осталось пройти немного. За ней светились торговые павильоны и киоски, крутились карусели и приглушенно звучала музыка. Справа и слева от арки высилась прозрачная, хотя и порядком разрисованная бессмысленными граффити и вымазанная с внешней стороны всякой дрянью двадцатифутовая стеклянная стена. А в самой арке помаргивали выделенные красным лучом два слова – «Дальше – закон».

«Ой ли?» – подумал Джим, потому что увидел за аркой сразу четыре новеньких страйкера, которые держали под прицелом тяжелых пулеметов убогие хижины и людей, вышедших из них. И между стеклянной стеной и трущобами пролегалла точно такая же выжженная полоса земли, как та, что окружала деревню старателей Неглинку.

Озираясь, Джим замедлил шаг. Странные матовые стержни мерцали по верхнему срезу ограждения. Такие же, как и в самой арке, где они вонзали друг в друга тонкие иглы смертоносных лазерных лучей. И не менее полсотни хорошо экипированных солдат не спускали своих окуляров с Джима и с тех, кто остановился на краю выжженной земли.

«Ничего-ничего, – подумал Джим, нащупав в кармане портмоне. – Я почти на месте. Хотя, надо признать, Джерард не ошибся. Все это куда страшнее и отвратительнее эльфов. Однако, кое-кто, похоже, возвращается в этот ад, считая его домом».

Солдаты, стоявшие в арке, разошлись в стороны, и за их спинами показалась странная компания. Несколько молодых людей, одетых не то чтобы странно, но слишком причудливо и тошнотворно ярко, поочередно подходили к вертикальному модулю и прикладывали к нему ладони. Когда электронного вахтера коснулись все, лазер в арке померк, и компания двинулась навстречу Джиму.

Они заметили его сразу и, несмотря на легкую утомленность и утреннюю вальяжность, подобрались, как подбирается зверь при виде добычи. Они были дома, он – в гостях. Он не был уверен в своем возрасте, но видел, что они моложе его. Половина из них не уступала ему ростом. Большинство не уступало силой. Возможно, они еще в чем-то не уступали Джиму, и даже превосходили его, он этого пока еще не знал и не хотел узнавать. К тому же ему осталось пройти не более сотни ярдов, и он стал сдавать в сторону, чтобы не столкнуться с ними лоб в лоб. Но, как оказалось, молодчиков это не охладило. Они хотели позабавиться. Или не могли простить незнакомцу появление в их угодьях. Джим хотел избежать стычки, они к ней стремились.

Трое из них продолжали идти от арки, еще трое – ускорились и отрезали Джиму возможность бегства вдоль стены. Четверо продолжали держаться чуть позади. В центре остались двое. Широкоплечий смуглый парень в розовом костюме и синих ботинках с мерцающей на лацкане пиджака цифрой «9» и тонкая, судя по кистям рук и лодыжкам, белокожая девчонка, одетая в латекс и скрывающая свое лицо под толстым слоем белого грима. Она держалась за главарем в полутора шагах. Он же потянул за толстую цепь, что сверкала золотом у него на груди, и вытащил из-под рубашки странный крест, похожий на эфес меча. Его нижняя часть

напоминала обломок клинка. Средняя – гарду или крестовину. Верхняя – рукоять с навершием, чуть ниже которого смуглый и ухватился.

«Световой меч?» – с трудом сдержал усмешку Джим и внезапно понял, что его губы сами собой сложились в каменную улыбку, и это ему не понравилось. Ему нравился холод и легкость, которые охватывали тело одновременно с ощущением опасности и готовностью к чему-то, чего он до конца все еще не понимал, но не понравилась маска, которая напозла на его лицо, и он попытался от нее избавиться – скорчил несколько гримас и даже высунул язык так, словно разминался перед схваткой, в которой придется сражаться собственной физиономией.

Оружие было у всех. Холодное, но, кажется довольно острое. Скорее ножи, но размерами не уступающие небольшим кинжалам. У двоих из двенадцати искрились в руках шокеры. Да и девчонка начала вытягивать из петель на латексных штанишках что-то вроде телескопического хлыста.

– Вы что, друзья мои? – с участием спросил Джим смуглого, когда до него осталось меньше десяти ярдов. – Отстали от цирка? У меня нет билета на ваше представление в любом случае. Не в этот раз.

На последних словах Джима смуглый и напал. Он держал рукоять креста обратным хватом. И именно странное положение его руки спасло Джима, хотя, возможно, он почувствовал бы опасность в любом случае. Смуглый взметнул перед собой кулак так, словно собирался следующим движением забить Джима в горелую землю Инфернума, насадить его макушку на обломок меча, но неведомо откуда взявшийся клинок уже летел из-под его кулака, чтобы снизу вверх вскрыть плоть незнакомца, осмелившегося явиться в чужое царство. Но соперник смуглого оказался слишком быстр.

Уходя с линии удара, Джим развернулся на левой ноге и одновременно шагнул под меч, перехватил смуглого за запястье и подставил его руку под сверкнувший отраженным утренним солнцем или раскалившийся от внутреннего пламени хлыст. Паленым запахло мгновенно, глаза девчонки расширились, но затверженное действие требовало продолжения, и она рефлекторно дернула на себя рукоять техноплети, после чего ее покровитель лишился правой руки по локоть. Стиснув зубы, смуглый упал на колени. И точно так же упала на колени его девчонка, собираясь взвыть от досады, но ударившая ее в лоб кисть, которую Джим сорвал с рукояти материализовавшегося меча, заставила девчонку заткнуться.

Соратники сраженного главаря напали на Джима разом. Наверное, они поняли, что имея против меча ножи и шокеры, они могут отыскать удачу, лишь напав толпой на одиночку. Или у них просто не было выбора, настолько они страшились своего главаря.

Джим не стал рисковать. Он поймал на странный серый клинок, более всего напоминающий мгновенно выращенный кристалл, два брошенных ножа, отбил их, затем резко подался в сторону, срубил одно противника, другого, и вслед за этим словно выстроил их в очередь, уделяя каждому лишь один взмах странного оружия и делая это столь быстро, что даже про себя не успевал произносить одну из двух фраз, которой собирался отметить каждого – «Я только защищаюсь» и «Это всего лишь игра».

– Это всего лишь игра, – произнес он во весь голос, когда перед ним свалился последний и оглянулся. Смуглый все так же стоял на коленях, зажимая культю, но смотрел на Джима не так, как жертва смотрит на победителя. Он смотрел на Джима так, как смотрит на будущую жертву хищник, которому случилось на время оказаться в хлипкой клетке. Рядом с ним в грязи начинала приходить в себя его девчонка, почему-то отплевываясь и оцупывая собственное лицо.

Джим осмотрел попавшее ему в руки оружие, обнаружил утопленный в рукоять сенсор и выключил клинок, причем меч мгновенно стал легче, как будто клинок и в самом деле исчез. Джим даже было задумался, какой бы опыт следовало провести, чтобы выяснить природу этого фокуса, когда от арки до него донеслось:

– Спасибо за представление, приятель. Майор Риггс к твоим услугам. Давно я не получал такого удовольствия. Но устраивать завтрак в волчьем логове, уничтожив всего лишь одного волка, не самая разумная вещь. В том числе с учетом того, что ты лишил конечности бойца девятого уровня. От шальной пули даже такое везение не спасет. И от тычка ножом в толпе. И от ядовитого плевок в лицо. Может быть, пройдешь в арку, пока периметр открыт? Ведь у тебя есть личная карта? Ты уже побывал у старика Джерарда?

– Да, конечно, – похлопал себя по груди Джим и накинул на шею цепь с трофеем, отметив, что надо бы отыскать более подходящее для него место. Мало ли, а если сенсор сработает нештатно?

Когда Джим уже прошел под аркой и был удостоен рыжеволосым офицером похлопывания по плечу, а по гудению за спиной понял, что лазеры вновь отрезали трущобы от Города, он услышал звериный вой. Оглянувшись, Джим увидел девчонку. Она стояла на коленях и выла. Напротив нее лежал на боку, продолжая стискивать собственную культю, смуглый. А чуть в отдалении неподвижно стояла толпа.

Джим провел на рыночной площади не менее полутора часов. Вымылся по пояс в туалетной комнате кафе, в обеденном зале которого дремал, положив голову на стойку, бармен. Съел пару сэндвичей в ближайшем фастфуде, запивая их кофе с молоком и не чувствуя вкуса еды. Купил на развале несколько футболок, десяток пар носков, три смены нижнего белья, странные прозрачные очки в толстой оправе, которые оказались теми самыми визуарам, и кое-какую парфюмерию для поддержания себя в форме, попихав это во всю ту же сумку. Туда же после недолгого раздумья он отправил и странный меч, с удовлетворением услышав его звяканье о сломанную стрелу. Добрел по широкому проспекту, внешне ничем не отличающемуся от какой-нибудь улицы в Бронксе, до ближайшей подземки и долго стоял у помаргивающей огнями схемы, пытаясь осознать масштабы города, если станций на схеме было более ста пятидесяти, но ни одна из них не располагалась ближе пяти миль к другой. Скорее всего, в городе развита автобусная или еще какая сеть, – подумал он.

– Нет, это не Нью-Йорк, – наконец сказал себе Джим, затем нашел справочное окно, в котором переговорил со вполне доброжелательной пожилой черной женщиной, определился со своим ближайшим маршрутом и совершенно без сил опустился в кресло уличного кафе. Только теперь он понял, что последние полтора или два часа бормочет под нос одно и то же – «Это всего лишь игра». И именно в эту секунду он почувствовал, что от ужаса у него немеют губы.

– А что если нет?

Не в том смысле, что вот это все вокруг не игра, а реальность, представленная во всей беспощадной полноте, а в том, что именно это и есть суть его бытия? Потому что если ничего другого у него нет, все разговоры о том, что реально, а что нет, теряют смысл.

Он повернулся к заспанному официанту, который уже третий или четвертый раз спрашивал Джима о чем-то и попросил чашечку эспрессо. Именно она и привела в чувство, потому что кофе оказался паршивым, и Джим не сдержал улыбки. Но не из-за того, что он наконец почувствовал вкус. Просто большая гнусность оттенялась маленькой. Приняв отвратительный кофе, можно было принять что угодно, и Джим, вытянув ноги и расстегнув куртку, стал осматриваться.

Стеклопанель от кафе у подземки видно не было. Вместо нее поднимались семиэтажные, выстроенные в колониальном стиле дома. В каком-то из открытых окон в ближайшем доме звучала музыка. Точно какое-то танго. Сразу в нескольких окнах сквозняк забавлялся занавесками. У одного из парадных по-испански переругивались две домохозяйки. Садовник в

захватанном сомбреро пропальывал клумбу. Рядом в траве играла с мотыльком кошка. Вокруг бездомного, что копался в баке с мусором, расхаживали вороны и голуби. У самого входа в метро, развлекая уходящих под землю, заgrimированный под Пьеро эквилибрист жонглировал бумажными стаканами для колы, подхватывая их соломинками, которые попадали точно в отверстия в их крышках. Откуда-то расползлся навязчивый цветочный аромат.

– Черемуха, – пробормотал Джим, отыскав взглядом покрытое белыми цветами дерево. – Удивительно. Не американская вишня, не *Prunus serotina*¹⁸, а *Prunus padus*¹⁹ – черемуха обыкновенная, вполне себе обычная для Европы, но не слишком частая в Америке. Какого черта я знаю всю эту хрень? Какого черта?!

Сияло солнце. Эспрессо был отвратительным. Город – прекрасным, даже несмотря на трущобы или, вспомнил внезапно пришедшее на память странное слово Джим, фавелы.

– Это игра, – произнес он почти во весь голос. – Пусть. Это игра. Но не всего лишь игра. Это игра с большой буквы. С очень большой.

Через секунду его усталость словно растворилась под лучами солнца, но ему было нужно под землю. Неладное он почувствовал, когда уже стоял в углу вагона метро, который вез Джима в Главное полицейское управление Города. Его узнавали.

Его узнавали.

Равнодушные, отстраненные, приветливые, добрые, злые, заспанные, бодрые взгляды менялись, когда натыкались на его лицо. Они как будто спотыкались, увидев его. Джим отвернулся от стоящих в вагоне людей и стал смотреть на черное стекло, и по отражению понял, что едва ли не половина вагона не спускает с него глаз. Он резко обернулся, дождался, когда наблюдатели замешкаются, растрепал волосы, поднял воротник, натянул на нос визуары, но внимание его соседей по вагону к нему самому не ослабло. Похоже, ему стоило купить черные очки. Именно с этой мыслью он и выскочил из вагона, не доехав до своей станции, и замер перед телеэкраном на рекламном стенде. На фоне светящегося города и залпов салюта красовался не кто иной, как он сам собственной персоной – Джеймс Лаки Бейкер. Вот только имени его в коротком, но запущенном на повтор ролике, не было. Вместо него в нижней части экрана медленно ползли портреты поменьше. Епифаний. Мексидол. Смуглый, оказавшийся неким Гильерме Ламунье. Родик с пятном в половину лица, именованный как Родион. Еще какие-то лица. Текст.

«Отпразднуем именины незнакомца!», «Сегодня или никогда!», «Твори добро!», «500 золотых собрано ему на подарок, кто больше?», «Как поздравить первым?»

Пятьсот золотых было, конечно, меньше суммы, которую обещали за розыск Эмили Уайт, но, кажется, достаточно, чтобы безбедно прожить несколько лет. В растерянности Джим оглянулся на замерших тут же зевак, что не сводили с него глаз, и стал пристально смотреть на каждого, вынуждая их одного за другим ретироваться, пока не наткнулся взглядом на худого мужчину средних лет в точно таких же очках, как и на нем самом. Почувствовав на себе взгляд незнакомца, мужчина задрожал, хлопнул ладонями с двух сторон по оправе своих очков и, сменив лицо на какую-то смесь цветковых пятен и неразличимых образов, поспешил запрыгнуть в первый же подошедший поезд.

– Визуары, – пробормотал Джим и надавил пальцами на толстую оправу купленной безделушки.

¹⁸ – *Prúnus serótina* – черемуха поздняя или американская вишня

¹⁹ – *Prúnus pádus* – черемуха обыкновенная или черемуха кистевая

Через минуту он уже вновь ехал в нужную сторону. Правда, забившись в дальний угол сразу за дверью перехода между вагонами. Визуары ему пришлось снять только через полчаса, когда он вышел на нужной станции, поразился ее чистоте и многолюдности, выбрался в Город, восхитился красоте огромной площади Согласия и поднялся по ступеням Главного полицейского управления. Размахивающий магнитным сканером сержант только что не плюнул в представленную Джимом карту, совершенно не впечатлился пистолетом у него под одеждой и даже содержимым его сумки, но недвусмысленно потребовал «снять с лица эту мутную и дешевую хрень». Разглядев, наконец, настоящее лицо Джима, охранник расплылся в улыбке и передал гостю привет от майора Мартина Риггса, чей ролик о схватке незнакомца с одной из банд трущоб держится на первом месте полицейского чата уже второй час.

– Он заработал на тебе не меньше полусотни золотых, парень! – восторженно заявил сержант. – Всего лишь за два часа! Представляешь? Ладно. Тебе в двенадцатый сектор «В», офис номер двадцать два.

– Почему именно туда? – не понял Джим. – Я ведь даже не сообщил, по какому я делу в управлении.

– Тут у всех одно дело, – ухмыльнулся сержант. – Но я бы на твоём месте не задерживался. Даже скажу так, я бежал бы туда со всех ног. Там такая женщина... Мечта! Указатели на углах стен. Не заблудись.

Двенадцатый сектор, как и следовало ожидать, не был двенадцатым районом города, а оказался двенадцатым этажом второго здания полицейского управления, куда Джим попал, изрядно поплутав по бесконечным коридорам и переходам первого здания. Двадцать второй офис представлял собой стеклянную выгородку в огромном зале, где таких офисов было не меньше сотни. Между четырех стеклянных стен, что вздымались на те же двадцать футов и напомнили Джиму прозрачную стену возле лиловой арки, стояли три стола, за одним из которых сидела, согнувшись над ноутбуком какая-то женщина в платке. Джим постучал в стеклянную дверь, женщина подняла голову и через мгновение висела у него на шее. Это была Миа.

– Шеф! Босс! Счастливчик Джим! Боже мой, как я рада, что вы – это вы, а не тот толстый и глупый Лаки Джим, которого мы увидели в трактире у Анны! Меня тогда едва не стошнило. Нет. Вы представляете? Вы представляете, что с нами случилось? Кстати, спасибо за командировочные. Мы тут же обожрались в ближайшем ресторане и хотя бы переночевали в приличном отеле. И получили вот этот офис. Хотя это тут бесплатно. Частные сыщики слишком рискуют, если открывают автономные офисы. В этом городе криминогенная обстановка еще та.

– Миа! – с большим трудом оторвал от себя девчонку Джим и принялся рассматривать синяки у нее под глазами, опаленные волосы, длинную царапину на левой скуле. – Как вы здесь оказались?

– Это долгая история, – шмыгнула носом Миа.

– Что с твоим лицом?

– До свадьбы заживет, – прищурилась Миа. – Зачем-то открыла окно, когда мы проезжали через какую-то поганую деревеньку с человеческими черепами на заборах.

– Где Себастьян? – спросил Джим.

– Продолжает заниматься игрой, – пожал плечами Миа. – Не может смириться с тем, что он чей-то там персонаж.

– А ты чем занимаешься? – спросил Джим.

– Сериалом, – вздохнула Миа. – И уже кое-что накопила. Мы с Себастьяном решили, что в нем есть некий секрет. Вы же будете заниматься этой... девчонкой? Эмили Уйат?

– С чего ты взяла? – поднял брови Джим.

– А разве у вас есть выбор? – улыбнулась Миа, и в этот миг Джим наконец увидел огромный портрет на стене, по верхней границе которого бежали попеременно два слова – «Дальше» и «Лучше». А снизу было написано имя изображенного.

– Это мэр города, – понизила голос Миа. – И, кажется, губернатор всего Инфернума.

– Оливия Миллер, – прочитал Джим и посмотрел на Мию. – Вот уж... «Лучше дальше». Вы переговорили с ней? Только не говорите, что разговор не удался, потому как она растворилась в воздухе.

– Как вы узнали? – поразила Миа. – Именно так все и произошло. А потом стало растворяться все, кроме нас, вашего джипа и двери в банк. Да и то... Представляете? Мы въехали в «Bank of America» прямо на машине! Тараном! У вас была очень хорошая машина, босс. Если бы не она, и не навигатор, который мы нашли на той площади, нас бы сейчас не было!

И она заплакала...

Глава пятая. Маршал и Миа

– Ну вот, – раздался сухой женский голос за спиной Джима. – И сразу слезы. Причем плачет, конечно, девушка. Нет бы разрыдался Счастливчик Джим.

– Простите? – Джим выпустил из объятий Мию и повернулся к вошедший в их бокс подтянутой женщине средних лет в строгом светло-голубом костюме с толстой черной папкой под мышкой.

– Меган Тернер, – протянула руку незнакомка. – Вы будете смеяться, но я действительный маршал США и полномочный представитель своей страны на этой особой территории, если всю эту виртуальность можно так назвать. Вот, зашла посмотреть на умельца, который сумел за пару дней стать врагом номер один эльфийской общины или значительной ее части. Я уж не говорю про криминальный мир Инфернума. И вдобавок помог славному майору Мартину Риггсу выиграть утренний топ роликов полицейского чата. Выиграть с большим отрывом кстати. Как вам Город?

Она стояла с протянутой рукой, пожимать которую Джим не то чтобы не спешил, он ее не замечал. Его словно охватил столбняк, но не потому, что женщина не вписывалась в то, что он видел и чувствовал до сих пор. И не потому что она была ему знакома. Определенно он видел ее впервые. Но в ней было что-то... особенное. Что-то, чего он не мог определить. Она была словно боль в ампутированной конечности. Хотя все части его тела были на месте. Эта женщина появилась из неведомого ему прошлого. Из его настоящего прошлого. Он уверился в этом мгновенно. И то, что это прошлое у него очевидно имелось, потрясло его. Хотя ощущение и не было схожим с тем, которое он испытывал, когда впервые разглядывал фото Эмили Уайт. Вместе с этим Меган Тернер чем-то напоминала Анну Фирлинг, но все же была другой, к тому же явно испытывала какое-то волнение или была напряжена. Во всяком случае капля пота по ее лбу скатилась.

– Город очень понравился! – ухватила за протянутую руку Миа.

Джим продолжал неподвижно стоять. Меган улыбнулась и извлекла из кармана маршальскую звезду, не преминув заметить при этом:

– Я не обиделась. Сама виновата, что не ношу ее на груди. У вас был трудный день, Джим. И он еще далеко не закончен. Простите, что мой помощник Сэмюэль Джерард не может засвидетельствовать мою персону лично. Его невозможно вытащить из Форта. К тому же я прекрасно понимаю, что в этих краях пропуски и визитки стоят не больше, чем салфетки в придорожном кафе, но кое-чего они все-таки стоят. Вместе с тем я нахожусь в здании полицейского управления, по сути местного министерства внутренних дел, так что и это тоже должно говорить само за себя. Но если вам интересно, я влезла в служебный кокон полчаса назад специально, чтобы поприветствовать персонал детективного бюро «Счастливчик Джим» и заодно познакомиться с вами ближе. Так что и эта звезда тоже имитация. В отличие от меня. Но и то лишь потому, что всякая личность уникальна, вне зависимости от способов ее трансляции. Простите, если я выражаюсь слишком официально.

– Это вы простите, – словно очнулся и наконец протянул руку Джим. – Джеймс Лаки Бейкер. Во всяком случае, до тех пор, пока не узнаю свое настоящее имя.

– Всякое имя, которым кто-либо из нас назовет сам себя, рано или поздно станет настоящим, – с облегчением выдохнула Меган. – Даже если этим же именем себя величает неопределенное количество людей или ботов. Я уж не говорю об эльфах и прочих малых народах. В Инфернуме, кстати, данная практика весьма распространена. Куда проще взять готовый образ вместе с именем и вылепить из него новое действующее лицо вместо того, чтобы штамповать безликие копии усредненного типа. Понятно, что иногда возникают проблемы с авторским правом, но для компании, в которой какие-нибудь десять миллионов все равно что мелочь на

дне кармана, это никогда не было проблемой. Возьмите хотя бы того же Ларри Бёрда, Джим. Да-да, того верзилу, которому, по словам Джерарда, вы спасли жизнь. Его имя стоит забить в поисковик, чтобы всерьез удивиться. Причем сам он о собственном прообразе скорее всего и не подозревает. Допуск к внешней сети ограничен не просто так. И подобных примеров бесконечное множество, хотя чаще всего заимствуется внешность, с именем проблем особых нет. Это ведь интереснейшая тема. Я могла бы многим поделиться, Джим. Я бы хотела переговорить с вами, но, думаю, что это было бы удобнее сделать у меня в офисе. Начальник управления Йорк уже вызывал вас к себе?

Вопрос, прозвучавший последним, она произнесла совершенно другим тоном. При этом на ее лице появилась гримаса отвращения.

– Пока нет, – пожал плечами Миа, – но в полдень мне и Себастьяну нужно посетить сертификационный центр. Якобы это указание Йорка, которое касается всех здешних новичков. Направления мы уже получили. Правда, Себастьян сейчас занят и попросил меня извиниться за него, а вот что касается шефа...

– То его пока никуда не приглашали, – кивнула Меган. – Что ж. Буду ждать вас у себя в офисе. Заодно и папочку вернете. Вот.

Она положила на стол папку, вытащила из кармана визитку, написала на ней что-то и, подняв глаза на застывших напротив нее Джима и Мию, улыбнулась:

– Увидимся или услышимся.

После чего помутнела, обрела прозрачность и растворилась без следа.

– Чтоб мне сдохнуть, – открыла рот Миа. – И здесь то же самое!

– Не сейчас, – склонился к визитке Джим. – Лучше посмотри сюда.

На желтоватой карточке сразу под словами «United States Marshals Service²⁰» было написано всего несколько слов: «С этой папкой в к. 12-144. Ничего не оставляйте. Быстро».

– Но это женский туалет! – прошипела Миа. – На входе, правда, нет ничего, кроме номера на двери, но ключи от него выдают только женщинам.

– Значит, мы пойдем туда обнявшись, – успокоил ее Джим. – Выключай компьютер. Не суетись. Надеюсь, ты не сохраняла историю поиска и не успела создать пару секретных чатов? В ящиках столов есть что-нибудь важное?

– Да откуда? – растерянно пожал плечами Миа. – Все важное с собой. Мы же сорвались из офиса с голыми руками. Ты бы видел лицо Себастьяна, когда он обнаружил, что у его машины нет моторного отсека и колес. Да и все остальное рассыпается на глазах. Даже в отеле у нас ничего нет. Хотели сегодня вечером пройтись по магазинам, купить чего-нибудь...

– Да, пусто, – кивнул Джим, быстро проверив ящики столов. – Выключила? Пошли.

– В женский туалет? – уточнила Миа.

– Если бы нас направили в мужской туалет, мы бы пошли туда, – вздохнул Джим и обнял Мию за плечи. – Потерпи, хотя бы до туалета нам придется изображать влюбленную пару. Не знаю, правда, насколько это уместно в данном учреждении. В любом случае, если кому и нужно беспокоиться по этому поводу, то это мне. Или не нужно беспокоиться? Ты же сама сказала, что на его двери только номер. Или нет?

Это был именно обычный служебный туалет и, к счастью, свободный. Миа открыла дверь ключом, Джим поклонился проходившей по коридору рослой даме в полицейской форме с наполненным брезгливостью лицом и торчащими из заднего кармана брюк стальными браслетами и нырнул в крохотное помещение вслед за Мией.

²⁰ – Служба маршалов США

– И что мы будем тут делать? – тут же повернулась лицом к зеркалу Миа.

– «Откройте», – показал пальцем на надпись маркером над зеркалом Джим. – Значит, надо открыть.

– И? – не поняла Миа, открывая дверь кабинки.

– Полагаю, речь шла о папке, – предположил Джим и щелкнул замком.

На внутренней стороне клапана папки был приклеен сложенный листок бумаги, на сгибе которого выделялась надпись: «Во внешнем кармане папки лежит глушилка. Красная с желтым тумблером. Джим должен вставить ее в ухо и немного потерпеть. До этого читать послание и открывать папку нельзя. С момента активации глушилки на то, чтобы покинуть здание главного полицейского управления, у вас будет не более двадцати минут. Может быть, меньше».

– Что нам делать? – прошептала Миа.

– Ты уже изучила свой телефон? – спросил Джим, вытаскивая крохотное мягкое устройство с желтым тумблером на широкой части.

– Конечно, – кивнула Миа. – Как только купили, я тут же им занялась. Но он совсем не такой, как...

– Включай секундомер, – сказал Джим, вставляя в ухо глушилку. – Надеюсь, мы доверяем наши жизни тому, кому можно доверять. Кстати, если это взрывное устройство...

Он сам не верил в это, но повернул тумблер с некоторым напряжением. И тут же был вынужден согнуться от нестерпимого зуда.

– Что с тобой? – испугалась Миа.

– Ничего, – стиснул зубы Джим, вытирая со лба пот. – Разве только стая комаров забралась в ухо, чтобы там позудеть. Смотри за временем.

Он развернул листок и стал разбирать торопливый, но аккуратный почерк.

– «Джим, Миа и Себастьян. Не знаю, кого застану в управлении, поэтому обращаюсь ко всем. Вы – в большой опасности. Если я встретила Джима, и он меня не узнал, то в двойной опасности. Обсуждать это обстоятельство будем позже. Сейчас главное – выйти из здания и удалиться от него не менее чем на пару миль, не используя ни метро, ни другой общественный транспорт. Найдите любое укромное кафе со значком приватности, потом достаньте вторую инструкцию, она в первом отделе папки. Главные условия – не звонить и не отвечать на звонки никому. Не пользоваться картами и пропусками. Не разговаривать ни с кем. Никому не смотреть в глаза. Далее. Как выйти из здания. 1. Достаньте из второго отсека папки блистеры с латексным пластырем. Их нужно вскрыть и приклеить пластырь на плечи на место погон. Срок действия одного комплекта – час. Образ – подсобный рабочий. Аналог – профессиональные визуары, но пластырь надежнее, он корректирует образ под рост и сложение».

– Две минуты, – отметила Миа.

– «2. Идите по тому же коридору до служебной зоны. Наберите на дверях три простых числа от 100 до 200, к примеру – 101, 151, 199»

– Проще некуда, – нахмурилась Миа.

– «3. Подойдите к служебному лифту и спуститесь на первый этаж. 4. Выйдите из лифта и идите налево до выхода на улицу. По дороге возьмите что угодно – баки с бельем, упаковки мусора, тюки с резаной бумагой. Главное – не идти с пустыми руками. 5. На улице оставьте то, что вынесли, поверните направо и зайдите в подсобное помещение – вторая дверь по стене. Она должна быть открыта. 6. Возьмите пульверизатор, баллон с краской и идите к служебному выезду с территории управления. Если дверь закрыта, действуйте по обстоятельствам, не исключая варианта силового прорыва. К северу от площади Согласия полно улочек и переулков. В любом случае, выбравшись на внешнюю улицу, удаляйтесь как можно дальше. Удачи».

– Пять минут, – пискнула Миа. – Что такое пульверизатор?

– Это еще проще, чем простые числа, – заметил Джим, разламывая блистеры. – Тут запаса на двое суток. Значит, подсобный рабочий? Что ты видишь?

– Вы стали черным, – удивилась Миа. – Похожи на строителя. На довольно симпатичного черного строителя. А я?

– Сейчас, – Джим приклеил пластырь на плечи Мие. – Себастьян точно не появится здесь в ближайшее время?

– Нет, конечно, – надула губы Миа. – Вы не ответили мне!

– Ты стала жгучей брюнеткой средиземноморского типа, – подмигнул Мие Джим. – Но у тебя кольцо в носу и неприличная татуировка на щеке.

– Какая? – возмутилась Миа и попытался заглянуть в зеркало.

– Это была шутка, – закрыл зеркало спиной Джим. – Пошли, у нас мало времени.

Они с трудом уложились в оставшиеся пятнадцать минут. Дошли до служебных дверей, открыли их, нашли лифт, спустились на первый этаж и, подхватив урны с резаной бумагой, вышли во двор главного управления. Во дворе проводилось построение патрулей, и оставить урны прямо у входа им не удалось. Майор, который присматривал за построением, побагровел при виде уборщиков – один из которых был выше другого на полторы головы, поэтому им пришлось тащить урны до второй двери, которая оказалась закрыта. Джим уже хотел было сломать ее, но Миа сдернула брезент со стоявшей тут же поломочной машины и забралась на ее сиденье.

– Что ты делаешь? – процедил сквозь зубы Джим, отходя от двери, которая оказалась чересчур прочной. – Ты что, не видишь? У этого устройства выдран энергоблок. Оно не на ходу.

– Вы и будете моим энергоблоком, – ответила Миа. – А я действую по обстоятельствам. Не разочаровывайте меня, босс, а то я увижу в вас того самого толстяка-недотепу. Разве вы не заметили табличку на руле. А? «В ремонт». Толкайте! Черт возьми, главное, чтобы Себастьян этого не увидел, иначе он не даст мне прохода до пенсии.

– Забудь о пенсии, – пробормотал Джим, с трудом сдвигая с места устройство. – Кстати, интересно, как тут с соцобеспечением. И найди уже там педаль, которая снимает блокировку колес. Вряд ли тут электропривод. Должна быть простая механика.

Вскоре дело пошло веселее, а у поднятого шлагбаума охранники встретили странную парочку аплодисментами, поскольку у «начальника тыла наконец дошли руки до этой рухляди». «Рухлядь» Джим и Миа бросили в первом же переулке, после чего такими же переулками постарались удалиться от площади Согласия как можно дальше, пока истаивающий на их плечах пластырь не исчез окончательно. Правда, им удалось заблаговременно укрыться в проездном дворе.

– Пожалуй, мы ушли дальше, чем на пару миль, – решил Джим. – Не было звонков от Себастьяна?

– Нет, – взглянула на телефон Миа и тут же потребовала. – А теперь, босс, расскажите мне правду про жгучую брюнетку.

– Ты выглядела точно так же, как и я, – успокоил ее Джим. – Просто была меньше ростом.

– Вот черт, – она была явно разочарована. – А я-то изгибалась за рулем, чтобы очаровать охрану. Теперь понятно, отчего они ржали. Что будем делать дальше? Снова наклеим это на плечи?

– Не спеши, – покачал головой Джим. – У меня есть проблемы с прогулками по улицам этого города, и я не хочу их усугублять. И кстати, что-то я пока не замечал в этом городе толп подсобных рабочих.

– О каких проблемах вы говорите? – не поняла Миа.

– О серьезных, – ответил Джим. – Скажем так, меня ищут плохие парни. Куда хуже тех парней из спортклуба. Думаю, мне не стоит бриться и надо бы волосы собрать в пучок. Как только чуть отрастут. Да. У тебя всегда были черные очки. Можешь мне одолжить?

– Легко, – полезла в сумочку, которая все это время болталась у нее на животе, Миа. – Они правда, скорее дамские, но надо и мне что-нибудь...

– На тебя, к счастью, пока не открыта охота, – заметил Джим. – Так что возьми вот эти иллюминаторы, только не включай их. Нам сейчас лишнее внимание ни к чему. Это визуары.

– Как я выгляжу? – тут же спросила Миа.

– Как стрекоза, – успокоил ее Джим и тут же добавил. – Как очень красивая стрекоза. Тем более, что у меня в ухе их, похоже, целый рой. Вместе с комарами.

В районе, в который они забрели, и в самом деле оказалось полно тихих улочек с невысокими домами в европейском стиле позапрошлого века. К тому же Джим сделал вывод, что если на каждом перекрестке выбирать самую тихую и неприметную улицу, то рано или поздно можно оказаться в спокойном районе с зелеными палисадниками и маленькими кафе. В одном из них, над дверью которого висел значок перечеркнутой видеокамеры, они и присели за перегородкой, увешанной какими-то спортивными вымпелами. Миа полезла за картой, но Джим погрозил ей пальцем и достал несколько серебряных монет. Самое время было поесть. Официант не заставил себя ждать. Льежский салат с зеленой фасолью оказался просто вкусным, а колбаски с брюссельской капустой исчезли с тарелок просто мгновенно.

– Все чаще задумываюсь о том, что такое виртуальность, – пробормотал Джим, отпивая из высокого бокала пиво. – Все время жду, что обнаружу какую-нибудь подделку, и всякий раз испытываю очарование.

– А с чем вам сравнивать-то? – хмыкнула Миа. – Или вы думаете, босс, что однажды подобно этой Меган Тернер забрались в кокон? И просто забыли об этом? Или вы знаете вкус настоящего бельгийского пива?

– Я все еще ни в чем не уверен, – проговорил Джим, сначала ощупав сумку, что все так же висела у него на плече, а потом положив перед собой папку Меган.

– А я никогда не была в Брюгге, – пробормотала Миа, с грустью глядя в окно.

– При чем тут Брюгге? – удивился Джим. – Ты вообще была в Европе?

– Неа, – мотнула головой Миа. – И уже не буду, наверное. Ну только если что-то вроде Европы создадут здесь. Вы только прислушайтесь, как это звучит: Брюгге. Потрясающе... Нас нет, босс. Вы не понимаете, что ли? Нас с вами нет. И Себастьяна тоже нет. Мы код. Цифры.

– А если даже и так? – спросил Джим. – Пока что эти цифры вокруг нас мне нравятся.

– Пожалуй, – вздохнула Миа. – Но я уже думаю о кошмарах, которые мне будут тут сниться. Представляете, кто-то в условный час запустит перезагрузку. И я открою утром глаза, а в голове пусто. Ничего! Ни одного файла. Или еще того хуже, пусто в моей комнате. Меня нет!

– Давай заниматься чем-нибудь более реальным, – сказал Джим, вытаскивая из папки второй листок.

– Давайте, – утомленно потерла виски Миа. – Хотя впечатлений для первых трех дней жизни как-то уже слишком многовато. И они чересчур реальны. Как ваше ухо?

– Чувствую себя подводным акустиком на стройплощадке, – ответил Джим и развернул листок.

– «Надеюсь, вы сожгли первый листок?»

– Сейчас, – выудила из сумочки зажигалку Миа и, получив у Джима первый листок, зажгла его и бросила на пустую тарелку, где он вскоре превратился в пепел. – Понятия не имею,

кто такие подводные акустики, но мы прямо как в кино про шпионов. Хотя, не уверена, что я смотрела хотя бы один фильм. Что там дальше?

– «В Инфернуме неплохо работает поиск по ключевым словам и даже по лицам, хотя, конечно, нужна локализация для точного поиска, но забывать об этом не следует. Конечно же, никакого офиса у меня в Инфернуме нет. Точнее, есть офис, где я не появлюсь ни при каких обстоятельствах. Даже мое появление в главном полицейском управлении было актом безрассудства. Или, иначе говоря, вынужденным шагом. Почему так сложились обстоятельства, мы обсудим как-нибудь позже. Я свяжусь с Джимом или с кем-нибудь из вас в течение какого-то времени. Сейчас о мерах безопасности, которые позволят вам выжить. 1. Ни при каких условиях не соглашайтесь на какие-либо сертификации, осмотры, сканирование и полиграфы. Это способ внедрения программы слежения. Полагаю, Джиму она уже установлена, отсюда – глушилка. Она станет бесполезной через сутки, но у меня есть информация, что Джим уже получил инструкции по избавлению от этой программы».

– В общих чертах, – пробормотал Джим в ответ на вопросительный взгляд Мии.

– «2. В папке вы найдете черный пакет. Он не был приготовлен для вас, это стандартный набор для специальных сотрудников и закладка для особого случая, но у меня было мало времени даже для составления этого послания. Поэтому предлагаю то, что есть. 2.1. В наборе – пять комплектов блокираторов для телефонов. Визуально они напоминают силиконовые защитные чехлы. Убрав свой телефон в такой чехол вы можете звонить кому угодно, ваш номер распознаваться не будет. Если ваш собеседник имеет такой же защищенный номер, вы сможете говорить с ним так же о чем угодно. 2.2. В наборе пять анонимных карт, на которые вы можете перевести любые средства и которыми сможете расплачиваться в любых торговых точках, а так же проходить через любые турникеты и пользоваться общественным транспортом. При входе в систему эти карты случайным образом идентифицируются как принадлежащие другим лицам. 2.3. В наборе пять личных сертификатов (два женских и три мужских по доминантному образу) на лиц, стоящих на учете в системах Инфернума, но не активированных в последние пять лет. 2.4. В наборе пять специальных визуаров, которые имеют пять режимов и не декодируются системами защиты специальных служб Инфернума. Возможно прохождение контроля по сетчатке глаза. Первый режим – на одну из идентификационных карт, еще четыре – запасные. 2.5. В наборе пять пар латексных перчаток с папиллярным узором. Все комплекты пронумерованы».

– Чур, я выберу сама, – пискнула Миа. – Я, правда, не поняла про доминантный образ...

– «3. Несмотря на все меры предосторожности, которые будут вами предприняты по этой схеме, избегайте отелей, где поселение требует идентификации. Старайтесь как можно реже пользоваться картами. Если что-то вызывает у вас сомнения, воспользуйтесь услугой «анонимная карта». Ее можно получить на любом рынке. За десять процентов от любой суммы, зачисленной на такую карту, вы будете защищены от любого контроля. Однако есть опасность грабежа при заключении контракта».

– Десять процентов? – возмутилась Миа. – Это уже грабеж!

– «Кроме этого в пакете имеется устройство для деактивации карт и зачисления средств. Инструкция на обороте. За эту машинку любой криминальный авторитет Инфернума продаст родную мать вместе с собственными детьми. В машинке имеется буфер для передержки любых сумм. По сути это маленький частный банк. Срабатывает на отпечаток пальца того, кто прикоснется к нему первым. Если возникнет опасность попадания этого устройства в чужие руки, вытащите заглушку. Оно самоуничтожится при первом же использовании. Постарайтесь не оказаться рядом».

– Можно замутить неплохой бизнес, – потеряла руки Миа. – Или совершить террористический акт.

– «4. Начальник полиции Инфернума – Дейв Йорк – не человек. Любой контакт с ним опасен. Гибель для контактера более чем вероятна, в том числе гибель человека, который находится в супернадёжном коконе – то есть, физически пребывает вне игры».

– Это как понимать? – расширила глаза Миа.

– «5. Мэр и губернатор Инфернума, известный вам под аватором Оливии Миллер, была убита десять лет назад. Ваша Меган Тернер. Прошу вас сжечь этот листок. Я позвоню».

– Оливия Миллер была убита десять лет назад, – растерянно повторил Джим.

– Я не заметила на ее фотографиях траурной рамки, – хмыкнула Миа. – К тому же мы не знаем, может быть, здесь в ходу посмертные тени? Или призраки? Растворилась Оливия впечатляюще. Ничуть не хуже, чем эта Меган Тернер.

– Сжигай, – протянул листок Джим.

– Вы все запомнили, босс? – спросила Миа, вновь щелкая зажигалкой.

– До последней запятой, – процедил сквозь стиснутые зубы Джим, открывая черный пакет.

– И вы ей верите? – Миа загляделась на Джима, и едва не обожгла пальцы.

– А у нас есть выбор? – спросил Джим.

Перед ним лежали пять компактных непрозрачных пакетов и коробочка, напоминающая детектор для проверки банкнот, правда, размером меньше бумажника. На пакеты были наклеены небольшие фотографии, с которых на Джима и Мию смотрели пятеро незнакомцев. Белокожий унылый мужчина средних лет с залысинами, с мешками под глазами и с обвисшими усами под носом. Улыбающийся наивный молодой китаец с короткой стрижкой. Темнокожий дерзкий юнец с пухлыми губами. Яркая блондинка стержовного типа с пирсингом в носу. Рыжеволосая веселая оторва с конопушками до ушей.

– Однако! – задумалась Миа. – Не слишком ли это круто для службы маршалов? Больше похоже на ЦРУ. А если это обман?

– Понимаешь... – Джим задумался, раскладывая пакеты в ряд. – У меня сложилось такое впечатление, что я знаю эту женщину. Точнее, что я должен ее знать.

– Меган Тернер? – уточнила Миа.

– Да, – кивнул Джим. – Пока что только Эмили Уайт вызвала такое же чувство. Точнее, похожее чувство. То есть, где-то в глубине меня заложен или был заложен если и не фактор знакомства, то уж точно доверие к этим персонам. Понятно, что случаются приобретенные симпатии, та же Анна Фирлинг ее вызывает безоговорочно, и я хотел бы вернуться в ее трактир да и просто поболтать с ней о чем-нибудь. Да и с Джерардом с удовольствием выпил бы пива. Кстати, там еще был такой железный чувак с номером 413 – очень забавный. Но Меган Тернер и особенно Эмили Уайт – куда серьезнее.

– А как же мы с Себастьяном? – надула губы Миа.

– Вы – это другое, – вздохнул Джим. – Понятное дело, что этот толстяк на экране меня слегка взбудоражил, но в памяти-то у меня никакого толстяка нет. Я был с вами там. Все эти, мать вашу, все двести тридцать девять серий!

– Я тоже не помню толстяка, – призналась Миа. – Думаю, что его вычистили. Или загрузили в нас память уже без него. Особо и не правили ничего. Думаете, мы просто так тыкались взглядом вам в грудь? Но я рада, что вы не такой, как он. Признаюсь, мне сейчас кажется, что вы придуривались все эти двести тридцать девять дел. Были не таким, какой вы есть на самом деле.

– Хотел бы я знать, какой я на самом деле, – заметил Джим. – Я уж не говорю о том, кто я на самом деле.

– Мне проще, – скорчила гримасу и высунула язык Миа. – У меня нет ничего, кроме этих двухсот тридцати девяти серий. Поэтому я набираю впечатления каждую минуту. Становлюсь человеком, как сказал Себастьян. Кстати, ураганными темпами. Вы знаете, ведь у нас, в отли-

чие от вас, лица актеров. И нас уже узнавали тут. Но ничего из их личной жизни, из их истории в памяти. Ничего даже из их других ролей. Какая-то пустота. Даже о детстве ничего. Разве только несколько фраз из сериала. Ну, помните, я вам рассказывала, как я была маленькой, и меня обижали мальчишки, и я стала с ними драться и поэтому выросла вот такой? Ведь за этими словами ничего нет.

– Есть, – не согласился Джим. – Ты и в самом деле такая лишь потому, что когда-то была маленькой, тебя обижали, а ты не сдавалась.

– Тогда я возьму эту блондинку, – ухватила один из пакетов Миа. – Вот эта рыжая мне, конечно, больше нравится. Она вообще как я. Даже круче. Но мне уже надоело быть рыжей. Хочется попробовать чего-то другого. Кстати, я задумывалась о пирсинге! А тут он уже есть. А Себастьяну я возьму китайца. Тем более, что он до сих пор бредит Брюсом Ли.

– И посещает спортивный зал, – добавил Джим. – Не то, что я. Хотя чего-то такого мне хочется все сильнее. Значит так. Забирай и рыжую, и черного мальчика. С моим ростом прикидываться женщиной глупо, а мальчик будет нужнее Себастьяну. Ведь это он в нашем бюро и Брюс Ли, и Чак Норрис, и агент 007 в одном лице. Помнишь, как он ходил разбираться в тот спортклуб? Мстил за меня?

– Да, – кивнула Миа. – Тогда он оторвался. Но теперь, мне кажется, вы бы и сами не спустили им.

– Тогда бы не было этого сериала, – пожал плечами Джим. – Ведь на самом деле я маленький и толстый.

– Теперь вы будете усатым и унылым, – приснула Миа, двигая к нему пакет с фотографией вислоусого. – А вы не думали, что как раз сейчас все это – и есть двести сороковая серия?

– Не уверен, – сказал Джим. – Во-первых, я ни вижу съемочную группу, хотя я ее и раньше не видел. Во-вторых, это как бы тянет уже на полный метр. Или на отдельный сериал. Что ты там накопала?

– Многое, – ответила Миа. – И еще бы покопалась. Кстати, имя Меган Тернер там тоже есть. Она в числе попечителей киностудии. А вот Оливии Миллер – нет. Или я ее еще не нашла.

– Вот и еще одна неясность, – задумался Джим. – Кто она? А что, если она – враг?

– С чего вы взяли! – удивилась Миа. – Она же исчезла точно так же, как и Меган. А вдруг они заодно?

– И с ними еще один мой знакомый, – добавил Джим. – Тоже растворился. Его звали Патрокл. Он привел меня в Форт. Хороший парень. Не впадай в грех обобщения, Миа.

– Но эта Оливия... – скорчила гримасу Миа. – Она мне почему-то хорошей не показалась. И, кстати, кофе я ей не делала!

– Это говорит лишь о том, что все трое использовали одни и те же технологии, – задумался Джим. – Меган как будто человек. То есть, она была в коконе. Но если Оливия Миллер мертва, тогда...

– Кто-то тоже забрался в кокон и прикинулся ею, – пожала плечами Миа. – Ну, прикидываются же игроки всякими там эльфами или чудовищами. И, судя по фото в управлении, и по этим роликам, прославляющим ее, которые уже мельтешат у меня в глазах, продолжает прикидываться.

– Или же она не погибла, – предположил Джим.

– Не была убита? – переспросила Миа и посмотрела на телефон. – Сюда бы Себастьяна. Вот уж он бы точно разобрался бы во всех тонкостях. Уж не знаю, что там у него кроме двести тридцати девяти серий в памяти, но мне кажется, что он знает наизусть все детективы. Кстати, знаешь, кто у него в кумирах?

– Шерлок Холмс? – предположил Джим.

– Черт меня возьми, – вытаращила глаза Миа. – А я ведь всего Шерлока Холмса знаю наизусть. И не только его. Только сейчас поняла это.

– Вот, – хмыкнул Джим. – В тебя загрузили что-то полезное. А в меня, судя по тому, что уже проявилось, только сказки и справочники по оружию и растениям. Даже учебник латыни, и тот пожалели. И кто же его кумир?

– Так вот, – расплылась в улыбке Миа. – Кумир Себастьяна – инспектор Лестрейд. Себастьян уверен, что он оболган автором текстов о Шерлоке Холмсе. В том числе и потому, что тот позволил себе издеваться над его внешностью.

– Миа, – покачал головой Джим. – Это вымышленный персонаж.

– А мы кто? – задала вопрос Миа. – И вообще, давайте уже торопиться. Может позвонить Себастьян. О сериале я расскажу позже. Что вы собираетесь делать?

– Для начала спасти наши деньги, – сказал Джим.

– Наши деньги? – заинтересовалась Миа.

– Почти десять миллионов долларов, – заметил Джим. – Заказчица, конечно, не успела подписать контракт, но поступила с нами не самым добросовестным образом.

– Это да, – согласилась Миа. – Вы даже представить себе не можете. Большого ужаса я не испытывала. Сначала исчезла эта Оливия. Я уже поднималась наверх и заметила только ее ноги. Кроме них ничего не было. Она просто осыпалась. Но не как песок, а как... дым. И ноги тоже исчезли. Я даже завизжала. На что Себастьян заметил, что мне нужно меньше смотреть фильмов ужасов. А я их вообще не смотрю. И вы знаете, мне было так странно... Как будто у меня нет готового текста, и я должна его придумывать. Впрочем, это ощущение было у меня с самого утра. Но когда перед Себастьяном пропала кофемашина... Он, конечно, не завизжал, но орал очень громко. Немного ошпарился, кстати. А сам за пару минут до этого отпаивал меня успокоительным. Я его, правда, отпаивать уже не стала. Потому что крыша над нашей головой исчезла. Но она не рухнула. Она просто исчезла. Ваш кабинет стал как будто прозрачным, а потом истаял вовсе. Но Себастьян успел выдернуть из второго сейфа свой пистолет, а когда сбегал по лестнице, то она исчезала за ним. А я, кажется, орала. Он даже собирался дать мне пощечину, но сдержался, или я голос сорвала, не помню. Помню только одно, что мы уже стоим на улице, у меня почему-то на плече моя сумочка, в руках второй комплект ключей от вашего джипа, у Себастьяна пистолет в руке, а на улице творится кошмар. От машины Себастьяна осталась половина, все вокруг исчезает, и только сама плоскость, дорога остается. Она была как разлинованная поверхность. Кромешно черная разлинованная поверхность. Никогда этого не забуду!

– И что же вы сделали? – спросил Джим.

– Все сделал Себастьян, – пожала плечами Миа. – Он сильный. Крикнул, что ваша машина пока в порядке, надо садится в нее и вырывать прочь из Нью-Йорка. Что по нам, наверное, применили бомбу из антивещества или еще какую-то хтонь. Выхватил у меня ключи, впихнул на место пассажира, сел за руль. Завелся. Когда мы отъезжали со стоянки, нашего офиса уже не было. Просто какая-то бездонная яма на этом месте. А когда мы выехали на Коламбус Авеню, Себастьяну показалось, что и эта плоскость, разлинованное пространство, начинает сворачиваться. И он рванул руль вправо, в то, что когда-то было банком. По одной единственной причине. Дверь в этот банк была как новая. Она как будто и не собиралась исчезать. И за ней что-то было.

– А дальше? – спросил Джим.

– А дальше все просто, – вздохнула Миа. – Мы вылетели на какую-то площадь, подпрыгнули на телах убитых людей. Выскочили из машины. Сначала ужаснулись мертвым. Потом обрадовались тому, что среди них нет вас. Себастьян подобрал тот прибор. Ну, навигатор, у нас его потом Джерард забрал. И мы поехали. По стрелке.

– Как вы прорвались? – спросил Джим.

– Вот так, – показала на царапину, взъерошила опаленные волосы Миа. – Себастьяна ранили в руку. Но навывлет. Он отстреливался. Все патроны израсходовал. А когда нас пытались

нагнать на какой-то машине, швырнул пистолетом в ее окно. И, кажется, попал тому водителю в рожу. Себастьян сказал, что у вас отличная машина. Только тяжелая очень. Зато мы разместили ею не менее полдюжины баррикад. И сквозь огонь проехали. Правда, пробили радиатор, поэтому движок застучал. Ну, а аккумуляторы ушли в ноль уже возле форта. Джерард вышел к нам к самому мосту, долго разбирался. А потом мы вместе с патрулем толкали машину к его башне.

– Ее уже ремонтируют, – заметил Джим.

– Хорошо бы уехать на ней куда-нибудь подальше, – вздохнула Миа. – С Себастьяном.

И с вами.

– Разве тут есть куда уехать? – спросил Джим. – Центр мироздания – Форт. Радиусом двести миль – Инфернум. И, вроде все. Или не все?

– Край земли, что ли? – не поверила Миа. – А что дальше? Ведь должно быть что-нибудь дальше?

– Один человек сказал мне, что где-то в Инфернуме есть место под названием Вокзал, – вспомнил Джим. – И там можно сесть на поезд и уехать в рай.

– Из ада в рай? – прищурилась Миа. – Заманчиво.

– Сначала нужно выполнить нашу работу, – сказал Джим и разорвал свой пакет.

Официант появился, когда они уже сняли все деньги со своих карт, распределили их по вновь обретенным картам, использовали всю предложенную оснастку и нацепили визуары из выбранных наборов. Молодой парень было побледнел, обнаружив у грязного стола незнакомого вислоусого мужика и ехидную блондинку с кольцом в носу, но тут же успокоился, заметив оставленные у салфетницы несколько монет.

– Извините, – заторопился он, убирая со стола. – Надо было раньше подойти.

– Не трясись, бедолага, – развязным, но как будто знакомым голосом успокоила его блондинка. – Тащи еще пару пива и что-нибудь с дымком на закуску. Просто это наше любимое место, понимаешь?

– Не переигрывай, – посоветовал Джим Миа, когда официант убежал. И в этот самый миг зазвонил ее телефон. Это был Себастьян. Она наклонилась с телефоном к Джиму.

– Миа! Это ты? Не отвечай ничего! Просто слушай! Не знаю, как нам найти Джима, но, главное, ничего не говори. Я отвалил тысячу долларов, чтобы прицепить защиту на свой телефон, а твой прослушивается. Без вариантов. Срывайся с полицейского управления, не ходи ни на какую регистрацию или сертификацию. Я тут накопал кое-что, понял, что к начальнику полиции могут быть некоторые вопросы. Потом обнаружил за собой слежку, еле оторвался. Обвешался визуарами, короче, жду тебя на той станции, где мы первый раз вышли из подземки. Подойди и стой. Я сам объявлюсь. Поняла? Если поняла, нажми отбой.

– Перезвонить ему? – спросила Миа, нажимая отбой.

– Не нужно, – ответил Джим. – Отправляйся. Созвонимся, когда я решу эту проблему.

Он показал на собственное ухо.

– Зудит? – с участием спросила Миа.

– Невыносимо, – признался Джим. – Но я пока что выношу. Хотя я и не Себастьян.

– Каждый хорош на своем месте, – поднялась Миа. – Хотя, Себастьян хорош на любом из них. Только без обид. У этой проблемы с вашим ухом есть решение?

– Думаю, да, – кивнул Джим. – Но я туда отправлюсь один. Иди. Прости, но пара пива и закуска с дымком достанутся мне. Залью им проигрыш Себастьяну в борьбе за твою симпатию.

– Разве вы боролись? – удивилась Миа.

– По сути у меня был всего один час, – развел руками Джим. – Не успел. Ладно. Себастьян достойный соперник. Найдите надежное укрытие в соответствии с советами Меган, и ждите меня там. Я появлюсь, как смогу. Да, и оставь мне черные очки и те визуары. Боюсь, они мне все еще будут нужны.

– Хотите, я поставлю на ваш телефон тот рингтон? – спросила Миа.

– Нет, – мотнул он головой, стиснув зубы. – Ты ведь запомнила письма Меган?

– До запятой, – кивнула Миа и вдруг обняла и поцеловала Джима. Кольца, сверкающего у нее в носу, он щекой не почувствовал.

Джим просидел в кафе еще не меньше часа. Посетителей в нем почти не было. За час дверь хлопнула всего четырежды, но тех, кто посещал заведение, из-за перегородки видно не было, лишь один раз доносился детский смех. Джим тянул из бокалов пиво, грыз полоски копченой рыбы, копался в телефоне. Затем спросил у официанта, можно ли из кафе выйти в сеть. За пару монет тот принес Джиму старый ноутбук, хотя и удивился, что пожилой человек хочет, как он сказал, «посерфиться». Пароль к сети был написан мелом на крышке девайса.

Джим открыл свою сумку и обнаружил там не только меч Гильермо и сломанную стрелу, но так же сверток от Джерарда и довольно тяжелый мешочек с какими-то предметами и прихваченной к нему резинкой запиской. Мешочек Джим пока решил не трогать, а фольгу, а потом и промасленную бумагу развернул. На ломтях ржаного хлеба лежала ветчина. Тут же блестели крохотные помидоры и огурцы. Джим втянул манящий запах и подосадовал, что не поделился с Мией.

– Со своей едой нельзя, – заметил официант, подходя к столу, чтобы убрать бокал.

– Даже нюхать? – удивился Джим.

– Нюхать можно, – рассмеялся парень.

Джим вновь завернул завтрак от Джерарда, решив, что он сгодится и на ужин, и подумал, что если Джерард мечтает о таком сыне, как Патрокл, то ему, Джиму, вполне позволительно мечтать о таком отце, как Джерард. Потом достал фотографию Эмили Уайт и долго смотрел на нее, пропитываясь уже знакомым ощущением узнавания. Нет, все же оно отличалось от того чувства, которое он испытал при виде Меган Тернер. И отличалось сильно. И это тоже почему-то понравилось Джиму. Вслед за этим он разглядел фото от Салли Манн со всплывающей девочкой и взгляделся в цифры. Они были написаны точно тем же почерком, которым был написан девиз на обороте фотографии Эмили. «Veritas temporis filia» и «7Г-275-153-215». Патрокл говорил о Гаврииле и седьмом секторе. Если «7Г» – это – то самое, то, что тогда «275-153-215»? И как Патрокл связан с Эмили Уайт? Неужели он с ней в сговоре?

Джим открыл карту Города и без труда отыскал седьмой сектор. Он был довольно далеко от площади Согласия, но не настолько, чтобы спускаться в подземку. Семь или восемь миль Джим вполне мог пройти пешком, тем более что ему было нужно многое обдумать, да и странное ощущение нехватки какой-то нагрузки тело по-прежнему испытывало. Двести семьдесят пятая улица в седьмом секторе имела. Сто пятьдесят третий дом оказался одной из высоток. Забивать в поиск номер квартиры Джим не стал. Вместо этого он перебрал несколько ссылок на ближайшие камеры хранения и выбрал ту, у которой в отзывах было полно возмущений, что даже запах испорченных продуктов не заставляет эту компанию вскрыть подозрительную ячейку, а вместо этого она ее герметизирует и начинает разыскивать хозяина тухлятины.

Через пару часов Джим арендовал ячейку в этом хранилище и оставил там сумку, свою куртку, кошель, из которого он достал горсть монет, а так же жилет с большей частью патронов, надев в ближайшем туалете купленный в какой-то лавке вязанный кардиган, вполне подходящий к его облику унылого обывателя, хотя сам кардиган ожидаемо в зеркале оказался не

виден. С собой у него остались только удостоверение некоего Уилла Брауна, консультанта по сантехническому оборудованию, карта, пистолет и меч, который он спрятал под кардиганом, надев на шею. Еще через три часа, когда этот ужасно длинный день наконец начал клониться к закату, Джим уже стоял возле нужной ему высоты. И именно в этот момент его телефон зазвонил. Это была Меган Тернер.

– Вы все сделали так, как я советовала? – спросила она.

– Да, – ответил Джим. – Хотя я и до сих пор удивляюсь, что поверил вам. Уж слишком все это напоминает безумие.

– Безумием мои коллеги по службе считают мое предположение, что боты всех видов по сути ничем не отличаются от людей, – парировала Меган. – Их охватывает ужас, когда они только пытаются себе представить, что личности можно печь так же, как пирожки.

– Но ведь это не так? – предположил Джим.

– Да, это не так, – согласилась Меган. – Но результат именно тот самый. И чем дальше, тем больше я об этом думаю.

– Почему вы решили помочь нам? – спросил Джим.

– Глушилка все еще у вас в ухе? – спросила в ответ Меган.

– Да, – кивнул Джим, как будто она могла его увидеть. – Хотя она мне уже порядком надоела. Но я надеюсь скоро решить эту проблему.

– Это важно, – отметила Меган. – Хотя вот прямо сейчас я сижу в своем офисе в Арлингтоне, смотрю из окна своего кабинета на вечерний город и не могу поверить, что говорю по телефону с персонажем игры. Даже такой игры, как Extensio. Хотя, надо признать, это требует серьезных технических ухищрений. Кто бы мне сказал, где тут реальность переходит в вымысел?

– Миа сказала, что вы член попечительского совета киностудии, которая снимала наш сериал, – заметил Джим. – Я имею в виду двести тридцать девять серий «Счастливого Джима».

– Это отдельная история, когда-нибудь мы ее обсудим, – сказала Меган. – Это была просьба моей подруги. Я выполнила все, о чем мы говорили при ее жизни, и о чем она меня просила уже после своей смерти. Выполнила со всей возможной скрупулезностью. И я очень горевала о ее гибели. Она была убита в коконе.

– То есть? – не понял Джим.

– Повторяю главное, – понизила голос Меган. – Она была убита в коконе, но убита в игре. Из игры, понимаете? То есть, у тех, кто это совершил, есть способ убивать игрока, который входит в игру из кокона. Понятно, что это не практикуется, игроки – это деньги, но такой способ есть.

– Почему это меня должно беспокоить? – спросил Джим. – Я же не в коконе? Разве только девочка, которую я ищу, дочь Оливии Миллер, где-то лежит в таком коконе?

– Об этом я и хочу с вами поговорить, – продолжила Меган. – Оливии Миллер – нет. Это аватар, под которым в игру выходила моя подруга. Это я появилась перед вами, вооружившись собственной внешностью, у моей подруги в силу некоторых обстоятельств такой возможности не было. Так что Оливия Миллер – не более, чем инструмент, который, скажем так, обрел некоторую субъектность. Или, если выразаться точнее, попал в чужие руки. Далее, вы должны отдавать себе отчет, что у моей подруги в реальной жизни не было ни дочери, ни сына. Опустим некоторые сопутствующие обстоятельства, и отметим, что несколько часов назад по линии, которую никто не знал, позвонила девушка. Она представилась Эмили Уайт, назвалась дочерью моей подруги, произнесла кодовые слова и сказала, что нужно запустить протокол номер два для троих персонажей. Для Джеймса Лаки Бейкера, Себастьяна Коулмана и Мии Макензи. Назвала место, где я вас могу найти. То есть, она передала мне информацию, которую никто не мог знать, кроме моей подруги. Той, с которой мы любили посидеть в кафе и поболтать о

том и о сем, как бы ее ни звали на самом деле. Той, с кем я не разговаривала уже три года. Той, которую я похоронила уже десять лет как. Вам это ясно?

– То есть, – уточнил Джим, – вы хотите сказать, что как минимум семь лет из последних десяти общались со своей ранее умершей подругой?

– Убитой, – поправила Джима Меган. – Не заставляйте меня тратить время на излишние объяснения. Примите это как данность. Я же говорю с вами, хотя, скажем так, физически вас вовсе никогда не существовало?

– Спасибо, – поблагодарил Меган Джим.

– Не за что, – вздохнула она. – Хотя, наверное, следует объясниться. Семь лет из этих десяти я видела свою подругу только в облике Оливии Миллер и только в игре.

– А в игре у нее дочь была? – уточнил Джим.

– Я не знаю, могу ли обсуждать с вами этот аспект, – призналась Меган. – По моему скромному разумению моя подруга была гением. У нее было много возможностей и еще больше проектов. В том числе таких, о которых в моем присутствии она даже не упоминала. Но о протоколе номер два я была поставлена в известность специально. Это была ее придумка на случай непредвиденных обстоятельств. Что касается дочери... В конце концов, она могла вложить в это понятие – «дочь» – свой собственный смысл. Да и удочерить кого-нибудь она тоже могла. Скажем так... Чтобы не погрешить против истины. Меня со своей дочерью она не знакомила. Вы ведь должны найти эту девушку?

– Да, – подтвердил Джим. – По договору, который мы не успели заключить, с Оливией Миллер, которая по вашим словам уже не та Оливия Миллер. Но по которому она успела внести предоплату. Значительную сумму, кстати. Но ведь вы уже знаете об этом?

– Не думайте о деньгах, – оборвала Джима Меган. – Думайте об Эмили. В любом случае она как-то связана с моей подругой. А у меня в отношении нее есть... некоторые обязательства. Что касается всего остального. Вот вам информация уже из других источников, которая была подтверждена Эмили в деталях. Дейв Йорк не тот, за кого себя выдает. Более того, он тот, из-за которого моя подруга лишилась три года назад своего аватара. А возможно и своей цифровой личности, если вы понимаете, о чем идет речь.

– Вот уже три дня думаю именно об этом, когда смотрю на себя в зеркало, – хмыкнул Джим. – Скажите, значит ли это, что Дейв Йорк – не человек?

– А Сэм Джерард человек? – спросила Меган.

– Мне хочется ответить, что да, – сказал Джим.

– И мне, – согласилась Меган. – Так что, ваш вопрос теряет не только эмоциональную окраску, но и смысл. Значение. С точки зрения фактуры, Дейв не человек. Он бот со вполне приличным послужным списком. Но что-то произошло с ним некоторое количество лет назад. Полагаю, вы в этом разберетесь лучше меня, хотя я и не советовала бы к нему приближаться. Я и сама не все могу понять. Но он очень опасен, имейте это в виду.

– Что мне делать? – спросил Джим. – Я так понимаю, что протокол номер два удался? Что дальше? Эмили оставила телефон, еще что-то?

– Ничего, – вздохнула Меган. – Она звонила по защищенной линии. Сказала лишь, чтобы вы выполняли свою работу, но не упускали ничего. И чтобы берегли себя. Сказала, что это очень важно.

– Спасибо, – хмыкнул Джим. – Радует, что хотя бы маленькой юркой рыбке, которую хочет поймать рыбак, не все равно, как он себя чувствует.

– Вы не совсем правильно представляете стоящую перед вами задачу, – заметила Меган.

– Постараюсь представить ее правильно, – пообещал Джим. – Как только уясню ее суть. Я смогу вам еще позвонить?

– Нет, – ответила Меган. – Я сама позвоню, когда почувствую, что пришло время. Я могу следить за происходящим в игре, но не более того. Примерно так же, как могу следить за тем, что происходит в том же Нью-Йорке, используя вебкамеры, расставленные по городу.

– Компьютер перед вами? – спросил Джим.

– Да, – ответила Меган.

– Вы можете посмотреть, что находится на перекрестке Коламбус Авеню и Сотой улицы? – попросил Джим. – Старбакс или... мой офис.

– Вынуждена вас разочаровать, – сказала Меган. – Старбакс. Я хорошо знаю это место. У вас есть еще вопросы? Я должна прервать разговор.

– Много, но я задам всего два, – сказал Джим. – Что значит, если «я встретила Джима, и он меня не узнал, то в двойной опасности»?

– Подруга готовила кого-то, – сказала после короткой паузы Меган. – Как она говорила, хорошего и надежного парня, который все исправит. Правда, прошло уже три года, и я стала думать, что этот проект провалился... Хотя и продолжала поддерживать сериал, не зная о его точном назначении. Кстати, протокол номер два кроме всего прочего означает, что сериал должен быть закрыт. Так что теперь мне кажется, что она имела в виду вас. Хотя вы и отличаетесь от своего сериального прототипа. По ее словам, этот парень должен был меня узнать. Если вы меня не узнали, значит, в вас покопались и кое-что подправили. По-моему, это признак опасности. Не находите?

– Почему же тогда вы рискуете общаться со мной? – спросил Джим.

– Она сказала, что подчинить вас полностью – невозможно, – ответила Меган. – Этот ответ вас устроит?

– Отчасти, – задумался Джим. – Что такое «протокол номер один»?

– Уничтожение Extensio, – ответила Меган и, прежде чем нажать отбой, добавила. – В том случае, если игра будет представлять опасность для реальности.

Джим постоял еще какое-то время на том самом месте, на котором принял последний звонок Меган Тернер, после чего все-таки подошел к высотке и набрал на домофоне число «215».

– Кто? – раздался в динамике усталый голос.

– Уилл Браун, мастер...

– Что надо? – перебил его голос.

– Мне нужен человек по им....

– Никаких имен! – зло оборвал его голос. – Что надо?

– В ухе зудит, – сказал Джим. – Такая маленькая хрень с желтой пимпочкой. Невыносимо.

– От кого? – спросил голос.

– От кого зудит? – не понял Джим. – Ну, одна женщина...

– От кого ты пришел, – рявкнул голос. – Имя!

– То никаких имен, то имя, – растерялся Джим. – От Патрокла.

– Заходи, – буркнул голос, и дверь открылась.

Глава шестая. Гавриил и конспирация

Джима накрыло еще в лифте. То ли зуд в ухе стал вовсе невыносим, то ли он сам себе показался заточённым не то что в чужом теле, а в чужом мире. Придавленным обвалом в глубоком подземелье, где кричи – не кричи, никто не услышит, а воздух кончается, его уже нет, осталось только на выдох, а вдохом будет уже только жидкая грязь или пыль. Джим вышел из лифта в узком коридоре пятого этажа и присел, сполз по стене напротив лестницы, чтобы отдышаться, прийти в себя, и сидел так, наверное минут пять, покуда легкий сквозняк не дал ему знать, что в конце длинного коридора, в самом тупике открылась одна из дверей и выглянувший из нее растрепанный черноволосый человек испепеляет Джима взглядом.

– Ты чего уселся, старичок? – прошелестел незнакомец чуть слышно не меньше чем за полсотни ярдов, но Джим услышал каждый звук, каждый оттенок презрения в его фразе. В самом деле, что это он расселся? Может быть, визуары от Меган Тернер меняли не только облик, но и внутреннее содержание? Ну, уж нет.

Он легко поднялся и пошел к нужной ему двери, которая очевидно совпадала с незнакомцем, одетым или в пижаму или во что-то застиранное до невесомости ткани и отсутствия у нее цвета.

– Визуары снимай, – сухо произнес человек, закрыв за Джимом дверь и пошел в комнату. Проследовав за ним, Джим огляделся. Квартира была нежилой. Кроме двух железных стульев, ободранного стола, двери в другую комнату и суковатой палки в углу – в ней ничего не было. Ни обоев на стенах, ни покрытия на бетонном полу. Разве только на окнах висело что-то вроде тяжелых штор, в щель между которыми тускло светило вечернее солнце. Из потолка торчал провод с электропатроном, в котором помаргивала лампа. Человек снял с подоконника пластиковый поднос, какие-то ремни, задернул шторы и бросил поднос на стол, зло буркнув при этом:

– Оглох, что ли? Визуары снимай.

– Вы Гавриил? – решил уточнить Джим.

– Будет тебе Гавриил, – процедил сквозь зубы человек. – Делай, что говорю. Визуары, оружие, все, что есть, на этот поднос. Ничего не пропадет, не бойся. Или тебя не инструктировали?

– Не стали, – поморщился Джим, потрогав ухо. – У меня не было глушилки в ухе, когда я узнал об этой возможности.

– Об этой необходимости, – поправил Джима человек. – В любом случае, мы ждали здесь только тебя. Вчера заглядывал Патрокл, попросил задержаться, сказал, что должен прийти длинный придурок с тоской в глазах.

– Он не мог так сказать, – мотнул головой Джим и снова поморщился от зуда в ухе.

– Откуда ты знаешь? – ехидно улыбнулся человек. – Он мог говорить, что угодно, а я услышал то, что услышал. Если что, насчет тоски он угадал, но не добрал по яркости.

В соседней комнате послышался плач.

– Тихо! – рявкнул человек, обернувшись к двери, хотя тут же смягчил голос. – Я скоро, не шуми, птичка моя! Сейчас все будет.

Плач затих.

– Как мне найти Патрокла? – спросил Джим.

– Я тебе не сводня, – поморщился человек. – Нитку он не оставил, подергать не за что. Захочет – сам найдется. Захочешь ты – найдешь. Не найдешь, значит, плохо хотел. Что тут у нас? Пистолетик... Пара запасных магазинов. Карта. Удостоверение. Поддельное, но качественное. Чуть золотишка и серебра. Визуары. Неплохие, на пять режимов, только непонятно, отчего ты лицевой режим топчешь? У тебя ж под него бумажка. Его беречь надо. А говоришь, что не придурок. Придурок и есть.

– Как вас зовут? – спросил Джим.

– Никак, – буркнул человек. – Зачем тебе?

– Сколько я буду вам должен? – спросил Джим.

– Сколько не жалко, – ответил человек. – Если что, половины монет, что принес, хватит.

У меня другой интерес имеется.

– Какой же? – не понял Джим.

– Тот, что у тебя в башке, – засмеялся человек. – Ты думаешь, что я стираю это? Я это забираю.

– Так Гавриил это вы? – снова уточнил Джим.

– Не спеши, – оскалился человек. – Руки давай.

– Зачем? – спросил Джим, глядя на приготовленные ремни.

– Вязать тебя буду, – сказал человек. – Чтобы ты сам не покалечился и других не покалечил. Не нравится, можешь идти куда шел. Я не обеднею.

– Давайте, – вытянул перед собой руки Джим, потом послушно завел их за спину, а когда человек стал прикручивать перехваченные ремнями петлями запястья к стулу, спросил. – Что будете забирать?

– А что надо? – поинтересовался человек, захлестывая ремнями грудь Джима. – Народ вроде эльфов или гномов тех же порой просит все человеческое вычистить, чтобы ничего не осталось. Кое-кто просит и вложить что-то, но это теперь не ко мне. Слишком хлопотно. Надоело.

– Мне нужно программу слежения убрать, – поморщился Джим. – Не уверен, что она есть, но может быть.

– Это легко, – кивнул человек. – Обычная процедура. Конечно, если программа стандартная. Еще что?

– Взглянуть, – что там у меня еще есть, – попросил Джим. – Хотя бы в общих чертах. Иногда всплывают... странные воспоминания. Возможно, посмотреть, чего нет, хотя должно быть.

– Это можно, – кивнул человек. – Но только в общих. Разворачивать – себе дороже. Да и посыпаться развернутое может. А уж чего нет, того нет. Хотя, если найду обрывки... Только я ведь под это дело все твои монетки подгребу.

– Хорошо, – согласился Джим. – Сколько это займет времени?

– Пять минут на программу и минут десять на остальное, – пожал плечами человек, придвигая к стулу Джима второй стул. – Значит так. Если даешь добро, начинаем работать. Дальше я уже по своему выбору действовать стану. Это ведь похуже, чем у зубного техника без обезболивания сидеть. Ерзать бесполезно, пока дело не сделаю, не отпущу. Кричать не советую, соседи могут вызвать полицию. Ты понял?

– Понял, – кивнул Джим.

– И вот еще что, – скривил губы человек. – Когда начну процедуру, выдерну глушилку и раздавлю ее. Первые минут пять буду зонировать твою программу считай что по-живому. Особо головой не крути в эти пять минут. Задержу проверку, те, кто тебя на контроль посадил, могут ведь и пеленг бросить. Выпутываться сам будешь, если что.

– Тебя это, значит, не беспокоит, – понял Джим.

– Меня все беспокоит, – процедил сквозь зубы человек. – Но у меня не только перед тобой обязательства. Гавриил! Пора!

– Я иду, Ганс, – послышалось из-за двери, и на пороге второй комнаты появился ребенок.

Это был черноволосый мальчишка лет восьми. Первое, что бросилось в глаза Джиму, так это худое и заплаканное лицо и глубокие тени под глазами. Мальчишка был одет в такую же белую или застиранную до обеления рубаху, что и его старший напарник, но она свисала почти до детских колен. Из-под рубахи были видны тонкие ноги и тапки в виде двух спящих котят, что странным образом успокоило Джима. Впрочем ненадолго.

– Садись, – показал на стул мальчишке Ганс, а когда тот уселся, сдернул с ребенка рубаху, оставив того голым. Первое, что разглядел Джим, было не слабое, почти рахитичное тело, а неестественно большой живот, который лежал на коленях мальчишки. Но задержался Джим не от отвращения к этому животу, и не от землистого цвета безвольного тела, а от того, что увидел выше. Из плеч мальчишки торчала вторая пара крохотных ручек.

– Сиди, – жестко надавил на плечо Джима Ганс. – Неужто урода видел вблизи? Так вот, Гавриил сродни им, но не урод. Хочешь очиститься – сиди. Не хочешь, дай знак. Отвяжу и дверь открою. Ясно?

– Ясно, – выдохнул Джим.

– Давай, мой хороший, – ласково обратился к ребенку Ганс. – Не медли.

И мальчик запел.

Мальчик запел. Он запел негромко, и в песне его не было никаких слов. Возможно, их просто было невозможно подобрать для этой песни из-за непостоянства ее ритма, поэтому мальчик тянул всего лишь один звук, что-то среднее между «О» и «А», но то изменение высоты и тона, которое он применял, однозначно делало это звукоизвлечение песней и уж во всяком случае одаривало мелодией, которая менялась каждую секунду, не повторялась ни единым тактом, но оставалась чем-то цельным и беспощадным. Она покоряла, уничтожала, приподнимала, чтобы сбросить с огромной высоты, и сбрасывала, и подхватывала у самой земли, и уж точно одаривала какой-то легкостью. Джим даже потряс головой, настолько завораживающим был голос ребенка, хотя тот уже не смотрел в лицо Джиму, а просто пел с закрытыми глазами, и только тут заметил, что безобразный живот мальчишки почти исчез, а там, где на плечах ребенка были рудименты крохотных рук, – появились крылья. Сначала это были маленькие крылышки, но они становились больше с каждой секундой, пока не поднялись двумя белоснежными силуэтами за спиной мальчишки, скрывая держащего его за плечи Ганса. Потом эти крылья распростерлись в стороны и соединились над головой Джима, погружая его в тень. Вслед за этим Джим почувствовал, как кто-то выдергивает у него из уха глушилку, услышал хруст раздавленного прибора и даже успел почувствовать блаженство избавления от размалывающего его зуда, как вдруг понял, что распадается на тысячу частей, которые сталкиваются с друг другом, вращаясь в мглистом смерче на том самом месте, где он только что сидел, прикрученный ремнями к стулу. И эта тысяча частей услышала тысячу пар ушей тихие, но пронзительные слова Ганса:

– Время пошло, приятель, на таймере выставлено пять минут, начинаем стандартную процедуру. Постарайся не отвлекаться на неприятные ощущения. Погрузись в воспоминания, которые будут проявлять себя. Поэтому закрой глаза. Ты в любом случае увидишь больше, чем сможем увидеть мы.

Боль пришла сразу после этих слов. В каждую из этих тысяч или десятков тысяч частей. Пришла и захватила их все. Слилась в одно целое. Спаяла их намертво. Умножилась. Обожгла пламенем и холодом одновременно. Рассекла Джима стальной сеткой. Впилась в его ступни и

поползла вверх, раздирая и выворачивая его наизнанку. И сквозь эту багровую стену, которая стала заливать его существо под веками, донесся раздраженный голос Ганса:

– Твою же мать, это же не стандартная контролька! Кто же так тебя спеленал, парень? Да кто ты такой, черт тебя раздери...

Джим стоял на Девичьем мосту. Прямо перед ним висела на поручнях моста, болтая крохотными ножками, малышка, чем-то напоминающая Эмили Уайт. В руках у Джима было что-то вроде глевии или простого копья. Что-то вроде того, что должно было вселять в него уверенность. И эта уверенность жила в нем. Но ее было недостаточно, чтобы перейти мост. Эта была уверенность в том, что он не сможет его перейти.

– Ну, – раздался звонкий голосок девочки. – И что ты решил?

– Я еще думаю, – ответил Джим. – Может быть, ты все же поосторонишься? И я пройду мимо тебя?

– Бесплезно, – скорчила гримасу девочка. – Пройти мимо нельзя. Это же квест, игра. Даже если бы я и захотела, чтобы ты прошел. Один дядя даже пытался миновать меня, перебирая руками доски под мостом. Он свалился в пропасть. Там внизу такая же прозрачная стена, что и здесь. Ее можно пробить только оружием. Но тогда ты убьешь меня. Эта стена я и есть.

– Тебя часто убивают? – спросил Джим.

– Часто, – грустно кивнула девочка.

– И что ты при этом чувствуешь? – спросил Джим.

– Мне очень больно, – призналась девочка. – Но недолго. Почти сразу наступает облегчение. Но я помню эту боль, и это самое страшное. Что ты собираешься делать? О чем ты думаешь?

– Я не могу тебя убить, – признался Джим.

– Каждый десятый не может, – вздохнула девочка.

– Но девять могут, – уточнил Джим.

– Девять могут, – согласилась девочка. – А каждый десятый – нет.

– И что они делают? – спросил Джим. – Что делают эти десятые?

– Обычно уходят, – пожала плечами девочка. – Некоторые остаются и защищают меня.

– Кажется, мне подходит второе, – решил Джим.

– Но тебя-то точно убьют, – удивилась девочка. – Рано или поздно.

– Ничего страшного, – сказал Джим. – Я игрок. Перезагрузусь. И в следующий раз сразу пойду через другой мост.

– А меня убьют, – прошептала девочка. – Если ты этого не увидишь, тебе будет легче? Или ты снова придешь за мной?

– Мама, мне очень больно.

– Потерпи немного, Джим. Скоро тебе будет легче. Не заставляй меня плакать. Потерпи.

– Я терплю.

– Я вижу.

Ослепительное испепеляющее солнце. Раскаленные обжигающие латы. Белый, залитый кровью песок. Легкий горячий ветер, развевающий ленты, прихваченные к копьям. И серые циклопические стены, за которыми укрылись не только те враги, с которыми Джим должен будет скрестить оружие, но и те, что стоят на стенах, не прячась от стрел, и смотрят на него как на насекомое. Которые могут стереть его в пыль щелчком пальцев. Которые не убивают его вроде бы потому, что где-то за его спиной есть кое-кто сравнимый могуществом с ними, но по сути лишь из-за того, что и те, и другие хотят позабавиться. Все хотят позабавиться. И его защитники, и его недруги. И он позабавит их так же, как сейчас они забавляют его, пусть даже никто из тех, кто стоит рядом, их не видит. Вот они стоят на крепостных зубцах, неподвластные даже выпущенным из катапульт камням, исполненные всевластия и самодовольства, и ждут, когда он или убьет кого-то, или сам будет убит. Силой собственной крови Джим может разглядеть каждого. Опоясанную магией искушения, рожденную из пены и как никто умеющую ненавидеть красавицу. Ее возлюбленного, для которого ненависть, а так же коварство и злоба подобны желанному напитку, вкус которого неотличим от вкуса смерти. Златокудрого, сребролукого и светоносного красавца, исполненного всесилы, надменности и всепоглощающей ревности ко всякому, кто дерзнет приблизиться к тайнам искусства. Его прекрасную сестрицу-охотницу, слывущую идеалом стройности и источником целомудрия и счастья. Ее мать, претерпевшую столько, что она даже на поле битвы никак не может оторваться от своих детей. Их приятеля, трясущегося над чистотой доверенных ему рек. И еще кого-то из слуг и прихлебателей, чьи силуэты подобны струям падающего у горизонта дождя...

– Черт тебя раздери, приятель! Двадцать минут! Двадцать минут пришлось потратить на твою прошивку! Я уж думал, что не справимся. Кто это тебя так? Да какая разница? Убираемся отсюда! У нас остались считанные минуты. Секунды!

Ганс был в ярости. Напротив Джима сидел на стуле уже не восьмилетний истерзанный мальчик, а сытый и отвратительный подросток лет двенадцати. И живот его за последние двадцать минут явно удвоился.

– Гавриил! – рявкнул Ганс, бросая ему рубашку. – Надевай немедленно! Надеюсь, она не треснет на твоём животе.

– Что со мной? – спросил Джим, сплевывая кровь. По ощущениям, его долго и упорно били ногами.

– Откуда я знаю, – прорычал Ганс, сбрасывая монеты с подноса в ладонь. – Кто-то тебя очень любит. Точно так же, как любят яд, который подкладывают в еду или питье недругу. Или другу. Все зависит от обстоятельств. Кстати, я понятия не имею, как ты все это выдержал. Любой другой сдох бы уже на десятой минуте. Я уж думал, труп буду вытаскивать из под пацана.

– Вы вытащили это из меня? – спросил Джим, пытаясь преодолеть пронизывающую его слабость и с отвращением смотря на то, как Гавриил со сладкой улыбкой медленно натягивает на живот рубаху.

– Мы обожрались твоей начинкой, – фыркнул Ганс и бросился помогать Гавриилу. – Выпили все без остатка. Мальчик полакомился бы и еще, когда он обжирается, то забывает об умеренности, но все остальное твое нутро слишком плотно упаковано. Там есть еще какая-то программа, но она не для слежки. Она для исполнения. Похоже, в ней твой смысл. А уж что под ней спрятано, не ко мне вопрос. Возможно, она просто будит твои воспоминания. Только ты

сам можешь в этом разобраться. Те, кто бросил в тебя эту сложнейшую программу слежения, и то не смогли ее снять, хотя что-то они и стерли. Следы от попыток взлома имеются в достатке. В любом случае, твоя программа сделана умельцем высшего класса. Она ж ведь еще и твоей прокачке препятствует. Зачем? Вот это ты можешь объяснить? Ты же, вроде, недавно убил бойца девятого уровня? И где результат? Где твои бонусы? Нет их! Вот этого я точно понять не могу.

– Что значит, «для исполнения», – спросил Джим, пытаясь освободиться от пут. – Я что, обращаюсь в раба?

– Вот уж чего не знаю, того не знаю, – бросился во вторую комнату и подхватил там какую-то сумку Ганс. – От тебя зависит. Но какую-то информацию ты получишь без сомнения. Конечно, если она запустится. В ней твоя тайна. В ней!

– Как ее запустить? – спросил Джим, пытаясь встать вместе со стулом. – Да освободите же меня!

– Не знаю я, как ее запустить! – почти заорал Ганс, пытаясь расшевелить Гавриила. – Ключ может быть каким угодно! Словом, надписью, запахом, образом, вкусом, местом! Не знаю! Может, ты чихнуть должен, не знаю! Да черт же меня раздери! Они уже здесь!

Джим услышал за спиной какой-то треск, и уже разворачиваясь вместе со стулом, прежде чем увидел начинающее проявляться на стене комнаты зеркальное пятно, успел заметить, что Ганс дернул за шиворот скорчившего плаксивую физиономию и причитающего – «Ненавижу тебя, Грубер. Ненавижу!» – Гавриила, подхватил суковатую палку, ударил ею в другую стену и скрылся вместе с хныкающим подростком почти в таком же мерцающем пятне, которое тут же исчезло.

– Будь я проклят! – зарычал Джим, прыгнул спиной на стол, нащупал среди обломков стула эфес меча и нажал на его сенсор, надеясь, что не отрежет себе что-то жизненно важное.

Он освободился от пут почти мгновенно и даже успел рассовать по карманам удостоверение, карту, пистолет и запасные магазины, выключить и повесить на шею меч, нацепить на нос визуары и переключить режим, избавляясь от висюлогого образа, когда из пятна вывалилась пятерка широкоплечих типов в черной форме со значком тройной молнии на рукавах. Увидев Джима, они замешкались на секунду, ему даже почудилось удивление на их лицах, и эта секунда позволила ему оттолкнуть первых двух и прорваться к двери. Он успел выбежать в общий коридор, когда почувствовал жжение возле левой лопатки и, вывернувшись, сорвал со спины что-то напоминающее сантиметрового хромированного клеща. Стеклоанная ампула в его брюшке была почти пуста, на остром жале висела капля маслянистой жидкости. Джим принюхался к ней, почувствовал запах миндаля и чего-то сладкого и пошатнулся. Из дверей оставленной квартиры, не торопясь и посмеиваясь, выходила пятерка группы захвата. Их фигуры троились и расплывались. Они никуда не спешили. Джим потер под визуарами глаза, что вызвало еще больший смех у группы захвата, и прислонился к стене.

– Взяти, – крикнул один из бойцов, прижимая ладонь к уху. – Декодер ушел, но клиент тут. Еще минута и упакуем. Красавица. Хотя могла быть и помоложе.

Джим, морщась и мотая головой, начал медленно пятиться. Яд проникал в его руки и ноги, туманил голову, но одновременно с этим становился менее концентрированным. Или это ему казалось? В голове гудело, но что это было в сравнении с пыткой глушилкой? Неужели они всерьез думают, что он сдастся? И почему он – красавица?

– Хотя она, кажется, не согласна, – заметил боец. – Можете взглянуть, кстати. Получила лошадиную дозу парализатора, и все еще пытается устоять на ногах.

Зеркальное пятно стало проявляться теперь уже за спинами бойцов, точно на уровне двери, из которой только что выбежал Джим. Но сейчас он бежать не мог. Ноги едва держали его. В тридцати ярдах от него, прижимаясь спинами к стене, сгруппировались пять членов группы захвата. Они медленно переступали в его сторону. У каждого в руках было что-то вроде дубинки с шокером. У одного из них – то, что выпустило этого клеща. На поясах, под одеждой, еще какое-то оружие. А он не мог бежать. А если их станет больше?

Он отступил еще на пять шагов и снова замотал головой. Зеркальное пятно тем временем выросло и внезапно обратилось отверстием от потолка до пола. И внутри этого отверстия он несмотря на туман в голове вдруг отчетливо разглядел отделанное с роскошью помещение, в самом центре которого, точно под портретом Оливии Миллер стоял не слишком высокий, но и не низкорослый подтянутый человек в чем-то, напоминающем военный френч. И этот человек внимательно вглядывался в Джима, как будто хотел увидеть больше, чем ему было представлено. И когда Джим отступил еще на пару шагов, холодно приказал:

– Взять его.

Джим начал стрелять в ту же секунду. Стрелять в рванувшихся к нему бойцов. Стрелять почти наугад, поскольку перед глазами все плыло, только фигура незнакомца в отверстии казалась отчетливой. Одну за другой он выпустил все пули в группу захвата, положив ее на пол, и только после этого пожалел, что не сделал ни единого выстрела в сторону незнакомца. Пытаясь преодолеть новую волну мути и разглядеть, остается ли реальной угроза, Джим достал новый магазин, но тут же заметил или почувствовал второе или уже третье пятно, проявляющееся прямо напротив него, и побежал к лестнице.

До четвертого этажа он с трудом волочил ноги и крепко держался за перила. До третьего он спускался, прихрамывая и все еще мотая головой. После третьего он уже пытался идти твердо. И на полпути между третьим и вторым этажами услышал грохот башмаков и наверху, и внизу. Решение пришло мгновенно, Джим выбил ногами окно на площадке и прыгнул в вечернюю мглу.

Ему повезло. Он не сломал и не подвернул ноги. Выход из высотки был на другую сторону, а с этой стороны под его ногами оказались цветочные клумбы. Еще больше ему повезло в том, что никто не прыгнул вслед за ним, это давало ему до пяти секунд форы, которые он мог растерять, если не заставит себя бежать. И все-таки Джим сначала похлопал себя по карманам, убедился, что ничего не потерял, и только потом медленно пошел в сторону низких строений, которые и в этом секторе Города окружали высотки, создавая некий особый уют европейской старины. Когда за его спиной наконец раздались крики и топот, он успел удалиться на пару сотен ярдов и побежал уже по-настоящему. Он бежал, и каждый следующий шаг как будто прибавлял ему сил. Через четверть мили он перестал слышать топот преследователей. Через половину мили его пробил пот, и все тело охватила безмерная усталость. Когда за спиной была уже миля, от усталости не осталось и следа. Он ускорялся с каждым шагом, выбирал наименее освещенные улицы, поворачивал, снова поворачивал, стараясь удалиться от седьмого сектора или хотя бы двигаться к его краю, и все это время бежал, бежал и бежал. Это было сродни упорству. Вот, чего требовало его тело. Бега. Наверное, ему были бы в радость и другие упражнения, но именно бег оказался необходимым и желанным средством. Джиму даже казалось, что кровь горит в его венах и сжигает этот сладкий яд. И он успел взмокнуть от пота и высохнуть от ветра, который обдувал его на бегу.

Он остановился только через пару часов, да и то лишь потому, что стало трудно выбирать темные улочки, впереди лежали только ярко-освещенные проспекты, по которым прогуливались горожане. Бег среди праздности и вальяжности привлек бы к себе слишком много вни-

мания. Здесь, под яркими электрическими огнями, можно было спрятаться, не убегая. Кого здесь только не было. Между магазинами и открытыми кафе в майской прохладе прогуливались люди или боты всех национальностей и возрастов, одетые по самой разной моде. Гномы с женами и детьми, которые старались держаться особняком и отличались группа от группы цветом затейливых колпаков. Эльфы, что умудрялись окатывать презрением окружающих, даже не удостоивая их взглядом. Какие-то зеленые бродяги, и сущие чудовища в узорных одеждах. Железные парни, напоминающие 413-ого. Люди с собачьими головами, заставившие Джима остолбенеть на несколько секунд. И еще кто-то, к кому он предпочел не приглядываться. В конце концов он пригляделся к самому себе. Бросил взгляд в одну из витрин и увидел в отражении растрепанную седую старуху выше шести футов ростом с лицом из сказок про лесную ведьму.

– А с чувством юмора у тебя, Меган Тернер, очень даже неплохо, – пробормотал Джим. – С другой стороны, не будь я старухой, может быть, мне и не удалось бы уйти.

Он одернул себя мгновенно, повернул в первый же не столь ярко освещенный двор и вышел на соседнюю улицу в уже становящимся привычным образе вислоусого. Магазинов на ней оказалось полно, и вскоре Джим с пакетами одежды звонил в двери миниотеля «номер на час».

– А где дама? – поинтересовался портье, высовываясь из своего окошка. – Или у тебя другие предпочтения?

– Два часа без дам, – попросил Джим. – Дома надоели. Не продохнуть. Хочу посидеть в тишине.

– Понимаю, – сочувственно посмотрел на вислоусого портье. – Сам здесь отдыхаю. Бери вот этот номер. Он служебный, я даже регистрировать тебя не стану. Первый этаж, правда, но окна выходят во двор, там потише будет. Да, если что, ноутбук и выход в сеть там есть. Мало ли, вдруг передумаешь... Хоть виртуально. Звук-то можно выключить. Как насчет этого? – он показал Джиму бутылку финской водки. – Недорого возьму, можно оплатить с карты. 60 градусов. Почти спирт!

– Давай, – кивнул Джим.

Следующие полтора часа Джим отмокал в душе, прислушивался к стонам и ругательствам, которые доносились через тонкие стены из соседних номеров, переодевался и думал. О том, что только сегодняшним утром он садился в лодку и переправлялся на левой берег реки, которую Джерард назвал «Наш Гудзон», и вот уже через четыре или пять часов закончатся его первые сутки в городе, и в эти сутки вместилось столько всего, что хватило бы на полторы, а то и на две серии «Счастливчика Джима». Интересно, что там накопала Миа о сериале? И чем был так обеспокоен Себастьян? И кто был тот человек в открывшемся провале в стене? И что это за технология, которой воспользовался этот самый Ганс или Ханс Грубер со своим странным помощником? Или же у человека, пославшего за Джимом пятерку мордovorотов, технология та же самая?

Джим включил ноутбук, с некоторым трудом разобрался в его кнопках, вышел в сеть, пощелкал новостные программы и почти сразу обнаружил того самого человека с пристальным взглядом. Это был начальник полиции Инфернума Дейв Йорк собственной персоной.

В этот самый момент завибрировал его телефон. На экране появилась Миа в своем привычном образе.

– Я не слишком поздно? – спросила она.

– Ну, – он не сдержал улыбки, – если забыть, что уже час ночи, то нормально.

– Да просто места себе не нахожу, – призналась она. – Вы как, босс?

– Не без приключений, – сказал он, – но вроде бы успешно. Кажется, очистил свою грешную голову от дурных мыслей. Или хотя бы от дурных склонностей. Но последнее вряд ли надолго.

– У нас тоже все в порядке, – радостно зачастила Миа. – Себастьян очень рад, что мы вырвались из управления. Оказывается, он разузнал, что этот начальник полиции как будто не тот, за кого себя выдает. Но подробности все потом. Себастьян опять куда-то ушел, говорит, что нащупал еще какие-то ниточки, отчаянный он парень, а я решила просто отоспаться.

– Я заметил, – улыбнулся Джим.

– Нет, – замотала головой Миа. – Я, правда, ложусь уже. Мы сняли укромный номерок, все, как советовала Мег... ну вы поняли. Кстати, здесь три кровати. Надеюсь, вы не храпите? Когда вас ждать?

– Возможно, завтра, – сказал Джим. – Есть кое-какие дела, нужно все завершить. А там придется вернуться к поискам. Эта Эмили Уайт где-то поблизости. Во всяком случае, кажется, жива. Но сначала устроим круглый стол. Следует все обсудить.

– Жаль, что я не верю во всемирный заговор, – пробормотала Миа.

– Что ты имеешь в виду, – спросил Джим.

– Да это Себастьян беспрерывно повторяет, – махнула она рукой. – Что-то чертит, прикидывает. У вас с ним, думаю, будет длинный разговор. Он тоже хочет, чтобы вы скорее вернулись. Хочет познакомиться с вами заново, босс. Говорит, что в его памяти Счастливчик Джим с вашим лицом, но не с вашими повадками.

– Когда он успел узнать мои повадки? – заинтересовался Джим.

– По моим рассказам, – улыбнулась Миа. – Хотя и того единственного дня в офисе тоже хватило.

– Мы были вместе в офисе меньше часа, – заметил Джим.

– И произошло это как будто сто лет назад, – согласилась Миа. – А вы помните, что в каждом визуаре по пять образов? У меня под блондинкой – еще три умопомрачительных девицы и один сладкий мальчик. Я буду их выгуливать по очереди. А у вас? Вам сказать наш адрес? Вы спать собираетесь?

– Пока не нужно, – мотнул головой Джим. – Спать собираюсь, но не знаю когда. Судя по состоянию, продержусь без сна еще сутки легко. А там посмотрим. Я позвоню. Мне тоже важно узнать, что вы накопили. Да и рассказать есть что. Это все?

– Ой! Нет! – всполошилась Миа. – Себастьян велел предупредить. Он смотрел тот ролик. Да, он уже в общей сети, так что скоро вы станете знаменитостью, если уже не стали. Да, там, где вы круто машете мечом. Себастьян как замороженный запускал его раз десять, сказал, что это неизвестная школа, и судя по вашим движениям, вам нужно какое-то другое оружие, или меч покороче, не знаю. Короче, он восхищен, но есть две неприятности.

– Какие? – почувствовал что-то неладное Джим.

– Эти бандиты из трущоб и эльфы, – Миа поморщилась. – Они же не отступятся. Им плевать на наши визуары. Да и полиция тоже не так проста.

Миа сделала горестное лицо.

– Говори, – потребовал Джим.

– У полиции есть собаки и такие карманные фиксаторы запахов, – прошептала Миа. – К тому же весь город наводнен камерами, говорят, что иногда обычные визуары даже лучше вот таких конкретных, как у нас. И у эльфов есть собаки. А еще с ними работают какие-то... кинокефалы. Это вообще страсть – люди с собачьими головами. Говорят, что многим из них раздали образцы вашего запаха. Правда, говорят, есть средства и против этого, но Себастьян их пока не нашел. Может помочь хороший дезодорант, но лишь на время. Охота продолжается, босс.

– Это все? – напряженно спросил он.

– Нет, – спохватилась Миа. – Оружие! То, чем вы управлялись! Себастьян навел справки. Оно очень дорогое, но это какая-то кристаллическая технология, хотя и не эльфийское оружие. Но в эльфийском магия, а в том, что у вас, какая-то наука. Тут есть частные производства,

за такие устройства платят бешеные деньги, поэтому каждый такой меч... отслеживается. За ним могут прийти. Это как маяк. И передатчик где-то внутри, в массе. Его нельзя просто так извлечь. Возможно, вы уже в опасности.

– Есть способ выйти из-под контроля? – спросил Джим, начиная натягивать ветровку и проверяя содержимое ее карманов. – Пластик, фольга, земля?

– Вода, – вздохнула Миа. – Только вода. Но ее нужно менять каждые тридцать минут. А если завернуть в мокрую тряпку, проливать каждые пять. Она как-то электризуется или еще что-то. Короче, я не поняла.

– Зато я понял, до связи, – нажал отбой Джим и сразу же погасил свет в комнате.

Дальше он все делал на ощупь. Побросал в ванную старую, пропитавшуюся потом одежду, залил ее найденными тут же средствами для снятия лака и еще какой-то химией, окропив сверху действительно аномально крепкой водкой. Набрал воды в пластиковый кувшин, впихнул в нее обрубок меча, замотанный в полотенце, завязал все это в пакет и убрал еще в один пакет. Приоткрыл окно, высунулся в темный двор, прислушался. В здании что-то происходило. Из соседних номеров по-прежнему слышались стоны, но в отдалении как будто раздался крик и донеслись удары.

Джим вернулся в ванную, щелкнул найденной тут же зажигалкой и зажег смоченную водкой одежду. Затем плотно прикрыл дверь и через пару секунд выпрыгнул из окна. После прыжка со второго с половиной этажа это было уже не сложно. Когда Джим прокрался вдоль темных стен к выходу из двора, в здании отеля раздались выстрелы. Когда он вышел на проспект, то услышал за спиной вой пожарной сигнализации.

До метро он добрался, используя лицо вислоусого. Перед тем, как спуститься под землю, зашел в очередное кафе и выбрал из трех оставшихся образов личину утомленного офисного работника средних лет со впалыми щеками и с затянутыми в пучок волосами с проседью. Выбор оказался удачным. На лестницах, да и в вагоне никто не задержал на нем взгляд ни на минуту. К трем часам ночи, периодически заглядывая в разные кафе и обновляя воду в кувшине с мечом, Джим добрался до камеры хранения и забрал свое имущество. К половине четвертого он оказался вновь на площади Согласия, взглянул издали на сияющее огнями здание министерства и отправился в огромный торговый центр напротив, в котором как будто кипела ночная жизнь. Еще через полчаса продавец дорогой парфюмерии внял его мольбам и принес ему жутко дорогой дезодорант, который не забывает другие запахи собственным ароматом, а уничтожает любые запахи как таковые. Флакон был служебным и использовался, чтобы клиент мог попробовать новый запах, не смешивая его с предыдущим.

– И ваша жена перестанет устраивать вам сцены ревности, – пообещал продавец, радуясь выгодной сделке.

Еще через час, уже под утро, Джим с двумя пересадками добрался до двадцать четвертого сектора. По его прикидкам этот район находился примерно в семидесяти милях от площади Согласия, но даже не на окраине огромного города, а лишь в его середине и, судя по бегущей строке происшествий на станции, где Джим вышел из вагона, был не самым безопасным для жизни сектором. Однако человек, которого ему посоветовал Джерард, проживал именно здесь. Конечно, идти к нему в такую рань не следовало, но с центральных улиц хотелось убраться как можно скорее. В половине шестого утра Джим заселился в гостиницу, которая находилась внутри спального района и не могла похвастаться ничем, кроме чистого белья и отсутствия насекомых в номерах. Джим снял номер под крышей на три дня, положил на стойку пару лишних монет, чтобы не испытывать никакого беспокойства, а уже на верхних этажах переговорил с сонной горничной и за еще пару монет получил номер в другом крыле, где его точно никто не будет искать, и три бутылки пива средней паршивости в придачу. Еще через пять минут Джим поставил кувшин с мечом под медленно текущую воду, развернул гостинец Джерарда и с некоторым сочувствием к Мие и Себастьяну неспешно уничтожил его вместе с пивом. В

шесть утра Джим наконец добрался до постели и, уже засыпая, подумал, что не спать двое суток подряд не так уж сложно, и что самым ужасным вариантом пробуждения для него может оказаться пробуждение в виде толстого и низкорослого глупца, при появлении которого на экране неизменно запускается закадровый смех.

Глава седьмая. Шаграт и пицца

Джим проснулся ближе к обеду, открыл глаза и долго смотрел в потолок, на котором были заметны замазанные побелкой следы от пуль. Видно один из постояльцев начал собственное пробуждение с пальбы. Поняв, что заснуть больше не удастся, мельком задумавшись о том, что это такое – сон персонажа в виртуальности, которая сама по себе должна была походить на сон, Джим потянулся к одежде и нащупал пистолет. Нет, стрелять ему не хотелось, хотя легкое беспокойство его не отпускало. Все, чего Джим сейчас желал, были сытный завтрак и покой. Всего лишь на четвертый день в Extensio он уже желал покоя.

Окна его номера выходили на юг, и кружевные занавески, которые он чуть раздвинул с вечера, когда открывал окно, пронизывали лучи полуденного солнца. Кондиционера в номере не было. В нем вообще ничего не было кроме кровати с чистым бельем, пожелтевшей от времени карты Инфернума на стене, тумбочки с зеркалом, обычного стола со слегка вспучившейся и потрескавшейся полировкой и такого же стула, в спинке которого не хватало планок. И именно эта скудность отчего-то устроила Джима. Он попытался вспомнить, как была обставлена его квартира, она маячила смутным образом где-то на горизонте воспоминаний, иногда по сюжету сериала, который все еще казался ему его собственным прошлым, Джим принимал звонки дома, в двух эпизодах точно встречал гостей, даже Себастьян и Миа бывали в его доме, но отчего-то теперь эти воспоминания казались ему чем-то вроде костылей в доме у человека, который давно избавился от хромоты. К тому же «его» дом, судя по воспоминаниям, наполненный плюшевыми игрушками и сладостями, не был его домом. Он был приспособлен для удобства невысокого толстяка, любящего поесть.

Джим снова покосился на окно и подумал об относительности понятия «юг» в Инфернуме. Да, речка под Девичьим мостом по словам Патрокла протекала с севера на юг. Вероятно, если он пойдет в туристический магазин и приобретет там компас, то его стрелка покажет как раз в ту сторону, откуда речка начинает свой путь. Но значит ли это, что стрелку компаса разворачивают магнитные линии? Или же она разворачивается, повинувшись сложному или несложному программному коду, и готова развернуться в любую сторону, все зависит от комбинации цифр в одной из ячеек грандиозной программы? Но в таком случае, значит ли это, что в реальном мире стрелка компаса подчиняется именно магнитным линиям, а не какому-то тайному коду, отображением которого эти линии и являются? И не проще ли запрограммировать именно магнитные линии, чем программировать каждый компас в округе? Иначе говоря, не проще ли запрограммировать физические законы, чем заносить в условную таблицу программу поведения для каждого объекта?

Джим усмехнулся, с легкой укоризной постучал себя кулаком по лбу, поднялся, заглянул в ванную комнату, где заодно проверил купающийся в холодной воде меч, затем вернулся к постели и посвятил некоторое время различным упражнениям, о существовании которых как будто даже и не подозревал до сегодняшнего утра. Его тело словно само принимало необходимые позы и подсказывало, как себя лучше нагрузить. Отжимание из стойки на руках, устремив вытянутые ноги вверх, было самой легкой из поставленных им перед собой задач. Конечно, бодрость было бы куда проще добыть, сделав небольшую пробежку, но что-то подсказывало Джиму, что многие его вчерашние действия были верхом безрассудства. Получив нешуточную нагрузку на паре квадратных ярдов, он принял душ, вытерся гостиничным полотенцем, обработал себя дезодорантом и почувствовал, что хороший завтрак становится все более насущной проблемой с каждой прошедшей после его пробуждения минутой. Однако сначала следовало подвести итог вчерашнему дню и определиться с планами на день сегодняшний.

Уже одевшись, Джим снова лег на кровать и закрыл глаза. Пожалуй, самым важным за весь вчерашний день был контакт с этой самой Меган Тернер. С ней, конечно, следовало как-

то связаться еще раз или даже оказаться в ее офисе, неплохо было бы действительно выбраться в Арлингтон, но вряд ли здесь, в Инфернуме есть нечто подобное настоящему Арлингтону с кабинетом маршала США, из окна которого она любуется вечерним городом. Во всяком случае Меган знала куда больше, чем успела передать в своих посланиях, которые пожалуй спасли Джима, а может быть и Мию с Себастьяном. Но главное, о чем Меган Тернер обмолвилась мимолетно, заключалось в двух вещах. Первое, Эмили Уайт, кем бы она ни была на самом деле, действует и влияет на происходящее. То есть, она не просто обиженная девочка, которая сбежала от своей настоящей или вымышленной мамы, обвинив ее в том, что та ненастоящая, а важная фигура на доске. Фигура со своим собственным разумением и планом действий. Может быть, самая важная. И он, Джеймс Бейкер, до сих пор толком не понявший, что или кто он такое, зависим именно от Эмили Уайт во всех смыслах. А по словам Меган Тернер он еще и должен ее спасти. Хорошенькая задача. Еще бы понять, где ее найти, и как спастись самому. Второе обстоятельство было уже не столь важным, но и его тоже не следовало упускать. Подругу Меган Тернер на самом деле звали иначе. Не Оливия Миллер. Получается, это был ее псевдоним, вероятно, игровой. Но без подлинного имени расследование будет серьезно затруднено, пусть даже пока и неизвестно, какую пользу можно будет извлечь из этой информации. В любом случае рано или поздно именно этот вопрос придется прояснить. Что там сказала Меган? Именно подруга попросила ее стать попечителем киностудии, которая снимала их сериал? Пожалуй, надо присмотреться к полному списку попечителей.

Джим полежал еще какое-то время и вдруг подумал, что он как будто сознательно уходит от главного. От того, что пришло к нему в тех видениях, которые сопровождали его контакт с этим ужасным ребенком – Гавриилом. О трех образах – о стоянии на мосту, о чем-то из далекого детства и о стенах крепости, под которыми он или не он когда-то оказался. Какие из них относятся к его реальному прошлому, а какие внедрены в него, смешаны по таинственному замыслу его неизвестного создателя? Мог ли он оказаться на Девичьем мосту, проходя один из квестов модной игры Extensio? Почему нет? А что, если он и в самом деле обычный человек, который каким-то образом погрузился в игру сильнее, чем следовало? И вот, его лишили памяти, наполнили ложными воспоминаниями, закачали в него какую-то программу и вновь выпустили в игру, рассчитывая, что он добьется какой-то цели? Или же вся эта игра что-то вроде посмертной участи, во всяком случае название у нее подходящее – Инфернум. А что если это и в самом деле виртуальная территория, и он просто копия того обычного человека? Но кто тогда закачал в него программу, удаленную Гавриилом? Оливия Миллер? Пожалуй, если она смогла оставить запись в блокноте не просто в запертom помещении, но и в помещении, сданном под охрану. Но если это сделала Оливия Миллер, то, кроме вопроса, кто такая эта Оливия Миллер, следовало задать и вопрос, а кто тогда разместил в Джиме ту программу, которую условная Оливия Миллер не смогла удалить? Эмили Уайт? Не слишком ли все это сложно для молоденькой девушки? И почему Оливия Миллер не смогла ее удалить? Не хватило времени? Мощностей-то у нее, кажется, имелось в достатке, если она губернатор Инфернума.

Джим открыл глаза, поднялся, сел к столу и придвинул к себе сумку. Первым делом он выудил из нее тот самый блокнот с гербом гарвардского университета и фотографию Эмили Уайт и сверил почерк, которым были сделаны надписи и на обратной стороне фото, и в блокноте. Почерк отличался. Запись о времени приема Оливии Миллер была сделана рукой уверенного в себе и расчетливого человека, пожалуй, даже аккуратиста. А вот надпись на фотографии Эмили сделал человек, который не придавал особого значения собственному почерку. Пожалуй, для него или для нее более важным казался смысл, передаваемый словами. Джим развернул картинку с всплывающей девочкой и убедился, что цифры с предполагаемым адресом Гавриила были выведены той же рукой, что и слова на фотографии. «Салли Манн», – вспомнил имя фотографа Джим и подумал, что если фотография в его кабинете появилась по чьему-то замыслу, она не могла исчезнуть бесследно. Следовало запомнить это имя, так же

как и задуматься над участием в происходящих событиях Патрокла. А что, если он не просто участник всех происходящих событий, а близкий друг Эмили Уайт?

На мгновение что-то напоминающее ревность шевельнулось у Джима в области сердца, но он тут же скорчил самую глупую гримасу из возможных и для верности потряс головой. Только бредить наяву ему еще не хватало. О чем он должен подумать еще? О том, что короткое воспоминание, в котором не было ничего кроме темноты, собственных слов, а так же женского голоса и пронизывающей все его тело боли, показалось ему самым ярким? А что если это воспоминание из его настоящего детства? Могло ли оно быть ложным? Могло. Все могло быть ложным. Но за каким чертом ложное воспоминание прятать так глубоко? Ограждать от него Джима? Что сказала та женщина? «Потерпи немного, Джим. Скоро тебе будет легче. Не заставляй меня плакать. Потерпи». Что из этого следует? Что он когда-то, будучи ребенком, испытывал боль? И что его мать, похоже, отчасти привыкла к этой боли, иначе почему она призывала его, Джима, к терпению? Но почему она сказала – «Не заставляй меня плакать»? Могли ли эти слова быть сказаны ребенку, который мучается от временного недомогания? Или этот оборот как раз для того случая, когда все слезы уже выплаканы? «Потерпи». Черт бы побрал все эти загадки...

Какое-то время Джим просто сидел, глядя между штор на голубое небо в окне, и представлял, как он, будучи маленьким мальчиком, заболел, мучился, но выздоровел и однажды вошел в игру, чтобы выполнить несколько квестов. Возможно, для того, чтобы отдохнуть или развлечься и каким-то образом оказался на Девичьем мосту. И не убил девочку. Хочется думать, что не убил. Может быть даже защищал ее. А потом отправился в другой квест, может быть, даже в другую игру и там плыл на корабле, который рассекал волны, повинуясь слаженным усилиям сотен гребцов. А позже стоял под стеной циклопической крепости и разглядывал расположившихся на ее зубцах богов или упоенных собственным могуществом властителей. Последнее, правда, скорее подходило для кошмара или напоминало какой-нибудь костюмированный пафосный фильм из истории древнего мира. Развлечение для подростков. Вот уж что точно не могло быть его прошлым. Одно, правда, становилось определенным, если Джим где-то и научился владеть оружием, то скорее всего неподалеку от той крепости. Интересно, выжил ли он там? И его ли это память? Или это память какого-то воина, и никакой личной заслуги Джима в его везении в той схватке у лиловой арки нет?

Джим поднялся, подошел к стене и долго вглядывался в карту Инфернума, который и в самом деле имел форму круга, правда, нанесенного на изображение местности, которая этим кругом не ограничивалась. Похоже, эта карта висела на стене номера уже несколько лет. Во всяком случае, могла похвастаться ожогами от сигарет, была оплавлена с одного угла, а так же вымазана и в помаде, и в чем-то куда менее презентабельном. Кроме всего прочего она несла на себе и следы правки – разными почерками и разными чернилами. В верхней левой трети поверх надписи «Курортная зона» было вычерчено «Прорва». «Мраморные копи» были помечены словом «Уроды», которое повторялось крупными буквами на фоне моря. Мелкие надписи отмечали «Призрачный лес», «Соленые болота» и «Минные поля». Джим тут же вспомнил 413-ого, после чего перевел взгляд на верхнюю правую треть круга, отделенную, как и левая треть, от оставшегося Инфернума руслами рек. Здесь он нашел сплошной лес с обозначением «Пуща», а так же какие-то «Дебри» вдоль русла «Гудзона», «Горы» на севере и «Топь» на востоке. Именно там, на самом краю Инфернума, на стыке «Топи» и «Пущи» Джим с интересом обнаружил значок, помеченный словом «Вокзал», который совпадал с одной из станций подземки.

Нижняя треть карты включала в себя широкую полосу Города, какой-то «Выгреб» по его юго-западной границе и «Черные камни». За пределами Инфернума имелись «Хлябь», «Тьма», «Загород», «Пески», «Глушь», «Раздол» и все те же «Горы». Джим подошел поближе и заметил и красные кресты на линиях подземки, вероятно обозначающие ее перекрытие, и красные

кружки с буквой «Р». Вероятно, так были отмечены порталы. Их было немного, не более двух десятков, и один из них располагался как раз в Мраморных копиях, а еще один – на Девичьем мосту. Джим не смог найти на карте деревню Неглинку, зато отыскал «Пригород» и «Форт», который и в самом деле находился в самом центре Инфернума. Суть игры, если об Extensio все еще имело смысл говорить как об игре, исходя из этой карты, оставалась непонятной. Джим еще раз окинул карту взглядом, потрогал ее, удивился, насколько она тонка, вряд ли это была бумага, и решительно сорвал картину со стены. Теперь осталось только свернуть ее и убрать в сумку. В любом случае, что он за полководец без настоящей боевой, почти что пробитой пулями карты, пусть даже в его полку всего два воина – Себастьян Коулман и Миа Макензи?

Желудок давал о себе знать все настойчивее, но Джим сначала решил ознакомиться с остальными гостинцами от Джерарда, тем более что ему следовало показать их нужному человеку. Решив, что было бы странно показывать то, чего он не успел рассмотреть сам, Джим вытащил из сумки объемистый мешок, в который раз прочитал прикрепленную к нему записку, написанную печатными буквами как раз под нужным адресом: «Геф. Окажи содействие получателю сего. Что-то мне подсказывает, что вот это барахло может ему пригодиться. Если что, мы с тобой потом сочтемся. С. Д.» и распустил затейливый узел на горловине мешка. После этого он один за другим вытащил из него следующие предметы: затейливую деревянную мялку для картошки, бронзовую ручку от двери с обломком последней, батарейку со светящимся индикатором заряда, небольшой торцевой гаечный или похожий на него ключ и стальной макет покрытой кратерами планеты размером с бейсбольный мяч с вмятинами от пальцев.

– «Что-то мне подсказывает, что вот это барахло может ему пригодиться», – снова прочитал записку Джерарда Джим и не смог сдержать улыбки. Теперь ему следовало определиться – возвращаться ли в центр города, предварительно созвонившись с Мией или Себастьяном, или все же найти друга Джерарда? Повертев в руках мялку, которая была с одной стороны вставлена как будто в бронзовый цилиндр с литым навершием, украшенный прорезанными в нем листовыми узорами, а с другой имела следы какой-то утраченной насадки, Джим вдруг обнаружил наклеенный на нее крохотный стикер. На нем рукой все того же Джерарда была указана дата и написано следующее: «От Патрокла. Эльфийский жезл. Некомплект». Недолгие поиски позволили обнаружить похожие наклейки и на прочих предметах. «Прихватка. Малин», «Хрень со свечением. Бишоп», «Минный ключ. 413» и «Мячик. Галион». «Нет, – подумал Джим. – К этому Гефу лучше прогуляться».

Воспользовавшись служебным выходом, Джим вышел из гостиницы через полчаса. Как и недавно в полиции, подхватил бак с отходами и донес его до грузовичка, на котором возился седой афроамериканец.

– Привет, приятель, – обрадовался тот Джиму, который налепил на плечи визуары от Меган и вновь выглядел темнокожим уборщиком или строителем. – Спасибо за помощь! Работашь в гостинице?

– Нет, – покачал головой Джим, поправляя на плече пакет с кувшином. – Просто справлялся о цене номера, шел мимо, решил помочь. На обед иду. Тут есть что-нибудь простое, но сытное? Ну, не знаю... Пиццерия какая-нибудь?

– Тут полно всего, – оживился седой. – Это ж рабочий район, а трудяги поесть любят. И еще любят, чтобы было недорого, и чтобы вкусно. Сразу за гостиницей – на той стороне площади – есть хорошая итальянская пиццерия. Чикагская пицца там такая, что душу за нее можно заложить. Только лучше заказывать. Привезут в лучшем виде. Заглядывать туда я не советую.

– А что так? – удивился Джим.

– В здешней округе дурной воздух, – понизил голос седой. – Я смотрю, ты тут недавно? Из центра, что ли? Тут полиции словно вообще нет. В этой пиццерии окопались нацики. Хотя, если серьезно, обычные разбойники и грабители. Хозяин уже кому только не жаловался. Мало того, что четверть зала занимают и курят, не выходя наружу, так и бесплатно требуют их кормить. Пиццерия только и выживает за счет доставки и то, я слышал, собирается закрываться. А ночами тут вообще черт знает что творится. Недели не пройдет, чтобы не нашли труп или черного, или латиноса какого-нибудь.

– И что, – нахмурился Джим. – Так по всему городу?

– В каждом районе свои проблемы, – отмахнулся седой. – К примеру в девятнадцатом и восемнадцатом кварталах наш брат верховодит. Там не то что в пиццерию, в пределы района белому лучше не соваться, да и своим перепасть может. Есть районы, где властвуют китайцы, есть – где индусы или русские или еще кто. Бывает, что эльфы или гномы под себя несколько кварталов подгребут и живут себе, словно в горах где в пещерах или в лесу. Правда, до первой серьезной облавы. А вторая правда, что и после нее тоже. Но уж что творится за городом, страшно подумать. Надо сказать, что Инфернум вовсе не для того, чтобы поплевывать в небо и кто-то эти плевки подхватывал у тебя над лицом. Но в последние три года здесь что-то совсем худо стало.

– И куда ж податься простому человеку? – спросил Джим. – Не в Прорву же?

– Ну ты сказал, – захихикал седой. – В Прорву! Съедят там тебя тут же. Говорят, что все беды наши откуда-то оттуда пошли. Игрокам-то что – побродил по квестам, бонусы суммировал и в родные места. Убили – перезагрузился и гуляй себе новым маршрутом. А нам здесь жить. Говорят, пока неплохо в Пригороде. Там, понятное дело, опасно, но хотя бы все по-людски. А тут... каждый держится за кусок, что успел урвать, вроде как я за свой грузовик, а если отнимут, даже не знаю. Кому совсем неважно, топают на Вокзал и ждут паровоза.

– В рай хотят попасть? – уточнил Джим.

– Это никому неизвестно, – стал серьезным седой. – Говорят разное, но до конечной ехать никто не заставляет. Вроде бы есть хорошие места по дороге. Да и письма оттуда вроде приходят. Хотя ни связи, ничего толком. Только телеграф.

– Как в старые добрые времена, – задумался Джим.

– Не уверен я, что они были добрыми, – заметил седой. – Сам-то откуда?

– Из временной локации, – признался Джим. – Ищу себе применения.

– А что же, – удивился седой. – Ни путевого листа, ни назначения не было, что ли?

– Сбой, – пожал плечами Джим. – Вот, берусь чуть ли не за любую работу.

– Твою же мать, – покачал головой седой. – Что ж, удачи тебе, брат.

– Спасибо, – кивнул Джим.

– Только в пиццерию лучше не суйся! – крикнул ему вслед седой.

– Как пойдет, – усмехнулся Джим.

Внутри у него все клокотало. Нет, он не собирался восстанавливать справедливость в Городе, не было у него на это ни сил, ни времени, ни ресурса, но сама мысль, что он может отправиться к человеку Джерарда, забыв о мерзавцах, засевших в центре сектора, вызвала у него тошноту. К тому же он и в самом деле очень хотел есть. В памяти услужливо всплыла то ли услышанная, то ли заложенная кем-то в него фраза: «Трусость – это не тогда, когда о том, что ты испугался, узнают другие. И не тогда, когда об этом узнаешь ты сам. А когда ты готов с этим чувством смириться».

На полпути к пиццерии у Джима зазвонил телефон. Он поднес его к уху, не глядя, и почему-то обрадовался, услышав голос Себастьяна:

- Шеф! – восторженно воскликнул тот. – Когда мы вас увидим?
- Пришло время? – поинтересовался Джим. – Как вы там?
- Пока все в порядке! – отрапортовал Себастьян. – Но слишком много информации, чтобы я продолжал работать автономно. Надо бы как-то скоординироваться. Помните, наше соевое дело, после которого мы все завалили в итальянский ресторан?
- Соевое дело помню плохо, а итальянский ресторан – в подробностях, – ответил Джим. – Кажется, я тогда заказал себе целый бисквитный торт? Удивительно, как я при таком образе жизни не заработал диабет?
- Это все, конечно, загадочно весьма, – усмехнулся Себастьян. – Но ведь я и в самом деле не помню того толстяка. В моей памяти только вы. Тут, кстати, Миа много чего раскопала. Этот актер в жизни вовсе не толстый и далеко не весельчак. А для съемок в сериале он облачался в специальный костюм. Жутко потел в нем. Ну и запах соответствующий издавал. Актеры, которые играли нас, жутко страдали от этого. На большой земле, между прочим, праздник, что этот тошнотворный сериал наконец закрыли. Но насчет запаха – это что-то.
- Вы этого конечно не помните? – предположил Джим.
- Нет, – признался Себастьян. – Хотя склейка по вашему образу была явно сделана наспех. Толстяка я не помню, а взглядом всегда пытался найти коротышку.
- Как тебе в образе бота? – спросил Джим.
- Так же как и нам всем, – погрустнел Себастьян. – Понятно, что я и человеком считал себя не так долго, но вы же знаете мой принцип? Лучше горькая, но правда.
- А сладкая правда еще лучше, – продолжил Джим.
- Вторая половина принципа почти ваша, – засмеялся Себастьян. – Так когда мы вас увидим?
- Надеюсь, что сегодня к вечеру, – сказал Джим. – Каждый день предлагает новые задачи, но чувствую, что и в самом деле пора сверить планы. Как там Миа?
- Держится, – понизил голос Себастьян. – Конечно, то, что вы принесли от этой... начальницы, это чудо какое-то. Но я тоже кое-чего стою. Сумел организовать безопасный выход в большую сеть. Так что, Миа сейчас и головы не поднимает.
- Передай ей, что нужно покопаться в списке акционеров Extensio, – сказал Джим. – Главное, что меня пока интересует, кто скрывается или скрывался под именем Оливия Миллер. И если это удастся выяснить, пусть поищет все любопытное, что с ней или с ним связано. Ты ведь тоже этим занимаешься?
- Я копаю по всей игре в целом, – признался Себастьян, – но и это на глаза тоже попадается.
- Спасибо тебе, – сказала Джим. – За то, что ты в моей команде, что сел за руль моей машины, и что спас себя и Мию. Мне было бы без вас куда сложнее.
- Да ладно, – явно расплылся в улыбке Себастьян. – Я, кстати, думаю, что Миа нас спасла. Она же догадалась достать из сейфа второй комплект ваших ключей. Мне бы и в голову не пришло. Да и когда уже ехали по Коламбус Авеню, рванула руль вправо, когда впереди разверзлась пропасть. И на ту дверь пальцем ткнула тоже она. И навигатор заметила на той площади. Можно быть очень крутым бойцом, но без смекалки и удачи – все это коту под хвост. Что сообразить на нашу вечернюю встречу? Пиццу?
- Нет, – мотнул головой Джим. – Пиццу я как раз собираюсь употребить на обед. Давай что-нибудь экзотическое. Ну, что ты любишь? С палочками, с соусом, с неспешным разговором. Сыграешь китайца, который пригласил глупых европейцев на китайский ужин?
- Все понял, шеф, – снова засмеялся Себастьян. – Суши. И sake! Хотя sake – это от японцев.
- И sake, – повторил Джим, пряча телефон. Перед ним светилась яркими огнями вывеска итальянского ресторана.

Внутри было довольно уютно, хотя запах сигарет бил в ноздри уже в вестибюле. На входе Джиму встретился молодой парень, который, прихрамывая, тащил сразу с десяток коробок пиццы. Увидев Джима он расширил глаза и едва не выронил свою ношу. Джим подхватил посыпавшуюся стопку и дождался, когда парень придет в себя.

– Помочь? – спросил он носильщика. – Ты ведь не работаешь здесь?

– Нет, – замотал головой парень. – Это я в мастерскую. К отцу. Там машина у входа. Помощь не нужна. Ты зачем сюда пришел?

– Как и ты, – пожал плечами Джим. – За пиццей.

– Уходи отсюда, – прошипел парень. – Куда ты прешь, да еще с сумками? Как ты собираешься убежать? Мало того, что тут вся банда, так еще и главарь здесь же. Сам Шаграт. Моего отца то ли побаиваются, то ли уважают, поэтому меня не трогают. А так-то проходу не дают! Хозяин волосы на голове рвет от досады!

– Так сюда не только черные боятся заходить? – понял Джим. – А пицца хоть вкусная?

– Лучшая во всем секторе, – вздохнул парень. – Иначе бы хозяин – Роби – давно бы прогорел. Тает во рту! Я даже иногда подрабатываю у него на доставке. А черные не только в эту пиццерию боятся заходить, их в нашем районе вообще почти нет!

– А твой отец кто, – спросил Джим. – Полицейский? Почему он не наведет здесь порядок?

– Мой отец мастер, – гордо сказал парень. – Но он один, а таких банд, как банда Шаграта, в городе сотни. Если не тысячи. Отец говорит, что поднять слишком тяжелый молот можно, только ковать им не получится. Не ходи туда. Хочешь, я отдам тебе одну пиццу?

– Спасибо, – прижал руку к груди Джим. – Но я хочу посмотреть на этого Шаграта. Имя знакомое. Вот только не припомню, где я его уже слышал. Кажется, в связи с каким-то грабежом.

– Ты сумашедший, – вздохнул парень и заспешил к выходу. – Удачи тебе!

– Спасибо, пригодится, – крикнул ему вслед Джим и добавил негромко. – И, надеюсь, не только сегодня.

В обеденном зале висели клубы дыма, слышался громкий разговор, смех, но Джим не стал поворачивать головы в сторону окон, где сидели, стояли и даже как будто лежали не менее полусотни рослых бойцов, одетых кто как придется, а сразу направился на раздачу, где ткнул пальцем в самую сочную пиццу, подмигнул седому, с расширенными от ужаса глазами итальянцу, рассчитался карточкой и отправился к столику в центре, расположенному у одной из украшенных зеркалами колонн. Специй на столах не было, да и протерт стол был так себе. Скорее всего у этого Роби были проблемы не только с официантками, но и с официантами. Между тем в обеденном зале повисла тишина. Усаживаясь за стол, аккуратно вешая сумку на крюк, устроенный под столешницей, и раскладывая приборы, Джим не поднимая глаз, чувствовал устремленные на него взгляды. И уже начиная есть, наклонился, распустил узлы на пакетах и чуть приподнял над кувшином рукоять меча. Шаги в тишине он расслышал, когда успел съесть большую часть порции.

– Вкусно? – раздался грубый, смешанный с ехидцей голос, что-то звякнуло и стул напротив Джима заскрипел от тяжести усевшегося на него.

– Очень, – кивнул, прожевывая, Джим. – Понятное дело, что у всякой пиццы есть поклонники. Я и сам не прочь полакомиться той же нью-йоркской пиццей, но чикагская толстая –

это что-то. Обожаю. Можно даже без специй. Она такая сочная. Хотя, конечно, с маслом, да настоящим на чесноке... Но здесь ничего нет. Наверное, воруют.

Он поднял взгляд и обнаружил напротив широкоплечего верзилу с хищным выражением лица. Нет, тот не был зеленокожим, скорее цвет его лица был серым, но то, что он не являлся человеком, было очевидно. Джим посмотрел в зеркало на столбе. Вот и причина едва различимых шагов нарисовалась. За его спиной в пяти шагах замерли еще двое, правда, уже людей. В руках у них поблескивала цепь. На столе перед верзилой лежал огромный нож, но не фальш-пион, а именно мачете.

– Воруют, – сочувственно кивнул серокожий. – И вот ведь как так выходит, полный зал людей, а специи пропадают? Или же их не выставляют? Как думаешь?

– Не знаю, – Джим оглянулся на стойку, но хозяина словно ветром сдуло. – По-разному бывает. Один раз украли, второй раз, чего ж третий раз ставить? Сначала нужно порядок навести. Кстати, ножик мне не нужен, спасибо, пицца уже порезана, да и поел я. Нет, без порядка ничего не получится.

– И как же его добиться? – поинтересовался серокожий, кладя ладонь на рукоять ножа.

– Ну, бывают разные способы, – пожал плечами Джим, отодвигая блюдо. – Я бы начал с того, что выкинул наружу мусор и проветрил помещение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.